

ЖУРНАЛ ПОСТСОВЕТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

2021 Том 4 № 1

<https://www.postussr.org>

Электронный научный журнал

Издается с 2018 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации Эл № ФС 77 - 71895 от 13 декабря 2017 г.

Учредитель: Курылев Константин Петрович

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Курылев Константин Петрович

доктор исторических наук,
профессор, РУДН, Москва,
Российская Федерация,
kuryljov@narod.ru

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Пархитько Николай Петрович

кандидат исторических наук, доцент
РУДН, Москва, Российская Федерация,
scharnchorst@mail.ru

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Губайдулина Мара Шаукатовна

доктор исторических наук,
профессор, КазНУ им. Аль-Фараби,
Алматы, Республика Казахстан,
maragu@mail.ru

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Смолик Надежда Григорьевна

старший преподаватель,
РУДН, Москва,
Российская Федерация,
nadian@list.ru

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Ибрагимов Алимуса Гюльмуса оглу, доктор философии по политическим наукам, преподаватель кафедры «Международные отношения» Бакинского государственного университета, Баку, Республика Азербайджан

Аглян Ваагн Робертович, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой государственного управления Ереванского государственного университета, Ереван, Республика Армения

Достанко Елена Анатольевна, кандидат политических наук, Начальник Главного управления образовательной деятельности Белорусского государственного университета, Минск, Республика Беларусь

Рцхиладзе Гулбаат Викторович, кандидат политических наук, директор Института Евразии, Тбилиси, Грузия

Аджай Кумар Патнайк, доктор философии по политическим наукам, директор Центра по изучению России и Центральной Азии Университета им. Дж. Неру, Дели, Республика Индия

Есдаулетова Ардак Мэлсовна, доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, Нур-Султан, Республика Казахстан

Ибраева Эльмира Алпамысовна, доктор исторических наук, вице-президент в Казахстанской Академии информации и бизнеса, Алматы, Республика Казахстан

Бейбутова Рысбюбю Алджамбаевна, кандидат филологических наук, декан факультета международных отношений и востоковедения Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына, Бишкек, Кыргызская Республика

Борисов Николай Александрович, доктор политических наук, заведующий кафедрой теоретической и прикладной политологии факультета истории, политологии и права Историко-архивного института Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Грачев Михаил Николаевич, доктор политических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной политологии факультета истории, политологии и права Историко-архивного института Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Гущин Александр Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры постсоветского зарубежья Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Дегтерев Денис Андреевич, доктор политических наук, заведующий кафедрой теории и истории международных отношений Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования "Российский университет дружбы народов" (РУДН), Москва, Российская Федерация

Лапенко Марина Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и внешней политики России Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского», Саратов, Российская Федерация

Маркедонов Сергей Мирославович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра евро-атлантической безопасности Института международных исследований Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования "Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации" (МГИМО (Университета)), Москва, Российская Федерация

Ныгусие Кассеа Вальтер Микаэль, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования "Российский университет дружбы народов" (РУДН), Москва, Российская Федерация

Робертс Кэри, доктор философии по политическим наукам, доцент кафедры политологии факультета экономики, юстиции и политических исследований Университете Маунт Ройал, Калгари Канада.

Саква Ричард, доктор философии по политическим наукам, профессор факультета политологии и международных отношений Университета Кента, Великобритания

Станис Дарья Владимировна, кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования "Российский университет дружбы народов" (РУДН), Москва, Российская Федерация

Федорченко Сергей Николаевич, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и права Государственного образовательного учреждения высшего образования Московской области "Московский государственный областной университет" (МГОУ), Москва, Российская Федерация

Мавланов Ибрагим Раджабович, доктор экономических наук, заведующий кафедрой «Международной торговли и инвестиций» Университета мировой экономики и дипломатии Республики Узбекистан, профессор, Чрезвычайный и Полномочный посол, Ташкент, Республика Узбекистан

ЖУРНАЛ ПОСТСОВЕТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Издается Центром исследований постсоветских стран (ЦИПС), Москва, Россия

ISSN: 2618-7426 (online)

8 выпусков в год.

Тематика журнала в терминах действующей номенклатуры специальностей научных работников:

07.00.15 – История международных отношений и внешней политики (исторические науки)

23.00.04 – Политические проблемы международных отношений и глобального и регионального развития (политические науки)

Издается при научно-методической поддержке Центра исследований постсоветских стран (ЦИПС).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, и Google Scholar.

Языки: русский, английский, французский, немецкий.

Официальный сайт журнала: <https://www.postussr.org>.

Цель и тематика

Перед журналом «Постсоветские исследования» ставится цель публикация материалов на основе комплексного междисциплинарного изучения существующих проблем и тенденций развития постсоветского пространства. В фокусе публикуемых исследований – анализ внешнеполитических концепций, стратегий и приоритетов бывших республик СССР, вызовов и угроз, с которыми они сталкиваются в условиях формирования новой полицентричной системы международных отношений. Тематическая направленность издания обуславливает необходимость привлечения в качестве авторов публикаций представителей экспертно-аналитического сообщества стран-участниц СНГ и Грузии из числа профессорско-преподавательского состава ведущих ВУЗов, независимых исследовательских центров, специалистов и официальных лиц различных уровней.

Характерной чертой журнала является то, что он отражает широкий спектр мнений специалистов, читатель получает комплексное представление о национальных интересах стран СНГ и их преломлении во внешнеполитических доктринах. Перечень тематических разделов издания включает рубрики, предполагающие анализ внешней политики и вопросов безопасности стран постсоветского зарубежья, внутриполитических процессов, социально-экономических и проблем.

В первую очередь к публикации принимаются статьи по приоритетным постоянным рубрикам журнала, к которым относятся «Страны СНГ в мировой политике и экономике», «Внешняя политика стран СНГ», «Интеграционные процессы в регионе СНГ», «Конфликтный потенциал в регионе СНГ».

Тематический портфель на 2021 г., следующий:

№ 2 2021	Азербайджан в мировой политике	До 15 февраля 2021 г.
№ 3 2021	Номер не тематический	До 1 марта 2021 г.
№ 4 2021	Политика Китая на пространстве СНГ	До 1 апреля 2021 г.
№ 5 2021	Номер не тематический	До 1 мая 2021 г.
№ 6 2021	Влияние пандемии COVID-19 на развитие государств постсоветского пространства	До 15 июня 2021 г.
№ 7 2021	Номер не тематический	До 1 октября 2021 г.
№ 8 2021	Экологическая проблема на постсоветском пространстве	До 1 декабря 2021 г.

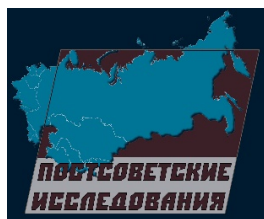
Правила представления рукописей размещены на сайте журнала <https://www.postussr.org/avtoram>.

Почтовый адрес:

117133, Москва, Россия, ул. Академика Виноградова, д. 10, к. 2
e-mail: article@postussr.org

Фактический адрес:

117133, Москва, Россия, ул. Академика Виноградова, д. 10, к. 2
e-mail: article@postussr.org

JOURNAL POST-SOVIET STUDIES

2021 VOLUME 4 No. 1

[http://](http://www.postussr.org) <https://www.postussr.org>

Electronic journal

Founded in 2018

The edition is registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, information technologies and mass communications.

Registration certificate: ЭЛ № ФС 77 – 71895 from 13.12.2017

Founder: Konstantin Petrovich Kurylev

EDITORIAL COUNCIL

EDITOR-IN-CHIEF

Konstantin P. Kurylev
Doctor in History, Professor,
RUDN University,
Moscow, Russia
kuryljov@narod.ru

DEPUTY EDITOR

Nikolay P. Parkhitko
PhD in History, Assistant Professor
RUDN University,
Moscow, Russia
scharnchorst@mail.ru

DEPUTY EDITOR

Mara Sh. Gubaydulina
Doctor in History, Professor,
KazNU Al-Frabi,
Almaty, Republic of Kazakhstan,
maragu@mail.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Nadejda G. Smolik
Senior Lecturer RUDN University,
Moscow, Russia,
nadian@list.ru

EDITORIAL BOARD

Ibrahimov Alimusa Gulmusa, PhD in political Sciences, lecturer at the Department of International Relations of the Baku State University, Baku, Republic of Azerbaijan

Aglyan Vaagn Robertovich, PhD in History, Head of the Department of Public Administration, Yerevan State University, Erevan, Republic of Armenia

Dostanko Elena Anatolyevna, PhD in History, Head of the Main Department of Educational Activities of the Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

Rzkhiladze Gulbaat Viktorovich, PhD in Politics, Director of the Institute of Eurasia, Tbilisi, Georgia

Ajay Kumar Patnaik, PhD in Political Sciences, professor of the Centre for Russian and Central Asian Studies of the Jawaharlal Nehru University, New Delhi, Republic of India

Esdauletova Ardak Melsovna, Doctor of History, Professor of the Department of International Relations of the L.N. Gumilev Eurasian National University, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan

Ibraeva Elmira Alpamisovna, Doctor of History, Vice President, Kazakhstan Academy of Information and Business, Almaty, Republic of Kazakhstan

Beibutova Risbybyu Aldzhambaeвна, PhD in Philology, Dean of the Faculty of International Relations and Oriental Studies of the J. Balasagyn Kyrgyz National University, Bishkek, Kyrgyz Republic

Borisov Nikolai Aleksandrovich, Doctor of Political Sciences, Head of the Department of Theoretical and Applied Political Science, Faculty of History, Political Science and Law, Historical Archive Institute of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian State Humanitarian University" (RSUH), Moscow, Russian Federation

Grachev Mikhail Nikolaevich, Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Theoretical and Applied Political Science, Faculty of History, Political Science and Law, Historical Archive Institute of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian State Humanitarian University" (RSUH), Moscow, Russian Federation

Gushchin Aleksandr Vladimirovich, PhD in History, Associate Professor of the Department of Post-Soviet Abroad, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Degterev Denis Andreevich, Doctor in in Political Sciences, Head of the Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Lapenko Marina Vladimirovna, PhD in History, Associate Professor of the Department of International Relations and Foreign Policy of Russia of the Saratov National Research State University by N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russian Federation

Markedonov Sergey Miroslavovich, PhD in History, Leading Researcher, Center for Euro-Atlantic Security at the MGIMO Institute for International Studies, Moscow, Russian Federation

Nygussie Kassae Walter Mikael, Doctor in History, Professor of the Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Roberts Kari, PhD in Political Sciences, Associate Professor of Political Science in the Department of Economics, Justice, and Policy Studies at Mount Royal University in Calgary, Canada

Sakwa Richard, PhD in Political Sciences, Professor of Russian and European politics at the University of Kent, The UK

Stanis Daria Vladimirovna, PhD in Economics, Associate Professor, Department of the Public and Municipal Administration of RUDN University, Moscow, Russian Federation

Fedorchenko Sergey Nikolaevich, PhD in Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science and Law, Moscow State Regional University, Moscow, Russian Federation

Mavlanov Ibragim Radjabovich, Doctor of Economy, Head of the Department of International Trade and Investments, University of Global Economy and Diplomacy, Republic of Uzbekistan, Professor, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary, Tashkent, Republic of Uzbekistan

JOURNAL POST-SOVIET STUDIES

Published by the Center for Post-Soviet Studies, Moscow, Russian Federation

ISSN: 2618-7426 (online)

Periodicity - 8 issues per year

Subjects of the journal in terms of the current nomenclature of scientific specialties:

07.00.15 - History of international relations and foreign policy (Historical sciences)

23.00.04 - Political problems of international relations and global and regional development (Political science)

The journal is published with the scientific and methodological support of the Center for Studies of Post-Soviet Countries (CSPSC).

Journal materials are posted on the RISC platform of the Russian Scientific Electronic Library, Electronic Journals Library Cyberleninka, and Google Scholar. Languages: Russian, English, French, German.

Aims and Scope

The journal "Post-Soviet Studies" aims to publish materials based on the integrated interdisciplinary study of relevant problems and trends of the post-Soviet region. The research of the journal is focused on the analysis of foreign policy concepts, strategies and priorities of the former Soviet republics, the challenges and threats they face in the context of the formation of the new polycentric system of international relations. Thus, determines the involvement of representatives of the expert and analytical community of the CIS countries and Georgia including the staff of leading universities, independent research centers, specialists, and officials of wide professional specters as authors of publications.

A characteristic feature of the journal is that it reflects a wide range of professional opinions and gives the reader a comprehensive idea of the national interests of the CIS countries and their refraction in foreign policy doctrines. The list of thematic sections of the publication includes the headings suggesting the analysis of foreign policy and security issues of the countries of the former Soviet republics, internal political processes, economic and social problems.

First of all, the articles based on the priority permanent agenda that includes "CIS countries in world politics and economy", "Foreign policy of the CIS countries", "Integration processes in the CIS region", "Conflict potential in the CIS region", "Political portraits" are welcomed in journal for further publication.

Upcoming issues of the Vestnik RUDN for 2020 will deal with the following issues:

№ 2 2021	Azerbaijan in world politics	Until February 15, 2021
№ 3 2021	Non-thematic issue	Until March 1, 2021
№ 4 2021	China's policy in the CIS area	Until April 1, 2021
№ 5 2021	Non-thematic issue	May 1, 2021
№ 6 2021	Impact of the COVID-19 pandemic on the development of the Post-Soviet states	June 15, 2021
№ 7 2021	Non-thematic issue	Until October 1, 2021
№ 8 2021	Environmental problem in the Post-Soviet area	December 1, 2021

Manuscript submission rules are posted on the journal website.
<https://www.postussr.org/avtoram>

Postal Address of the Editorial Board:

10/2 Academic Vinogradova str., 117133, Moscow, Russia
e-mail: article@postussr.org

Ферфд Address of the Editorial Board:

10/2 Academic Vinogradova str., 117133, Moscow, Russia
e-mail: article@postussr.org

Содержание

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СТРАН СНГ

Майтдинова Г.М. Таджикистан в геополитических трендах в начале третьего десятилетия XXI в.....9

КОНФЛИКТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

Kurylev K.P., Ivkina N.V. The Ukrainian experience of using private military campaigns (Курылев К.П., Ивкина Н.В. Украинский опыт использования частных военных компаний).....17

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

Пархитко Н.П. К вопросу об историческом ревизионизме странами запада роли СССР во Второй Мировой войне. Политический компонент гибридной войны Запада против России 26

Крамаренко М.Б. Историческая политика как инструмент внешнего воздействия на идентичность.....33

Братчик А.С. Проблема фальсификации истории и итогов Великой Отечественной войны на Украине.....43

МЯГКАЯ СИЛА

Тургунбаева А.М. Культура как фактор конфликта и ресурс построения мира.....52

Shoаib Khan Russian language as tool in foreign policy in CIS (Шоаиб Хан. Русский язык как инструмент внешней политики в СНГ).....57

Габриелян Г.Р. Влияние политики «мягкой силы» на укрепление роли КНР в государствах Центральной Азии.....63

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Хотивришвили А.А. Социально-экономические аспекты сотрудничества Вишеградской группы на Евразийском пространстве.....70

ПРОБА ПЕРА

Кенжаев Орифжон Зафаржон Угли. Взаимодействие США с Узбекистаном 2001-2005 гг.....76

Contents

FOREIGN POLICY OF THE CIS COUNTRIES

Maitdinova G.M. Tajikistan in geopolitical trends at the beginning of the third decade of the XXI century.....9

CONFLICT POTENTIAL

Kurylev K.P., Ivkina N.V. The Ukrainian experience of using private military campaigns.....17

HISTORICAL MEMORY

Parkhitko N.P. Historical revisionism of the Soviet role in the second world war by the West. A political component of the West's hybrid war against Russia.....26

Kramarenko M.B. Historical politics as an instrument of external influence on identity....33

Bratchik A.S. The problem of falsification of the history and results of the Great Patriotic War in Ukraine 43

SOFT POWER

Turgunbaeva A.M. Culture as a conflict factor and a resource building the world.....52

Shoaib Khan Russian language as tool in foreign policy in CIS 57

Gabrielian G.R. The impact of the policy of "Soft Power" on strengthening the role of the PRC in the states of Central Asia.....63

INTERNATIONAL ORGANIZATIONS

Khotivrishvili A.A. Social and economic aspects of cooperation of the Visegrad group in the Eurasian space.....70

FIRST STEPS

Kenzhaev Orifjon Zafarjon Ugli US engagement with Uzbekistan 2001-2005.....76

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СТРАН СНГ

Таджикистан в геополитических трендах в начале третьего десятилетия XXI в.

Г. М. Майтдинова

Российско-Таджикский (Славянский) университет, Душанбе, Республика Таджикистан

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9499-156X>, guzel-maitdinova@mail.ru

Аннотация. В статье дан анализ развития Таджикистана в геополитической динамике Центральной Азии в условиях формирования полицентричного мира. Географическая расположенность Республики Таджикистан делает страну ядром важнейших геополитических процессов Среднего Востока, превращая ее одновременно, в зависимости от обстоятельств, либо в ворота между несколькими цивилизациями и экономическими макрорегионами, либо в неприступный горный бастион. В любом случае в настоящее время страна является государственным ядром многомиллионного таджикского этноса, опорой и надеждой около десяти миллионов таджикской диаспоры, проживающей в сложных условиях в более чем тридцати странах мира. Геополитическая специфика Таджикистана позволяет стране потенциально занять ведущее положение в регионе Центральной Азии. Однако осуществление этой задачи потребует мобилизации всех экономических и интеллектуальных ресурсов не только населения Республики Таджикистан, но и широкого привлечения к реализации этой задачи многомиллионной таджикской диаспоры. В работе исследовано сотрудничество Таджикистана с региональными и глобальными акторами в условиях пандемии, определены основные тренды в системе геополитических координат Центральной Азии, а также проанализировано влияние внешних факторов на региональное развитие и безопасность.

Ключевые слова: Стратегия, полицентричный мир, международное сотрудничество, блоковая система, пандемия, геополитическая динамика, национальные интересы, региональная безопасность, интеграция.

Tajikistan in geopolitical trends at the beginning of the third decade of the XXI century

Guzel M. Maitdinova

Russian-Tajik (Slavic) University (RTSU), Dushanbe Republic of Tajikistan

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9499-156X>, guzel-maitdinova@mail.ru

Abstract. The present paper analyzes the development of Tajikistan in the geopolitical dynamics of Central Asia in a formation of the polycentric world. The geographical location of the Republic of Tajikistan makes the country the core of the most important geopolitical processes in the Middle East, turning it simultaneously, depending on the circumstances, either into a gateway between several civilizations and economic macro-regions, or into an impregnable mountain bastion. In any case, at present, the country is the state nucleus of the multimillion Tajik ethnic group, the support and hope of about ten million Tajik diasporas living in difficult conditions in more than thirty countries of the world. The geopolitical specificity of Tajikistan allows the country to potentially take a leading position in the region of the Central Asia. However, the implementation of this task will require the mobilization of all economic and intellectual resources not only of the population of the Republic of Tajikistan, but also the wide involvement of the multi-million Tajik diaspora in the implementation of this task. The research examines the cooperation of Tajikistan with the regional and global actors during the pandemic, defines the main trends in the system of geopolitical location of Central Asia, as well as analyzes the influence of the foreign factors on the regional development and security.

Key words: strategy, polycentric world, international cooperation, block system, pandemic, geopolitical dynamics, national interests, regional security, integration.

Глобальные изменения, происходящие в начале третьей декады XXI в., внесли коррективы на реализацию национальной стратегии развития и на геополитические процессы в Центральной Азии. Воздействие пандемии коронавируса стало серьезным испытанием для устойчивого развития Таджикистана в 2020 г. В связи с пандемией коронавируса Таджикистан, как и многие страны мира, выбрал практику определенной изоляции от окружающих государств. В Таджикистане в целях противодействия пандемии избрали «мягкий» режим «самоизоляции», перекрыв границы, прекратив воздушные и железнодорожные перевозки.

Распространение пандемии в Таджикистане привело к определенному ослаблению имеющихся связей промышленного и сельскохозяйственного производств и поставок товаров, перерыву работ гражданских авиационных и железнодорожных коммуникаций, сферы туризма и т.д. Закрытие границ уже привело к подорожанию продуктов питания и основных промышленных товаров, а из-за введенных карантинных мер в странах традиционного пребывания трудовых мигрантов упал приток денежных переводов.¹ В ближайшей перспективе Таджикистану, также как и другим государствам Центральной Азии, основные усилия придется прилагать не только для реализации Национальной стратегии развития, но и на преодоление кризиса до и после пандемии. Принятая в Таджикистане в декабре 2016 г. «Национальная Стратегия развития Республики Таджикистан на период до 2030 г.», для успешной реализации требует значительных ресурсов. Между тем, Таджикистаном взят старт на вторичную индустриализацию и четвертой стратегической целью государства является становление индустриально-аграрной страной к 2030 г.

В процессе распространения пандемии в Таджикистане необходима была срочная корректировка и разработка антикризисных мер, ускоренное строительство новых боль-

ниц, привлечение внешних медицинских и финансовых ресурсов, определенные тактические изменения приоритетов в работе во внешнеполитических ведомствах, экстренное принятие социально-экономических программ и пересмотры векторов внешне-торгового сотрудничества, что наглядно свидетельствуют о серьезности влияния внешних факторов для развития и стабильности государства в условиях кризиса. Правительство Таджикистана приняло антикризисные меры по предотвращению распространения COVID-19 и утвердил в середине марта 2020 г. «План мероприятий правительства РТ о предотвращении воздействия потенциальных рисков пандемии коронавируса в мире на национальную экономику», привлекая для реализации принимаемых мер не только внутренние ресурсы, но и ресурсы международных доноров (ПРООН, Всемирного банка, Азиатского банка развития, ОБСЕ, USAID).² В вышеуказанном плане мероприятий правительства особое внимание уделяется:

- обеспечению потребительских рынков избытком на продукцию первой необходимости (в том числе мукой, маслом, мясом, сахаром, яйцами, овощами), увеличению их производства, запасов и предотвращению роста цен.

- обеспечению своевременного выполнения социальных обязательств государства, поддержке уязвимых слоев населения

- предоставлению налоговых льгот малому и среднему бизнесу, сокращению и отсрочке неналоговых проверок

- и привлечению финансовой помощи от международных финансовых организаций.³

Из-за пандемии Таджикистану пришлось ввести временный запрет на экспорт

² «Коронакризис» в Центральной Азии: экономические последствия пандемии // <https://l.facebook.com/l.php?u=https%3A%2F%2Fcabar.asia%2Fen%2Fthe-corona-crisis-in-central-asia-economic-impact-of-the-pandemic>

³ Чоршанбиев П. МВФ назвал антикризисные меры правительства Таджикистана эффективными. А что они сделали? // <http://www.toptj.com/News/2020/11/05/mvf-nazval-antikrizisnye-mery-pravitelstva-tadzhikistana-effektivnymi-a-cto-oni-sdelali>

¹ Кризис впереди: что ждет экономику Таджикистана после коронавируса // <https://centrasia.org/newsA.php?st=1608638760>

продуктов. Хотя в Таджикистане в 2020 г. пошла на спад торговля, но только за десять месяцев 2020 г. объем производства продукции Агропромышленного комплекса по показателям оказался на 7,5% больше, чем за аналогичный период 2019-го года, а объем промышленного производства за девять месяцев составил на 10,7% больше, чем в прошлом году. При этом роста удалось добиться за счет увеличения выработки в обрабатывающей промышленности (+19,3%).⁴ Порядка 120 промышленных предприятий и цехов сданы в эксплуатацию в Таджикистане в 2020 г. По данным профильных ведомств экономического блока Таджикистана, данные предприятия, в основном специализируются в производстве моющих и антисептических средств. Кроме того, новые таджикские предприятия и цеха производят медицинские маски, колбасные изделия, строительные материалы, пищевые продукты и другое.⁵ Особенно остро повлияли последствия пандемии на внутреннюю и внешнюю торговлю Таджикистана. Сказались они и на объеме прямых иностранных инвестициях, сфере туризма и оказания услуг, секторе перевозок. Согласно экспертным оценкам, совокупный ущерб для экономики Таджикистана будет составлять около 2 млрд долл.⁶ Между тем, в Таджикистане есть необходимость разработки крупных проектов для внешнего инвестора таких, как строительство и совместное владение новыми межгосударственными железнодорожными магистралями, новым крупным международным аэропортом, крупным текстильным комбинатом, вложение внешних финансовых ресурсов и доля прибыли в добыче и переработке редких металлов и редкоземельных элементов, в со-

здание крупных предприятий большой химии, современных агрохолдингов, авиатуристического холдинга [Захватов 2019]. Кроме того, демографические процессы в Таджикистане в будущем потребуют значительного роста рабочих мест, домов, школ, детских садов, где нужны серьезные капиталовложения. Между тем, по данным Всемирного банка, уровень бедности в Согдийской области составляет 17,5%, в Хатлонской области 32,7%, в районах республиканского подчинения 33,2%, в ГБАО 27,7%, в городе Душанбе 23,5%.⁷

Таджикистану с начала 2020 г. оказали гуманитарную помощь 43 страны ближнего и дальнего зарубежья. В условиях пандемии усилилось взаимодействие Таджикистана с государствами центральноазиатского региона в двустороннем формате. В Таджикистан правительство Узбекистана отправило медицинские принадлежности, медперсонал и мобильную клинику, Казахстан направил в Таджикистан партию муки.⁸ Оказали взаимную поддержку Кыргызстан и Туркменистан. Взаимопомощь государств региона, которые сами испытывают негативное влияние мирового кризиса и эпидемии коронавируса на состояние своих экономик, еще раз свидетельствует о том, что стабильное развитие экономической и общественной жизни после пандемии будет зависеть от усилий регионального сотрудничества и солидарности. В тройку главных доноров, предоставившие помощь Таджикистану, вошли Узбекистана – около 2,5 млн долл., Китай около – 2 млн долл. и Россия – 865 тыс. долл. В условиях роста заболевания населения коронавирусом региональные державы - Россия, Китай, Индия, Иран оказали существенную гуманитарную помощь

⁴ Кризис впереди: что ждет экономику Таджикистана после коронавируса // <https://centrasia.org/newsA.php?st=1608638760>

⁵ В Таджикистане в 2020 году заработали порядка 120 новых промышленных предприятий и цехов // <http://www.toptj.com/News/2021/01/05/delegaciya-afganistana-otbyla-v-katar-dlya-vozobnovleniya-peregovorov-s-talibami>

⁶ Будущее Центральной Азии определили в стенах ООН // https://ia-centr.ru/publications/budushchee-tsentralnoy-azii-opredelili-v-stenakh-oon/?fbclid=IwAR3u99nlan3Dmg_r13Y27ClphjTDh-bgz7uHSrV1CYqY9xklsuQnpXNOwS4

⁷ Хуррамов Х. Где густо, а где и пусто... Как развиваются регионы Таджикистана? // <https://centrasia.org/newsA.php?st=1610557860>

⁸ Узбекистан направил в Таджикистан медиков для борьбы с коронавирусом // <http://infoshos.ru/ru/?idn=24498>; Гуманитарная помощь: Таджикистан от Казахстана получил 5 тысяч тонн муки // <https://l.facebook.com/l.php?u=http%3A%2F%2Favest.a.tj%2F2020%2F05%2F13%2Fgumanitarnaya-pomoshh-tadzhikistan-poluchil-ot-kazahstana-pyat-tonn-tys-muki>

Таджикистану медикаментами и медицинским оборудованием.⁹

В условиях кризиса Таджикистан активизировал онлайн-дипломатию для противодействия пандемии совместными усилиями государств СНГ, ЕАЭС, ШОС.¹⁰ Активизация многостороннего формата взаимодействия по противодействию пандемии свидетельствует о согласованных и многосторонних усилиях государств региона. 13 мая 2020 г. во внеочередном совещании министров иностранных дел государств-членов ШОС, впервые прошедшем в режиме видеоконференции, обсудили возможные механизмы взаимодействия для смягчения негативных последствий на социально-экономическое развитие стран ШОС. Глава внешнеполитического ведомства Таджикистана отметил негативное влияние пандемии на ряд социально-экономические показатели Таджикистана и об острой проблеме сокращения доходов государственного бюджета. Он акцентировал внимание на необходимость для Таджикистана обеспечения транзитно-коммуникационных возможностей и продовольственной безопасности, а также поставок медицинского оборудования и медикаментов в условиях пандемии.¹¹

В условиях роста пандемии Таджикистан ощутил помощь международных доноров. В страну поступила гуманитарная помощь от стран-доноров в виде лекарственных средств, медикаментов и продовольственных товаров. Только в первой половине 2020 г. Таджикистану в борьбе с пан-

демией оказали помощь или изъявили желание выделить гранты иностранные доноры: Швейцарское управление по развитию и сотрудничеству, ЮНИСЕФ, Европейский Союз; США; Всемирный банк; Азиатский банк развития и др.¹²

17 декабря 2020 г. состоялась церемония утверждения нового проекта Программы развития ООН (ПРООН) «Содействие в устранении экономических последствий COVID-19 посредством улучшения условий жизни, возможностей трудоустройства и регионального сотрудничества в Ферганской долине Республики Таджикистан», на реализацию которого Правительство России выделило 2 млн долл. Проект нацелен на улучшение в 2021-2023 гг. условий жизни и ведение бизнеса в Ферганской долине Таджикистана, в том числе за счет наращивания трансграничного сотрудничества с Узбекистаном и Кыргызстаном, обмена передовым опытом между странами Центральной Азии.¹³ Для социального развития Таджикистана является важной реализация двух проектов ПРООН «Укрепление сообществ в Хатлонской области и Раштской долине Таджикистана» и «Молодежь для бизнеса и инноваций», финансируемых Россией. Следует отметить, что с 2014 г. Россией и ПРООН в Таджикистане реализовано 9 проектов на 17 млн долл. Новый проект весьма актуален для таджикского государства, так как направлен на преодоление постпандемического кризиса в Таджикистане. Благодаря сотрудничеству России и ПРООН за последние три года в Таджикистане созданы сотни рабочих мест, более 15 тысяч человек получили возможность улучшить свои предпринимательские и профессиональные навыки.

Пандемия ясно демонстрирует взаимосвязанность и взаимозависимость государств не только региона, но и мира. В 2020 г. для координации действий по ситуации с

⁹ Иран отправил в Таджикистан 6 тонн медикаментов в качестве гуманитарной помощи // <http://www.toptj.com/News/2020/05/12/kitay-prodolzhaet-okazyvat-tadzhikistanu-pomosh-v-borbe-s-koronavirusom> ; Китай продолжает оказывать Таджикистану помощь в борьбе с коронавирусом // ИА "Авеста"

¹⁰ Главы МИД стран СНГ в формате видеоконференции обсудили коронавирус и другие вопросы // <http://infoshos.ru/ru/?idn=24522>; ТАСС: Норов призвал к преодолению конфронтации в борьбе с пандемией и другими вызовами // <http://infoshos.ru/ru/?idn=24457>

¹¹ Юлдашев А. Глава МИД Таджикистана: COVID-19 создал острую проблему сокращения доходов государственного бюджета // <http://www.toptj.com/News/2020/05/14/glava-mid-tadzhikistana-COVID-19-sozdal-ostruyu-problemu-sokrasheniya-dokhodov-gosbyudzheta>

¹² Обзор значимых событий Центральной Азии за апрель 2020 // <https://l.facebook.com/l.php?u=https%3A%2F%2Fcaba.r.asia>

¹³ Официальная информация Посольства РФ в РТ // [https://www.facebook.com/russianembassyintajikistan/?_cft__\[0\]=AZXYB4HG_WdcF-X6cInw1soZ0IAC4Zzb5CD97slxVk-zdWFQMB8Ge2A](https://www.facebook.com/russianembassyintajikistan/?_cft__[0]=AZXYB4HG_WdcF-X6cInw1soZ0IAC4Zzb5CD97slxVk-zdWFQMB8Ge2A)

пандемией в Центральной Азии главы всех государств региона регулярно стали обмениваться мнениями. Очевидно и для Таджикистана, что ни одно государство не может на страновом уровне самостоятельно эффективно вести борьбу с кризисом и не может в этих условиях полноценно обеспечивать собственную национальную безопасность. В этой связи государства Центральной Азии нуждаются в региональной «дорожной карте» по противодействию пандемии и ее последствиям. Период возрождения после эпидемии коронавируса представляет собой возможность сплочения государств региона вокруг общих ценностей и целей. Это можно было бы осуществить на основе серии встреч на высшем уровне, определяющих политический вектор и направленных на продвижение последовательной повестки дня во имя развития и региональной стабильности, в таких организациях, как СНГ, ОДКБ, ШОС, ЕАЭС, а также в Астанинском формате встреч глав государств.

Кризис показал важность региональной интеграции. Очевидно, что региональная интеграция в постпандемический период будет укрепляться вокруг ЕАЭС, тому свидетельством является становление наблюдателем в организации Узбекистана. В этих условиях приобретает актуальность расширение и углубление ЕАЭС. Таджикистан пока не принял политического решения о вступлении в ЕАЭС. Процесс вступления РТ в организацию находится на этапе изучения опыта организации. В условиях пандемии и в постпандемический период повышается значимость ШОС и ЕАЭС как многосторонних институтов в условиях, когда из-за конфронтации США с Китаем и Россией большинство инструментов глобального управления, включая ООН, могут быть менее действенными. С другой стороны в последние годы снизилась роль ШОС в региональных процессах. Пока в рамках ШОС отсутствует реализация крупных проектов организации в регионе. Между тем ядро экономического потенциала ШОС составляют крупнейшие экономики мира (России, Китая, Индии, Ирана и др.), которые все чаще предпочитают экономически взаимодействовать с государствами региона в двустороннем формате. Здесь важно было бы обсудить в

рамках ШОС возможности совместной реализации крупных страновых проектов, заложенных в национальных стратегиях развития государств и в стратегиях поддержки экономик в условиях кризиса. В этих условиях ШОС следует открыто позиционировать себя как один из институтов управления на макро и миди-уровне, акцентируя свою повестку на диалог членов организации о мире в целом, особенно в условиях децентрализации международных отношений, когда повышается роль средних и малых акторов. Малые и средние государства уже обладают соразмерными их потенциалу весом и ответственностью на международной арене, чему свидетельством являются глобальные инициативы центральноазиатских государств.

У членов ШОС есть политический, экономический вес и авторитет в сфере экономики и безопасности, позволяющие им в значительной мере определять глобальную и региональную повестку дня таким образом, чтобы защитить принципы рыночной экономики и содействовать стабильности. В основе этого должно лежать использование потенциала инвестиций и свободного и справедливого обмена товарами и услугами в рамках единой гигантской евразийской экономической зоны, связывающей страны ЕАЭС и ШОС, но для этого необходимо определение стратегической инфраструктуры и отраслей промышленности, которые необходимо создать, например, в рамках центральноазиатской зоны свободного рынка. Возможно, что после окончания пандемии коронавируса удастся инициировать новое стратегическое Центральноазиатское соглашение об инвестициях, развитии и обеспечению стабильности.

В условиях пандемии активизировал сотрудничество Астанинский формат. Таджикистан, Узбекистан, Кыргызстан, Казахстан активизировали двустороннее и многостороннее сотрудничество по урегулированию актуальных межгосударственных проблем и взяли курс к налаживанию углублению стратегического сотрудничества в новых геополитических реалиях в рамках данного формата. Для центральноазиатских государств астанинский формат необходим для

снятия напряжения по наиболее острым региональным проблемам, и он будет служить гарантом региональной стабильности, что также важно для внешних союзников и партнеров государств Центральной Азии. Центральназиатские государства в настоящее время пришли к необходимости разработки генеральной стратегии развития Центральной Азии, включающего в себя формирование рынка сбыта собственной продукции, координации развития основных отраслей промышленности с учетом наличия сырья и энергоресурсов, развитие инфраструктуры, энергетики и других направлений.

Пандемия коронавируса подготовила почву для самых масштабных изменений в мироустройстве со второй половины XX в. Глобальные процессы будут отражаться на геополитической динамике Центральной Азии. В Центральной Азии глобальные процессы проецируются на региональном уровне со своей локальной спецификой. Очевидно, стратегическая конкуренция внешних акторов в Центральной Азии будет отражаться на интенсивности реализации экономических проектов, на приоритетных векторах взаимодействия и, наконец, на реализации стратегий развития, на темпах региональной интеграции.

Переосмысление США геополитики как соперничества крупных держав по линии США-Китай-Россия, в котором может быть только один победитель, видимо, уже исключает дальнейшее углубление взаимозависимости в мире. Однако в формирующейся геоструктуру мира будут вносить свои коррективы возрождение России, Китая, Индии, представляющие собой отдельные цивилизации, которые исторически тесно взаимодействовали на евразийском пространстве и которые уже являются центрами силы в новом мире. Как мы отмечали, на современном этапе обостряется конфронтация США с Китаем и Россией, при этом конкуренция с Китаем на международной арене превращается в важное направление американской внешней политики и стержневую ось международных отношений. Китай, позиционируя себя как лидера мирового развития, заключает с 14 государствами договор о создании самой масштабной на плане-

те зоны свободной торговли. В ноябре 2020 года было подписано Соглашение о свободной торговле "Всестороннее региональное экономическое партнерство" (ВРЭП) Китаем и десятью государствами АСЕАН.¹⁴ Данное соглашение еще должны ратифицировать все подписавшие государства и только тогда оно вступит в силу. Очевидно, что ведущая роль Китая в этом крупнейшем экономическом партнерстве в АТР свидетельствует об определении зоны китайского экономико-технологического блока на 21 век, однако Центральная Азия является еще одной осью геополитики Китая.

11 мая 2020 года в англоязычной версии китайского издания People's Daily появилась статья, в которой, была изложена точка зрения на то, как должна строиться медийная политика в рамках китайского инфраструктурного проекта «Один Пояс - Один Путь». Новостная сеть "Пояса и пути" (BRNN) направила открытое письмо 205 средствам массовой информации из 98 стран мира, где четко даны установки для государств реципиентов «Один Пояс - Один Путь».¹⁵ Это звучит не только как манифест об учреждении большого китайского блока с включением очень многих азиатских, африканских и южноевропейских стран, но и как видение китайской модели глобализации. Очевидно, что международные отношения трансформируются в соответствии с формированием новых центров силы, но модель полицентричности XXI в. имеет свои особенности. Существует тенденция образования крупных геополитических блоков (трансатлантического-западного, евразийского, китайско-азиатско-тихоокеанского) и не исключено, образование британского блока, состоящего из ее доминионов. Учитывая равноудаленность внешней политики от всех центров силы, Индия, возможно, перестроит еще одно объединение в блок южноазиатский на базе СААРК или же, учитывая противоречия в регионе, через

¹⁴ Иванов А. Китай стал сверхдержавой. К нему бежали даже старые союзники США // <https://centrasia.org/newsA.php?st=1605475080>

¹⁵ Дробницкий Д. Мир будет поделен на постглобальные блоки // <https://centrasia.org/newsA.php?st=1589725860>

ШОС и БРИКС будет более активно усиливать свои позиции в мировой политике.

В условиях, когда государства Центральной Азии сами готовы к запуску процесса региональной интеграции, Россия и Китай здесь тесно взаимодействуют, а с другой стороны в центральноазиатском регионе проецируется глобальное американо-китайское противостояние, что негативно сказывается на реализации совместных с центральноазиатскими государствами проектов. Следует отметить, что у Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана, Таджикистана все же приоритетным вектором внешней политики остаются центральноазиатский регион, пространство СНГ, а также сотрудничества с членами и партнерами по ШОС. В государствах Центральной Азии получают определенную выгоду от экономических и гуманитарных связей с КНР, однако, новые акторы региона, исходя из собственных национальных интересов нашли некий баланс отношений между Китаем и Россией как в двустороннем формате, так и в рамках ШОС. В Китае есть понимание того, что существуют приоритетные интересы России в постсоветской Центральной Азии и в зоне ответственности ОДКБ. Не существует серьезной конкуренции между Россией и Китаем в Центральной Азии в сфере обеспечения региональной безопасности, так как Поднебесной выгодна система безопасности, созданная в регионе с присутствием России как гаранта сохранения стабильности в беспокойном СУАР КНР. По мере укрепления российско-китайских отношений, видимо, вышеуказанный баланс интересов будет сохранен.

Между тем, в условиях пандемии все еще острыми остаются угрозы национальной безопасности государств Центральной Азии, исходящие из Афганистана, а также не решенные этно-территориальные проблемы на таджикско-кыргызской границе. После сокращения американских войск в Афганистане, видимо, длительное время будут сохраняться вызовы региональной стабильности, исходящие из этой страны. В этих условиях в регионах Южной и Центральной Азии нужен новый формат системы безопасности, который бы укрепил сотрудничество государств, расположенных

по периметру границ Афганистана (Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан, Иран, Пакистан, Китай) и государств имеющих приоритетные интересы в афганском государстве (Россия, США, Индия) – формат 6+3 для координации и объединения усилий для принятия превентивных мер от новых вызовов и угроз современности.

В условиях нарастания новых угроз безопасности, возможно, стоит переориентировать ОДКБ в качестве организации, обеспечивающей комплексную безопасность для сдерживания вызовов гибридных войн. Одна из реальностей, которую обнажила пандемия коронавируса, заключается в том, что безопасность не ограничивается не только военной сферой, но и охватывает виртуальное пространство, информацию, энергетику, промышленность и другую критическую инфраструктуру, систему поставок, а также систему здравоохранения, образования, науки, культуры - все это сферы, где безопасность современных обществ находится под постоянной угрозой. В прошлом ОДКБ несколько раз приспособлялась к меняющемуся характеру угроз в условиях гибридных войн. ОДКБ должна вновь приспособляться, расширяя свое понимание характера угроз и вкладывая средства в инструменты, необходимые для координации политики и действий входящих в него стран по обеспечению безопасности в XXI в.

Очевидно, что государствам Центральной Азии уже сейчас необходимо внести корректировку в свои национальные стратегии развития с учетом реформирования мирового порядка и формирования новой экономической системы после пандемии. Проекция мирового кризиса в Центральной Азии показала необходимость наращивания регионального политического, экономического, гуманитарного взаимодействия, ускоренного решения застарелых этнополитических проблем. Объективные предпосылки по-прежнему мотивируют создавать комплексные системы принятия решений и согласовывать позиции стран между собой по целому ряду актуальных проблем регионального развития. Существуют и субъективные причины для продвижения интеграционных инициатив. Отражением возросше-

го интереса внешних акторов к Центральной Азии, является формирование новых форматов взаимодействия. В частности, мы наблюдаем всплеск интереса к формату «5+1» со стороны многих заинтересованных внешних сил, например, «С5+1» с США, «5+1» с КНР, в 2020 г. формируется формат С5+Россия. В данном формате стали вести консультации Япония - «Япония плюс Центральная Азия», Корея - «Южная Корея плюс страны Центральной Азии. Разработка общей Стратегии Евросоюза в Центральной Азии и даже его участие в министерском диалоге руководителей внешнеполитических ведомств региона и формирование диалоговой площадки С5+ЕС свидетельствует о возросшей геополитической роли центральноазиатского региона.

Таджикистан всегда стремился поддерживать региональную интеграцию, координировал свои действия с региональными акторами при реализации своей Национальной стратегии - 2030, стремился к разработке согласованной позиции по многим актуальным проблемам регионального развития, а также принимал участие в выработке общих подходов к перспективам развития региона в условиях регионализации и усиления глобализации. Геополитика Таджикистана на XXI в. четко очерчена, выработаны ее механизмы реализации, и она эффективно адаптируется к быстрому изменению геополитической динамики Центральной Азии и условиям формирования нового мироустройства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Захватов А. Стратегия – 2030. Где найти деньги на её реализацию? // Иктисодчи, 2019. №22, (01) январь-февраль.

REFERENCES

Zahvatov A. Strategiya – 2030. Gde najti den'gi na eyo realizaciyu? // Iktisodchi, 2019. №22, (01) yanvar'-fevral'.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Майтдинова Гузель, доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики Российско-Таджикского (Славянского) университета, директор Центра геополитических исследований РТСУ, член-корреспондент Таджикской Академии архитектуры и строительства. Республика Таджикистан, Душанбе.

Guzel Maitdinova, the Doctor of Historical Sciences, professor of the Department of the Foreign Regional Studies and Foreign Policy, Russian-Tajik (Slavic) University (RTSU), the Head of the Center of Geopolitical Research at RTSU, the Corresponding Member of the Tajik Academy of Architecture and Urban Planning. Republic of Tajikistan, Dushanbe.

КОНФЛИКТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

The Ukrainian experience of using private military campaigns

Konstantin P. Kurylev

RUDN University, Moscow Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3075-915X>, kurylev-kp@rudn.ru

Natalia V. Ivkina

RUDN University, Moscow Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8654-7629>, ivkina-nv@rudn.ru

Abstract: Since early XXI century the number of private military companies in the world has grown to five hundred. The global market turnover in this industry has reached hundreds of billions of dollars. The popularity of mercenaries again became comparable to the times when they decided the outcome of entire military campaigns, as it was during the Middle Ages. Private military companies are non-governmental commercial organizations authorized by the state (or other customer) to solve military problems. Their field of activity is the protection, escort of people and cargo in the conditions of hostilities, and often participation in hostilities. PMCs can also provide consulting services and training. Sometimes, by mistake, any paramilitary entity is called a private military company. The main difference between PMCs and, for example, volunteer battalions (which operated en masse in Ukraine during the acute phase of the conflict in Donbass in 2014-2015) is that the purpose of the former is to extract commercial benefits. While volunteering, in theory, does not provide for the receipt of material benefits. At the same time, individual beneficiaries or their members receive illegal income, but they are associated, rather, with looting, racketeering or raiding, and not with classical mercenary activities. Within the framework of this study, the author reveals the key differences between PMCs and volunteer battalions, identifies fundamental differences in the methodology of their application and analyzes the effectiveness of their work during the acute phase of the conflict. The work uses the methodology of historical and political sciences – the historical-analytical method, the method of political analysis and the structural method.

Key words: The Ukraine, PMCs, Donbass, hostilities, politics.

Украинский опыт использования частных военных компаний

К. П. Курылев

Российский университет дружбы народов

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3075-915X>, kurylev-kp@rudn.ru

Н. В. Ивкина

Российский университет дружбы народов

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8654-7629>, ivkina-nv@rudn.ru

Аннотация: С начала XXI в. количество частных военных компаний в мире выросло до пяти сотен.оборот мирового рынка в этой отрасли достиг сотен миллиардов долларов. Популярность наемников вновь стала сопоставимой с временами, когда они решали исход целых военных кампаний, как это было во времена Средневековья. ЧВК – негосударственные коммерческие организации, уполномоченные государством (или иным заказчиком) на решение военных задач. Их сфера деятельности – охрана, сопровождение людей и грузов в условиях боевых действий, нередко участие в военных действиях. ЧВК могут предоставлять также консультационные услуги и обучение. Иногда, по ошибке, частными военными компаниями называют любое парамилитарное образование. Главное отличие ЧВК от, например, добровольческих батальонов (массово действовавших на Украине в период острой фазы кон-

фликта на Донбассе в 2014-2015 гг.) состоит в том, что целью первых является извлечение коммерческой выгоды. В то время как добровольческая деятельность, по идее, не предусматривает получения материальных благ. В тоже время, отдельные добробаты или их члены получают незаконные доходы, но они связаны, скорее, с мародерством, рэккетом либо рейдерством, а не с классическим наемничеством. В рамках настоящего исследования автор раскрывает ключевые отличия между ЧВК и добровольными батальонами, выявляет принципиальные различия в методологии их применения и анализирует эффективность их работы в период острой фазы конфликта. В работе использована методология исторической и политической наук – историко-аналитический метод, метод политанализа и структурный метод.

Ключевые слова: Украина, ЧВК, Донбасс, боевые действия, политика.

Every year there is an increasing loss of the state's monopoly on the use of military force, which is one of the serious challenges to international security at the present stage. For many years, world states have relied on armed forces that have pursued a policy of military power. Their service was carried out by conscription or by contract. However, in the wars and military conflicts of the 21st century, an increasing role is played by non-state paramilitary groups. Today, along with the armed forces of states, private military, and security companies (private military companies) act as an equal subject. Their use has become a new stage in the development of methods of warfare. PMCs represent the structures authorized by states to solve specific tasks. Today PMCs provide defense and security services at times faster and cheaper in comparison with government agencies. This refers to the ability to quickly hire the necessary staff to perform operational tasks and thus increase contingents, regardless of the complexity of the conflict, its duration, etc. In this regard, such structures will play an increasing role in armed conflicts and wars, as their application allows states to realize their interests while remaining in the shadow, which is extremely important in the context of "hybrid wars."

In this context, a clear example of the activities of PMCs in their participation in the Ukrainian and Syrian crises. This testifies to the high relevance of the studied problems. The object of the research is the activity of PMCs at the present stage. The subject of the study are PMCs operating in Ukraine under crisis conditions.

Ukraine has traditionally been attractive to PMCs. So, Odessa, thanks to a successful geographical location and due to regional peculiarities, has become one of the largest trans-

shipment points for people wishing to go to war. In this regard, foreign PMCs have been active here until the opening of their own representative offices. However, even before the events of 2013-2014 Ukraine was interested in foreign contractors, mainly as a source of high-quality and relatively cheap personnel, then "EuroMaidan" and the flight of President Viktor Yanukovich, as well as the events that followed, allowed the PMC to enter the Ukrainian market in a new quality: contractors that fulfill specific orders like from a number of Ukrainian oligarchs, and from the central government in Kiev.

During the research from a methodological point of view, the authors used a typological method that allowed the classification of PMCs according to regional, national and financial principles. We also used the comparative method, which made it possible to compare the considered PMCs with each other. The use of the modelling method helped to identify the causal relationship between the political events that preceded the emergence of the Ukrainian crisis and the participation of PMCs on the side of certain interested forces.

It should be noted that the Russian historiography of the research problem is very poor, both in terms of directly studying the participation of PMCs in the events in Ukraine, and more broadly - the development of private military companies in the world. Fundamental works on this subject are practically nonexistent, there are separate articles, but more journalistic literature. Foreign historiography is richer in this respect, both from the point of view of monographs and articles [Kees 2011: 199-216]; [Brooks 1999]; [Mohlin 2014]; [Volevodz 2009]; [Kononov, Valeckij 2013: 47]; [Kurylev, Stanis 2014:114-117].

The Ukrainian crisis.

November 21, 2013, in the center of Kiev, launched a massive multi-month protest. It began in response to the suspension by President Viktor Yanukovich of the signing of the Association Agreement between Ukraine and the European Union. This action was supported by public speeches in other cities of Ukraine. These events, which eventually took the form of armed confrontation, accompanied by the death of people on both sides of the barricade, ultimately led to the withdrawal of power from the hands of the state and became at the disposal of the opposition forces on February 21, 2014.

Since then, the Ukrainian crisis has firmly taken leading positions among problems that directly affect European security and the whole system of international relations. This crisis was the most serious challenge to the security of Europe after the collapse and the civil war in Yugoslavia.

The crisis in Ukraine revealed deep contradictions in relations between Russia and the United States, which have ripened for many years and are caused by their competition in the post-Soviet space and different visions of the optimal world order and their place in it.

The Ukrainian crisis also actualized the themes of frozen conflicts in the post-Soviet space, demonstrating that the disintegration processes on the territory of the former USSR are still going on, the cumulative effect of its disintegration after 23 years overtook Ukraine.

For Ukraine itself, the events of late 2013 - early 2014, became turning points. The choice of new Ukrainian authorities in favor of the national identity project of statehood, as opposed to the previously rationally bureaucratic, led to the collapse of the former foreign policy concept and the approval of a new, alternative, in fact. The country, throughout the post-Soviet period, balancing between Russia and the West, changed the foreign policy vector and took the Euro-Atlantic course. The crisis that began in Ukraine, launched its geopolitical decomposition, and plunged the country into a sharp armed confrontation.

The Ukrainian crisis catalyzed the destructive processes accumulating for many years in the relations between Russia and Ukraine. Within the framework of these contradictions, Russia regards Ukraine as a sphere of its direct

influence and a necessary element for the successful development of the integration processes in Eurasia. The Ukrainian authorities are trying to formulate and build their own state project, seeing in Russia a brake on this.

Ukrainian PMCs.

PMCs appeared in Ukraine long before the outbreak of civil war in that country. However, interest in them arose precisely during the development of this crisis. We emphasize that Ukraine was one of the first countries to ratify the Montreux Document, which contains rules and regulations on private military and security companies operating in zones of armed conflict. In total, there are about 70 recommendations on regulating the activities of private contractors in the zones of military conflicts and monitoring compliance with international law¹.

PMCs in Ukraine should be divided into two groups. The first group is PMCs, which can be called "Ukrainian", because they are registered in Ukraine, and their functionaries are mostly Ukrainians. The second group of PMCs includes companies that work in Ukraine but belong to foreigners and serve their interests.

Private security companies (CHOPs) began to emerge in Ukraine in the 1990s. They were the main backbone of the criminal who entered the law or the former state-party nomenclature. Private security eventually defeated the less organized and economically weaker forces of the simple gangster world. The natural victory was on the side of private security companies controlled by the highest oligarchy and bureaucracy, who in a matter of years dealt with "lawlessness" [Kurilev, Martynenko, Parkhitko, Stanis 2017: 130-149].

PMC began to emerge in Ukraine approximately from 2010. Among the largest Ukrainian companies can be identified group "Omega Consulting Group", "Artan Group", "Vegacy Strategic Services Ltd", "Albatross", etc.

Not far from Kiev, in Slavutych, is located PMC Omega Consulting Group. It was established in 2011 by A.Kebkallo and is an international specialized organization aimed at devel-

---

¹ The Montreux Document on relevant international legal obligations and best practices of states relating to the operation of private military and security companies during an armed conflict. // <https://www.icrc.org/rus/resources/documents/misc/ihl-montreux.htm> (14.03.2018).

oping and improving the combat capability of the armed forces, the work of law enforcement agencies, state security agencies, combating international terrorism and slow conflicts. At the same time, Omega Consulting Group offers a wide range of personal security, defense of strategically important facilities, military goods and services, as well as cooperation with commercial and governmental organizations around the world. Its services are geared towards the widest, ever-changing world market represented by government agencies, the armed forces, corporations and individuals who need more effective protection of their assets. The company's activities are carried out in accordance with Ukrainian law, as well as with the legislation of those countries on the territory of which the company represents the interests of its Customers. On the territory of Ukraine, the company carries out its activities based on the Company's Charter and the Ministry of Internal Affairs license on security activities. The defense department of the company provides expert programs, consultations and other services to the Ukrainian government, representatives of foreign friendly states, as well as individuals, analyzing the range of their problems and preparing the most appropriate and expedient solution at the operational, tactical and strategic level. The company's employees have extensive experience in training government power structures and direct participation in hostilities in many hot spots of the world from South America and Africa to the Crimea and the South-East of Ukraine. In 2014, employees of the company "Omega Consulting Group" took part in the operations for the emergency withdrawal of the Customer's personnel from the Autonomous Republic of Crimea and Donbass. In the spring of 2014, the company opened a vacancy for a "consultant", which was planned to be closed by May 1, 2014. One of the requirements for candidates was the presence of the Donetsk, Kharkov or Lugansk registration. "Omega Consulting Group" is an honorary member of the League of Defense Enterprises of Ukraine and the Ukrainian Chamber of Commerce and Industry¹.

Nikolaev campaign Vegacy Strategic Services Ltd or simply "Vega" was established in

2012 in Cyprus by veterans and former employees of special naval, army and police units of Ukraine, Russia and Greece. Vega is an international corporation that offers a wide range of specialized services aimed primarily at identifying, localizing and preventing potential security threats to individuals and infrastructures in high-risk regions. It has its official representative offices in Ukraine, Malta and Panama and official agents in Greece, Russia, the Czech Republic, South Africa, Sri Lanka, the Maldives, Madagascar and many other countries of Southeast Asia, the Indian Ocean, the Black and Mediterranean Seas².

The Odessa firm "Albatross"³ specializes in protecting sea vessels from piracy. According to the available data, PMC works abroad, ensuring the safety of maritime transport of foreign shipowners. Official information is very scarce.

Another PMC group of companies "Artan Group" - a powerful structure that protects a variety of objects, involved in military operations, training of bodyguards, protection of sea vessels. It was established in 2005 and includes enterprises and organizations working in the field of security and protection for more than 10 years. The group of companies "Artan Group" is organized with the purpose of uniting the efforts of security specialists, for professional rendering of complex services to ensure the security of objects of different forms of ownership, movable and non-movable property, security and protection at sea, and protection of individuals. In 2010, the Artan Group includes the Turkish company BSK International Military and Special Security Co. Ltd., specializing in providing security services in regions with a high level of complexity. In 2011, the international company Furkan Defense Industry (FDI), Turkey, joins the Artan Group on a partnership basis, which in turn leads to the expansion of the markets for the activities of our companies. FDI has its own offices and offices in Ukraine. The campaign through offshore sells the Oplot and Bulat tanks, Grad installations and other weapons. Recently, the Turkish company began offering combat boats, and even ships "Hayduk". Since 2012, Artan Group is a signatory of

¹ Omega Consulting Group // <http://www.omega-consulting.com.ua>

² Vegacy Strategic Services Ltd // <http://www.vegacyltd.com>

³ Albatross // <http://www.mscalbatross.com>

the International Code of Conduct for Private Security Service Providers. Since 2014 the company is a member of the Society for the Promotion of Defense of Ukraine. Among the objects guarded by the employees of the company "Artan Group", many belong to people from the environment of former President Viktor Yanukovich. "Artan groups" even received a letter from the Minister of Education of Ukraine S. Kvit, who is a member of the organization "Tryzub S. Bandera».

With the support of this "Artan Group"¹ a frankly nationalist PMC "Templar" appeared, whose employees were seen in the punitive battalion "Aidar". "Templar" arose in the first months of the Ukrainian authorities held ATU. "Templar" cooperates with Ukrainian nationalists, various volunteer organizations of the right-wing radical ("Lvivska Brama"). Media support for the Templar is provided by Ukrainian nationalist Internet resources. The main activity of the Templar is military consulting. Implementation of planning, training of army units and civilians, retraining of officers and technical personnel, demining and services of military translators, etc.²

Today there is no accurate data on whether Ukrainian PMCs directly participate in the ATO in the Southeast regions of Ukraine, whether they advise the government on any issues.

Western PMCs in Ukraine.

Turning to the experience of the activities of foreign PMCs in Ukraine. Since 1992, the branch of the largest number of PMCs - G4S - has started operating in the Ukrainian capital. The giant concern of English, Danish and American capital recruit's experts in the field of intelligence and military affairs around the world. The number of employees in this structure reaches 675 thousand people. This is more than the number of armies of most European countries. G4S owns armored vehicles, aviation, maritime transport, unmanned vehicles, various electronic warfare means, reconnaissance technologies. The company deals with a wide range of military and security services, which makes it independent, even in solving

military and political problems. Another giant of military business - PMC L3 - is engaged in organizing the security of mobile communications and information communications in Ukraine.

One of the oldest and most influential private military corporations, Leidos, also works in Ukraine and maintains links with activists of the "EuroMaidan" movement both in the diaspora and in Ukraine.

Do the data or other PMCs participate in military operations in the southeast of Ukraine? On this score, there are serious differences. The participation of American PMCs in the Ukrainian crisis was stated primarily by the media with the pro-Russian broadcasting sector.

Then it was about American PMCs Blackwater and Gréystone. A video was posted on the Internet in which several people in strange military uniforms walked down the street in Donetsk in March 2014. People in the video pro-Russian sites hastened to rank as employees of the company Blackwater, which at that time had already ceased to exist, transformed into several other private military and security companies. This is most likely explained by the fact that the Blackwater brand is the most famous, as the company carried out several high-profile military operations against civilians and rebel forces in Iraq. Actions of Blackwater in Iraq are well known in Russia, so making a hint of the presence of this odious force in the conflict in Ukraine would be extremely tempting for Russian propaganda. Also, according to pro-Russian information sites and services, as well as from Internet resources supporting the unrecognized republics of the Donetsk People's Republic and the Luhansk People's Republic, information was received about the participation in the armed conflict of employees of Greystone, a subsidiary of Academi LLC. A short time on the site of the company posted an announcement about the availability of good work in Russia, in the spring of 2014 the announcement disappeared. Reliable information about the participation of this PMC in the conflict has not yet been revealed, although the rebel forces reported losses from this military company. A little later, from unofficial sources, information was received that 20 mercenaries were captured by the militia in the Slavyansk area. According to some reports, the captured

¹ Artan groups // <http://allsecurity.info/предприятия.html?view=srsbent&entid=7500&action=view>

² Templar <http://private-military.company>

mercenaries were from Graystone, on others - already from another American PMC Academi (until 2010 known as Blackwater). Also, the websites that advocated for the Donetsk People's Republic and the Luhansk People's Republic reported on participation in the hostilities on the side of the ATO forces of the Polish PMC ASBS Othago (Analizy Systemowe Bartłomiej Sienkiewicz), which was also not confirmed.

We emphasize that there is no reliable information on the direct participation of personnel of foreign PMCs in combat operations. There are assumptions, hypotheses, suspicions. None of the foreign PMCs confirmed the fact of participation of their employees in the fighting in the Donbass. This is understandable since neither side of the conflict will admit its participation in it. The US government said that there are no US military in Ukraine. Following him, the Polish authorities did the same. Moreover, the Greystone management stated that its employees in Ukraine do not exist and were not [Kurilev, Martynenko, Parkhitko, Stanis 2017: 130-149].

Information on the participation of PMCs in hostilities in the east of the country has so far come only from unofficial sources referring to the leaders of the self-proclaimed republics. Firstly, we are talking about the data of the officials of the Donetsk People's Republic and the Luhansk People's Republic, who reported on the participation of foreign PMCs in the fighting in the Donbass. The peak of information activity about the presence of PMCs in Ukraine falls on March - June 2014, after the coup d'état and the beginning of pro-Russian speeches in the southeast of the country. The geography of PMC's presence at the first stage basically coincided with the geography of protest activity: Kharkov, Donetsk, Luhansk, Dnipropetrovsk regions. In addition, the presence of PMC staff was noted in Kiev.

Let's say it again, today there is no reliable information about the direct participation of PMC employees in the Ukrainian conflict as combatants. With that, there is nothing strange. On the contrary, this is one of the important advantages of PMCs in front of state armies. PMCs can act as secretly as possible.

Nevertheless, according to some experts, the specialists of foreign private military companies can still take part in military operations

on the side of the Ukrainian army, but as advisers. This, however, no one particularly hides. The main tasks for the implementation of which the PMCs could be hired at this stage in the above-mentioned regions are training and coordination in the field of law enforcement officers, as well as special units. Objectives: the elimination of protest activities in these regions, the export and escort of individuals and personnel from the territories covered by the uprising. Similar tasks were previously performed in Iraq, Afghanistan, Bosnia and Herzegovina, Kosovo and some other regions by foreign companies DynCorp (USA), Academi (USA), Greystone Limited (USA), and Erinys (Great Britain). We can't say that the employees of these companies were involved in the implementation of these missions, but the experience of previous similar conflicts and the nature of incoming information allows us to speak of a high probability of the presence of these firms. It is also important to note that in mid-April 2014, when militia units in the southeast established control over the cities of Donbass, secretly CIA chief J. Brennan visited Kiev secretly. According to the information available at that time, one of the reasons for his visit was precisely the question of the "loss" of 20 American citizens in militia-controlled territories. It was assumed that the missing could be employees of one of the PMCs [Kurilev, Martynenko, Parkhitko, Stanis 2017: 130-149].

In the Dnepropetrovsk region, representatives of foreign PMCs operate within the framework of contracts concluded with I. Kolomoisky or with the enterprises belonging to him. It is not possible to establish exactly which PMCs and which tasks were contracted. According to some reports, it was about specialists from Academi and affiliated with her Greystone Limited. In addition, it can be assumed that the main functions of the invited employees are: training of personnel from so-called the "Kolomoisky detachments", organization of the security and personal guards, information and analytical work.

The next period, in which a certain activity of foreign PMCs in Ukraine was fixed is May-August 2014. This is the period of active fighting in the Donbas in 2014. It is very likely that the employees of foreign companies prepared and coordinated actions during several

military operations during the summer APU campaign. Thus, the company belonging to the Polish politician, the former deputy of the Seim, E. Zevulsky, was involved in the preparation of the operation for encircling and conducting a police mission in the regions of Slavyansk. And although his firm is not a PMC in the strict sense of the word, it is not registered in the relevant international registry, the list of services it provides allows you to refer it to PMCs. The presence of other PMCs from Poland is not fixed. At the same time, data on killed foreigners regularly come from the militia of the Donetsk People's Republic and the Luhansk People's Republic. In open sources, you can find data on losses of foreign PMCs in Ukraine: ASBS Othago (Poland) - 144 people; Graystone (USA) - 60 people; Academi (USA) - 130 people. Information about the killed foreigners is regularly received from the militia of the Donetsk People's Republic and the Luhansk People's Republic. However, it is not possible to establish their status, but the probability that these are PMC employees is not high: the nature of the functions performed by these companies most often does not involve direct participation in combat clashes.

September 2014 - January 2015 - the period after the conclusion of the first Minsk accords. At that time there was a decline in information activity related to PMCs in Ukraine. However, the nature of the Freedom Support Act in Ukraine adopted on December 12, 2014, suggests that if the provisions are implemented, PMCs from the United States will be actively involved, including for training, strategic planning, and military equipment supply and maintenance. Such functions are primarily able to be performed by US companies: MPRI (operations planning and strategy definition), Kellogg Brown & Root (rear and technical support, training in servicing the supplied equipment) [Kurilev, Martynenko, Parkhitko, Stanis 2017: 130-149].

At the end of December 2014, the press leaked information about a possible contract of the Ukrainian side with one of the PMC, which from January 2015 will begin preparing the battalion of APU to conduct military operations in urban conditions. At the same time, the place where training is planned will be indicated: Yavoriv Training Center of the Armed Forces of

Ukraine (Lviv Region). At the end of February 2015, this information was confirmed with the publication by the group of "CyberBerkut" documents relating to the contacts of Kiev with the American PMC Green Group. The main attention was paid to the information about the attempts of the USA to obtain consent from its European allies in the matter of the supply of lethal weapons to Ukraine. At the same time, the published documents testified that the American side has made progress in the preparation of the Armed Forces, the National Guard, special services, supply chain. The work is conducted on a wide range of issues: communication, strategic planning, border control, cybersecurity, logistics, sniper training, improvement of military legislation, and creation of the Special Operations Forces of Ukraine. All this happens with the introduction of the C4ISR¹ concept. It is used by NATO countries and suggests the need for a close relationship between all the elements involved in the battlefield. It is important to note that the concept of military-civil cooperation, which has been developed in the Alliance since the wars in the Balkans, is also planned for implementation.

Russian PMCs in Ukraine.

As for the activities of Russian PMCs in Ukraine in the conditions of civil war, we note that foreign historiography in this direction is more saturated than Russian. While in both cases the authors most often rely on indirect signs and therefore a very fragile and narrow source base.

In the context of the Ukrainian crisis and the activities of private military companies from Russia, they first spoke after the publication of the St. Petersburg Internet newspaper Fontanka.ru in 2015. It was a structure that is known today as the "PMC of Wagner." According to the journalist Fontanki.Ru, D. Korotkov, the nucleus of the future "Wagner PMC" was formed in the territory of the Syrian Arab Republic in the autumn of 2013. Then V. Gusev and E. Sidorov, Russian managers of PMC Moran Security Group, specialized in protecting merchant ships from marine pirates, registered in the HRC "Slavic Corps" in Hong Kong and formed a detachment of 267 "contractors" for the protection of deposits and oil pipelines in

¹ Command, Control, Communications, Computers, Intelligence, Surveillance and Reconnaissance

Syria. Instead, the employees of the Slavic Corps took part in the civil war in that country. After several battles, the Slavic Corps returned to Russia, where its employees and owners were arrested on charges of mercenaryism. One of the employees hired in the "Slavic Corps" was D.V. Utkin, who served until 2013 as commander of the 700th separate special task force of the 2nd separate special task brigade of the Main Directorate of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation, and who at that time was a lieutenant-colonel. Six months later many of the employees of the "Slavic Corps" who returned from Syria met in the Crimea and as "courteous people" took part in the disarmament of the Ukrainian military bases. A year later, a previously unknown, well-armed and equipped unit, the "Wagner Group", appeared in the South-East of Ukraine. It is believed that the group has provided significant assistance in organizing armed resistance to the Ukrainian authorities in the Donbas.

For a long time, D.V. Utkin and his structure were a kind of "urban legend", in which few believed. However, everything changed on December 9, 2016, when Russian viewers could see D.V. Utkin on the staff of the official shooting of the presidential reception in honor of the Heroes of the Fatherland. Then the press secretary V.V. Putin responded to a question from journalists that he didn't know if Utkin was or wasn't at the reception, he should clarify. The verification took two days. The words of D. Peskov are given by TASS: "Dmitry Utkin really was, the Chevalier of the Orders of Courage, he was from the Novgorod region". D. Peskov also said that D.V. Utkin was invited to the Kremlin, "because the Heroes of Russia and the Knights of the Orders of Courage were invited." The Kremlin spokesman couldn't answer the question about "whether Utkin's fighters are in Syria". "We don't know if he has any fighters, whether they are in Syria and whether they have any status. Fighters are in the Ministry of Defense," he said. Journalists also asked why Utkin received the appropriate award. "This can't talk about this. For courage is usually given," - said the spokesman.

Despite such a confession, the situation with the "Wagner PMC" wasn't clearer anyway.

Journalists continue to build their guesses and offer different versions. Both are beyond the scope of academic research. We can neither confirm nor disprove such subjects. Our research is based on open information, there is no conclusive proof of the participation of "WWC's PMCs" in the events in Ukraine, and therefore, in order not to mislead the reader, we will leave this topic to future researchers.

To sum up. After the overthrow of Viktor Yanukovich's power, Ukraine became the arena of a hidden confrontation between Western states on the one hand, and Russia on the other. One of the most important tools used by the US and its allies in this conflict is precisely the PMC. An analysis of open sources suggests that starting from February-March 2014, PMCs from several countries, primarily from the USA, Poland and the United Kingdom, operated on the territory of Ukraine under contracts with the central Kyiv government, as well as with private individuals and structures. They performed several functions: operational and strategic planning, training of command and personnel, protection of individuals and individual objects. There is no reliable information about the direct participation of PMC staff in military operations.

PMC isn't an army, and, as you can see, tracking their activities is much more difficult. We showed only the tip of the iceberg. While you are reading this text, employees of these organizations carry out someone's orders. And perhaps, only after years, we will find out what was the true role of these or those "mercenaries" in the Ukrainian crisis.

Probably, the trend of using PMSCs will continue in the future, and the private military business will be further spread in the world, flexibly and mobility reacting to the demand from various customers, primarily the states. There is no doubt that the number of sub-categories of the types of services that PMCs will fulfil will increase.

But already today, given the significant presence of these companies in the world politics, it becomes clear that the "privatization of power" is only gaining momentum.

REFERENCES

- Kees A.* Regulation of Private Military Companies // *Göttingen Journal of International Law* 3 (2011) 1, 199-216.
- Brooks D.* The Business End of Military Intelligence: Private Military Companies // July-September 1999 *Military Professional Intelligence Bulletin*.
- Mohlin M.* Commercialization of Warfare and Shadow Wars: Private Military Companies as Strategic Tools // *St Antony's International Review*, Volume 9, Number 2, February 2014, pp. 24-38(15).
- Konovalov I.P., Valeckij O.V.* (2013) *Jevoljucija chastnyh voennyh kompanij* [Evolution of Private Military Companies]. Pushkino: Centr strategicheskoy konjunktury, p. 47. (In Russian.)
- Kurylev K.P., Martynenko E.V., Parkhit'ko N.P., Stanis D.V.* Fenomen chastnyh voennyh kompanij v voenno-silovoj politike gosudarstv v XXI v. // *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij*. 2017. T. 12. № 4. S. 130–149.
- Kurylev K.P., Stanis D.V.* Etnokonfessional'naya situaciya na Ukraine kak faktor vnutripoliticheskoy nestabil'nosti // *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 2014. № 5-3 (43). S. 114-117.
- Volevodz A.G.* O mezhdunarodnyh iniciativah v sfere pravovogo regulirovaniya deyatel'no-sti chastnyh voennyh i ohrannyh kompanij // *Mezhdunarodnoe ugovnoe pravo i mezhdunarodnaya yusticiya*, 2009. № 1. S. 14.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Волеводз А.Г.* О международных инициативах в сфере правового регулирования деятельности частных военных и охранных компаний // *Международное уголовное право и международная юстиция*, 2009. № 1. С. 14.
- Коновалов И.П., Валецкий О.В.* Эволюция частных военных компаний. Пушкино: Центр стратегической конъюнктуры, 2013. С. 47.
- Курьлев К.П., Мартыненко Е.В., Пархит'ко Н.П., Станис Д.В.* Феномен частных военных компаний в военно-силовой политике государств в XXI в. // *Вестник международных организаций*. 2017. Т. 12. № 4. С. 130–149.
- Курьлев К.П., Станис Д.В.* Этноконфессиональная ситуация на Украине как фактор внутриполитической нестабильности // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2014. № 5-3 (43). С. 114-117.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Курьлев Константин Петрович, д.и.н., профессор кафедры теории и истории международных отношений РУДН, директор Центра исследований постсоветских стран (ЦИПС).

Ивкина Наталья Викторовна, к.и.н., старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений РУДН.

Konstantin P. Kurylev, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Theory and History of IR of the RUDN University, Director of the Center for Studies of Post-Soviet Countries (CSPSC).

Natalia V. Ivkina, PhD in History, senior teacher of the Department of Theory and History of IR of the RUDN University.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

К вопросу об историческом ревизионизме странами запада роли СССР во Второй Мировой войне. Политический компонент гибридной войны Запада против России

Н. П. Пархитко

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7678-5735>, e-mail: scharnchorst@mail.ru

Аннотация. В предлагаемом материале дается научно-практическая оценка информационно-политической работе, проводимой странами т.н. «коллективного Запада» в отношении России в течение последнего десятилетия. Главная цель гибридной войны Запада в отношении России заключается в том, чтобы измотать противника, ухудшить его экономическое положение, подорвать социальную и политическую стабильность. Ущерб от таких действий может быть не меньшим, чем от традиционного вооруженного конфликта, если говорить об экономической составляющей, а не о количестве погибших солдат или уничтоженных танков и самолетов. История, являющаяся фундаментом российского национального самосознания, представляет собой ключевой бастион на пути достижения нашими противниками своих целей. На примере попыток фальсификации истории Второй мировой войны в настоящем исследовании выявляется деструктивный псевдонаучный курс, направленный на разрушение российского национального самосознания, во многом основанного на исторической памяти. В работе используется методология исторической, политической и философской наук.

Ключевые слова: СССР, Вторая мировая война, Великая Отечественная война, союзники, США.

Historical revisionism of the Soviet role in the second world war by the West. A political component of the West's hybrid war against Russia

Nikolay P. Parkhitko

RUDN University), Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7678-5735>, e-mail: scharnchorst@mail.ru

Abstract. The proposed material provides a scientific and practical analysis of the information and political work implemented by so-called «Collective West» countries against Russia over the past decade. The main goal of the West's hybrid war against Russia is to exhaust the enemy, worsen its economic situation, and undermine social and political stability. The damage from such actions can be no less than from a traditional armed conflict, if we talk about the economic component, and not about the number of dead soldiers or destroyed tanks and aircraft. History, which is the foundation of the Russian national identity, is a key bastion on the way to achieving our opponents' goals. On the example of attempts to falsify the history of the Second World War, a destructive pseudoscientific course aimed at destroying the Russian national identity, largely based on historical memory, is revealed. The methods of historical, political, and philosophical sciences are used in the research.

Key words: USSR, World War II, The Great Patriotic War, Allies, USA.

Гибридная война как инструмент внешней политики

Для начала необходимо разобраться, что представляет собой гибридная война как явление. Гибридная война – это вид враждебных действий, при котором нападающая сторона маскирует свою агрессию: условно скрытые операции спецслужб и сил специ-

ального назначения, кибератаки, достаточно открытая поддержка оппозиции и повстанцев на территории противника с последующим, на последнем этапе, привлечением собственных вооружённых сил. Нападающая сторона осуществляет стратегическое руководство агрессией, при этом всячески отрицая свою вовлеченность в конфликт и

не называя себя открыто стороной конфликта. Цель гибридной войны – подчинение определённой территории. На начальном этапе проводится агрессия информационная, затем дипломатическая и экономическая. Специфическая особенность гибридной войны: до момента фактического подчинения территории обыватель не осознаёт реальности угрозы, не имеет возможности определить ее истинный источник и масштаб. Как следствие, общество в целом не понимает, как этой угрозе противостоять¹.

Как мы видим, гибридная война подразумевает применение широкого перечня инструментов невоенного характера, деструктивное воздействие которых ни в коем случае нельзя недооценивать. По мнению автора, одним из наиболее опасных компонентов гибридной войны является война информационная, воздействующая не столько на средства связи и каналы распространения информации, сколько на ментальное восприятие информации населением страны, подвергшейся применению данной военно-политической технологии. Попытки реализации именно этого компонента гибридной войны наша страна ощущает на себе едва ли не с момента окончания Великой Отечественной войны и по сегодняшний день включительно, разве что в разной степени интенсивности.

Гибридная война Запада против СССР

Действительно, на протяжении 70 лет, прошедших с момента Октябрьской революции и примерно до падения Берлинской стены в ноябре 1989 г., нашу страну неизменно называли то «тюрьмой народов», а то и вовсе – «империей зла». Отношение к СССР в частности, и Мировой системе социализма в целом, всегда было убежденно негативным. Нежелание признавать за СССР статуса равного партнера оформилось сразу же после провала иностранной интервенции в годы Гражданской войны, и наиболее пагубным образом проявило себя во второй половине 30-х гг., когда именно СССР принадлежала инициатива по созда-

нию системы коллективной безопасности в Европе в условиях стремительной эскалации напряженности, исходившей от нацистской Германии. Результат подобного восприятия нашей страны в те годы – разразившаяся Вторая мировая война, предотвратить которую можно было бы еще в 1938 году, избежав и позорного Мюнхенского сговора, и вынужденного заключения Договора о ненападении с нацистской Германией, последствия которого были известны заранее.

Впрочем, на короткий промежуток времени, а именно на момент перенесения основного театра военных действий в СССР в 1941-1945 гг., Запад был вынужден изменить подход к нашей стране. Именно вынужден, ибо к этому шагу его подталкивало отнюдь не историческое прозрение, а военно-политическая необходимость. В конце концов, оказывая политическую и военно-техническую поддержку СССР, на территории которого на протяжении всего периода Великой Отечественной войны сражались от 75 до 80% самых боеспособных соединений вермахта, западные союзники оказывали услугу самим себе. Но сразу же после завершения Потсдамской конференции все стало возвращаться «на свои места». Более того, уже в ходе самой Потсдамской конференции, новый президент США Гарри Трумэн, как бы, между прочим, упоминая Сталину о наличии у США атомной бомбы, сделал первый шаг к будущему обострению отношений с последующей гонкой вооружений. Фултонская же речь Черчилля 5 марта 1946 года окончательно подвела черту под периодом сотрудничества между Западом и СССР.

Создание НАТО в 1949 г. объяснялось необходимостью защиты от потенциальной «советской угрозы». Все последующие действия как в рамках этого военно-политического блока, так и за его пределами (главным образом, принятие и обновление военных доктрин в США), размещение тактического ядерного вооружения США в странах НАТО, прямо или косвенно были направлены на «сдерживание» СССР. Представляется, что термин «сдерживание» наилучшим образом подходит для описания политики Запада в отношении СССР прак-

¹ Что такое гибридная война? // URL: <http://typrishol.ru/istoriya-obshhestvo-politika/idyot-vojna-gibridnaya-truslivaya-vojna.html>

тически на протяжении всего периода его существования.

Природа подобного «стандарта» западного подхода к нашей стране, по-видимому, кроется в том, что Россия никогда не воспринималась полноправным членом европейской семьи народов. Европейцы могли дружить с русскими, сотрудничать с ними, даже воевать с русскими бок о бок против общего врага. Однако при этом Россия всегда воспринималась «чужой» - большим неотёсанным медведем (стереотип, приобретший на Западе буквально генетический характер), которому не место в «светлом и чистом» европейском доме.

На укоренение в умах этого убеждения и была направлена значительная доля западной пропаганды в течение последних десятилетий. Открытым началом текущего витка информационной войны можно считать 1953 год, когда американцы запустили проект «Радио Свобода», служивший для идеологической поддержки советских диссидентов. Собственно, именно американцы и возглавили «информационный крестовый поход» против СССР.

Планы широкомасштабной информационной войны появились в Великобритании и США ещё раньше: в Великобритании, Меморандум № 5736/G, 1939 г., Долгосрочный план действий по противодействию СССР [Лекарев 2002: 7]; США, закон № 402, 1948 год, который заставлял СМИ «оказывать планомерное и систематическое воздействие на общественное мнение других народов»; США, директива № 68, 15 апреля 1950 г. Директива ставила задачу «обеспечить коренное изменение природы советской системы, посеять внутри этой системы семена ее разрушения, поощрять и поддерживать беспорядки и мятежи в избранных, стратегически важных расположенных странах – соседях СССР» [Окорочков 2011: 36]. Задача столь же амбициозна, сколь и беспринципна.

В «до перестроечный» период американская агитация успешно сдерживалась идеологическим воспитанием населения и слаженной работой спецслужб. Относительно малочисленные диссиденты были вполне безобидны, значительная их часть работала на КГБ. Взятый же М. Горбачевым курс на

«гласность» и «перестройку» устранил практически все препятствия для американской пропаганды, что не замедлило сказаться. Американские политики и элиты работали непосредственно и с лидером нашего государства, в тот момент – Михаилом Горбачевым, и вели его активную обработку, что в итоге привело к развалу СССР.

Потребовалось всего несколько лет, чтобы в СССР начались центробежные тенденции. Хуже того, в стране начались межнациональные конфликты, сопровождающиеся едва ли не признаками геноцида на национальной почве (самый яркий тому пример – конфликт в Нагорном Карабахе между тогда еще Армянской ССР и Азербайджанской ССР, последствия которого мы можем отчетливо наблюдать буквально сегодня, осенью 2020 г.). Подобные явления представлялись немислимыми в условиях господствовавшей в СССР идеологии братства народов и бытового интернационализма. Тем явственнее выглядит искусственное нагнетание напряженности в таких конфликтах, и тем четче прослеживается некий их «менеджмент», при этом, весьма умелый, направивший бытовые и культурные противоречия в русло национальных конфликтов и вражды. Итогом этих явлений стал развал Советского Союза и фактическое подчинение властей новообразованной «демократической» России «правильным» американским советникам.

Практика фальсификации на постсоветском пространстве в новейшей истории

Развал СССР оказал катастрофическое воздействие на менталитет, самосознание и простое чувство собственного достоинства подавляющей части населения пространства, ныне именуемого «постсоветским». И если в одних странах (бывших союзных республиках СССР) предпринимаются попытки построения политически независимой национальной государственности, основанной на принципах уважения к общей истории (как это делается в Казахстане, Армении, Белоруссии, Кыргызстане), то в ряде других стран русофобия возведена в ранг государственной политики и едва ли не основы национальной государственности в целом. Речь идет о странах Балтии и, как ни

прискорбно, об Украине, чей вклад в разгром германского нацизма в годы Великой Отечественной войны не подлежит ни малейшему сомнению. В этой связи единственным и неперемным условием сохранения Россией своего национального самосознания и, если угодно, – государственности – является выработка стойкого иммунитета к любым попыткам манипулятивного воздействия на российскую молодежь путем искажения главного объединяющего начала современного общества – истории нашей великой Родины.

Между тем, подобные попытки предпринимаются в отношении нашей страны, как отмечалось, уже на протяжении более чем полувека. После событий 2014 г. и воссоединения Крыма со своей исторической Родиной политика фальсификации обрела новые импульсы и стала вестись, по мнению автора, более топорными методами, чем это делалось ранее.

Речь идет, по сути дела, о «ползучей реабилитации» нацизма. Основным объектом нападков со стороны т.н. «просвещенного Запада», а также значительной части т.н. «российской либеральной интеллигенции» является Великая Победа советского народа над германским нацизмом, одержанная 9 мая 1945 г.

Искажая события 1941-1945 гг., фальсификаторы, как правило, руководствуются следующими тактическими приемами:

- фактически повторяя положения геббельсовской пропаганды, обвиняют СССР в подготовке нападения на Германию, что дает им псевдонаучную базу для обоснования «равной ответственности» СССР с Германией за развязывание Второй мировой войны;

- настойчиво претворяется в жизнь идея об идентичности советской и нацистской государственных систем (диктатура). Коммунизм и нацизм, фашизм и сталинизм для них – одно и то же, а победа была достигнута народом «не благодаря, а вопреки» системе Сталина. В качестве примера приведем Резолюцию Парламентской Ассамблеи Совета Европы № 1481 от 25 января 2006 г., осуждающую «преступления тоталитарных коммунистических режимов», а также принятую ПА ОБСЕ в Вильнюсе 3 июля 2009 г. Резолюцию «Объединение раз-

деленной Европы: защита прав человека и гражданских свобод в XXI веке в регионе ОБСЕ». Резолюция принята в поддержку инициативы Европейского парламента (ЕП) объявить 23 августа – дату, в которую за 70 лет до этого был подписан Договор о ненападении между СССР и Германией (в западной историографии – «пакт Молотова-Риббентропа»)¹. Оба документа закладывают юридическую основу для последующего «уравнивания ответственности» между СССР и Германией за развязывание Второй мировой войны, о котором говорилось выше. При этом, целый ряд предложенных Россией Резолюций ГА ООН, осуждающих нацизм, не был поддержан ни США (позиционирующих себя в качестве едва ли не главного победителя нацизма), ни Украиной (которая пережила почти 3 года нацистской оккупации и была освобождена ценой невероятных усилий всего советского народа);

- идёт примитивное умаление роли советско-германского фронта в разгроме фашистской Германии и её союзников, в освобождении Европы от нацистской оккупации. Впрочем, данный подход легко опровергается цифрами, ознакомиться с которыми не составит труда ни нашим западным «коллегам-историкам», ни отечественным «поборникам правды и свободы»: только на советско-германском фронте в 1941-1945 гг. было разгромлено 507 дивизий вермахта и 100 дивизий стран-союзников Германии [Тельпуховский, Булычева 1984: 557];

- практикуется принижение уровня советского военного искусства и полководческого таланта советских военачальников. Заостряется внимание на том, что победа достигнута ценой огромных жертв и потерь. При этом адептами данного подхода совершенно игнорируется тот факт, что СССР пришлось отражать удар противника, располагавшего на тот момент самой боеспособной сухопутной армией в мире, самой отлаженной военной экономикой и имевшего колоссальный военный опыт минимум 6

¹ Парламентская ассамблея ОБСЕ в резолюции уравнила СССР и фашистскую Германию // URL: <https://www.newsru.com/world/03jul2009/rezoluciapaobse.html>

успешных военных кампаний, проведенных в течение 1939-1941 гг.;

- запущен процесс дегероизации советских воинов, командиров, политработников и бойцов СМЕРШа и, в особенности, НКВД, совершивших подвиги в годы Великой Отечественной войны. И, наоборот, как минимум – попытки реабилитации, как максимум – прямое восхваление предателей, эсесовцев, коллаборационистов и др. Данный подход особенно четко прослеживается в работах К. Александрова, А. Зубова и Б. Соколова. Нечто аналогичное наблюдается как в зарубежном, так и (что гораздо печальнее) в отечественном кинематографе. В качестве примеров можно привести низкопробный пропагандистский фильм «Child 1944», вышедший в прокат в 2015 г. и ряд отечественных подделок типа сериала «Штрафбат» 2004 г. и фильма «Сволочи» 2006 г., а также исключительно односторонний с точки зрения трактовки исторических фактов многосерийный фильм «Зулейха открывает глаза», представленный, что удивительно, по федеральному телеканалу Россия-1 в канун празднования 75-летней годовщины Победы в Великой Отечественной войне, и вызвавший волну критики как по религиозным, так и по историко-этическим соображениям. Представляется, что подобная практика наилучшим образом отвечает целям и задачам гибридной войны, нацеленной на формирование у молодого поколения россиян искаженного представления о реалиях Великой Отечественной войны.

Отдельного упоминания заслуживает государственная линия, четко обозначенная США еще в годы холодной войны. Несмотря на то, что президент США Ф. Рузвельт еще в 1944 г. писал: «С точки зрения большой стратегии... трудно уйти от того очевидного факта, что русские армии уничтожают больше солдат и вооружения противника, чем все остальные 25 государств Объединенных Наций, вместе взятые»¹, политические элиты США четко и последовательно придерживаются мнения о решающей вкладе в победу над нацизмом именно их страны при посредственном участии остальных со-

юзников по антигитлеровской коалиции. Апофеозом подобной политики стал выпуск к предстоящей 75-летней годовщине победы над нацизмом памятной монеты, на которой изображены флаги стран антигитлеровской коалиции, но демонстративно отсутствует флаг СССР.

При всей, казалось бы, антироссийской очевидности данного выпада, обращает на себя внимание факт вопиющего неуважения к собственной истории. На это указывает, в частности, отечественный политолог В. Соловейчик. Он отмечает, что подобный шаг со стороны американских политиков – «безусловно, оскорбление для американских моряков и летчиков, которые в тяжелых условиях – Полярных конвоях или, допустим, перегоняя по Тихому океану под ударами японских подлодок свои корабли или перегоняя самолеты с Аляски на Чукотку – рисковали жизнью для того, чтобы поддержать Красную армию, советского союзника. Они наверняка нашли бы свой ответ тем, кто изготовил подобную позорную монету, тем более что общеизвестно, сколько американских моряков отдали свои жизни в союзнических конвоях, когда доставлялась в СССР военная техника и предметы военного снаряжения, оборудования, продовольствие, одежда в рамках поставок по ленд-лизу. Поэтому подобные действия американских должностных лиц не соответствуют исторической истине и оскорбительны не только для нас – наследников советской Победы, – но и для тех американцев, предки которых отдали свою жизнь борьбе с нацизмом»².

Практические меры по недопущению фальсификации истории

Таким образом, основные задачи, которые стоят перед историческим и особенно – педагогическим сообществом, заключаются, по мнению автора, в трех ключевых идеях:

1. Бережное отношение к национальной исторической памяти, прививаемое молодому поколению в течение всего системного образовательного процесса: от школы и до университета. Основной метод достижения

¹ Леонидов А. Не лишне напомнить // Экономика и мы. 4.05.2016. URL: <https://economicsandwe.com/60FEAFC253D7EB61/>

² Соловейчик В. Политолог прокомментировал выпуск в США монет с союзниками во Второй мировой войне без СССР // URL: <https://nevnov.ru/674063-politolog-prokomentiroval-vypusk-v-ssha-monet-s-soyuznikami-vo-vtoroi-mirovoi-voine-bez-sssr>

этой цели – обеспечение исторической грамотности и общей эрудированности молодого поколения, достигаемое путем качественного среднего и высшего образования.

2. На основании академической базы, получаемой в годы обучения в школе и университете необходимо системно организовать патриотическое воспитание молодого поколения. Вероятно, это следует сделать путем внесения соответствующих поправок в образовательный стандарт или же посредством придания организации Юнармия статуса, сопоставимого с Всесоюзной пионерской организацией в СССР. Причем, свое практическое выражение подобное воспитание должно находить не в лозунгах и идеологемах, а в непосредственной систематической работе по усвоению основ военного дела, совершенствованию физической подготовки, изучению материальной части и т.д.

В этой связи весьма показателен пример Соединенных Штатов Америки. Хотя там, в отличие от нашей страны, отсутствует практика призыва на военную службу, военные специальности в значительной степени осваиваются молодыми людьми еще в старшие школьные и студенческие годы. Происходит это в рамках молодежной военно-патриотической организации JROTC (Junior Reserve Officers' Training Corps), включающей в себя подготовку не только в рамках сухопутной армии, но и остальных родов войск. Для каждого из них предусмотрен собственный свой вариант курса: Армия (US Army) – AJROTC; Военно-морской флот (US Navy) – NJROTC; Корпус морской пехоты (US Marine Corps) – MCJROTC; Военно-воздушные силы (US Air Force) – AFJROTC; Береговая охрана (US Coast Guard) – CGJROTC¹. Как видно из названия организации, основное ее предназначение – подготовка кадрового резерва офицеров младшего и среднего командного звена для Вооруженных сил США. При этом, формально JROTC хотя и не является обязательным образовательным учреждением, тем не менее, данная организация представ-

ляет собой столь эффективный социальный лифт, что львиная доля молодых людей считает своим долгом оказаться в числе ее воспитанников. Достаточно сказать, что для поступления в престижную Военную академию США выпускникам-отличникам JROTC не требуется ни рекомендация вице-президента США, ни рекомендация сенатора от соответствующего штата (что является непременным условием поступления в Вест-Пойнт для всех иных категорий молодежи). Финансирование стипендиального фонда JROTC, к слову, превосходит финансирование любого школьного учреждения США и сопоставимо по объемам с университетским.

Таким образом, тщательный анализ успешного опыта США в данном контексте представляется исключительно полезным. Особенно с учетом того, что в американской системе патриотического воспитания молодежи JROTC существует уже более ста лет (организация была создана с целью ускоренного расширения офицерского состава в канун вступления США в Первую мировую войну), а отечественная Юнармия была создана лишь в 2016 году.

3. Проведение последовательной государственной политики, направленной на сохранение памяти о Великой Победе. В значительной степени подобная политика неплохо реализуется уже сегодня путем всенародной акции «Бессмертный полк», проводимой не только в России, но и за рубежом. Кроме того, запускается целый ряд интерактивных проектов, ориентированных на широкую аудиторию в интернете – а это, ожидаемо, молодежная аудитория. В качестве примера можно привести проект «Неизвестный знаменосец», созданный на платформе Ria.Lab при участии уже упомянутого нами Общероссийским общественным гражданско-патриотическим движением «Бессмертный полк России» и информационного агентства РИА Новости². Несомненно, подобных проектов должно становиться больше, и они должны носить не ситуативный, а постоянный характер.

Патриотическое воспитание молодёжи в современных условиях требует интеграции

¹ 10 U.S. Code § 2031 – Junior Reserve Officers' Training Corps // URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/10/2031>

² Неизвестный знаменосец. VR-реконструкция // URL: <https://ria.ru/20200407/1569234255.html>

и консолидации социального, культурного и воспитательного потенциалов регионов и страны в целом. В условиях, когда в российском обществе отчетливо прослеживается тенденция к снижению в общественном сознании роли российского патриотизма как ценностно-смыслового ядра развития личности, семьи, общества и государства – становление и развитие системы патриотического воспитания молодёжи требует инновационных решений. Их реализация должна создать возможности молодым людям выбирать свое будущее, связывая его с перспективами страны, образом Родины – России, в её героическом прошлом, инициативном настоящем и перспективном будущем.

Заключение

Подводя некий итог изложенным рассуждениям, отметим главное: историческая правда на нашей стороне! Автор уже неоднократно отмечал в своих исследованиях ключевую особенность нашей национальной

истории: Советский Союз выдержал тяжелейшее нашествие и одержал величайшую Победу во всей тысячелетней истории России. Но не только России, но и всего цивилизованного мира. Видимо, нежелание признать этот факт, и лежит в основе ревизионистской политики тех, кто стремится к пересмотру истории [Пархитко 2015: 65].

Советское общество, воспитанное на идеях патриотизма и уважения к Памяти тех, кто отдал свои жизни за свободу и независимость нашей Родины в годы Великой Отечественной войны, имело естественный иммунитет практически к историческим инсинуациям и манипуляциям. Задача современного российского общества – как можно быстрее выработать подобный иммунитет у молодого поколения. В противном случае, уже через 10-15 лет нашу страну может ожидать национальная катастрофа, подобная той, что мы пережили в 1991 г. В наших руках не допустить этого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Лекарев С.* Операция длиной в полвека: план «Льотэй». Как британские спецслужбы участвовали в борьбе с «империей зла» // Военное обозрение. 2002. № 16, с.7-12.
- Окороков А.В.* СССР против США. Психологическая война // М. – Вече. – 2011., 80 с.
- Пархитко Н.П.* Победа стран антигитлеровской коалиции. Фактор ленд-лиза // Вестник РУДН, серия Международные отношения, июнь 2015, том 15, № 2, с.57-66
- Тельпуховский Б. С., Булычева Г. И., Бурляй А. А.* и др. Великая Отечественная война Советского Союза 1941-1945: Краткая история. 3-е издание, исправленное и дополненное. – М.: Воениздат, 1984., 560 с.

REFERENCES

- Lekarev S.* Five decades-long operation «Lewthey». How the British secret services participated in the fight against the "evil empire" // *Voennoe obozrenie*. – 2002. - №16, p.7-12
- Okorokov A.V.* USSR vs USA. Psychological war. // М. – Veche. – 2011. – 80 p.
- Parhit'ko N.P.* Victory of anti-Hitler coalition. The lend-lease factor // *Vestnik RUDN, International Relations*, june 2015, Vol. 15, № 2, p.57-66
- Tel'pukhovskii B. S., G. I. Bulychev, A. A. Burley.* The Great Patriotic War 1941–1945. Brief history. М., 1984, 560 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Пархитко Николай Петрович, – кандидат исторических наук, доцент кафедры Теории и истории журналистики филологического факультета Российского университета дружбы народов.

Parkhitko N.P., PhD in History, Associate Professor of the Theory and history of journalism department, Faculty of Philology, RUDN University

Историческая политика как инструмент внешнего воздействия на идентичность

М. Б. Крамаренко

*Частное учреждение «Информационно-аналитический центр
«Институт Евразийской политики», Кокшетау, Республика Казахстан*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1526-8248>, e-mail: kmb1978@mail.ru

Аннотация. Коллективная память является необходимым условием существования различных форм и уровней социальной и политической идентичности. В то же время, память является уязвимым компонентом идентичности, который может быть подвергнут трансформирующему влиянию извне. Принцип внешнего воздействия основывается на том, что соотношение индивида с определенной идентичностью не является постоянным, совершенным раз и навсегда актом. Напротив, это постоянный процесс, при воздействии на который может быть изменено предпочтение индивида. В настоящее время такому воздействию подвергается память о Великой Отечественной войне, являющейся основой идентичности политической российской нации, и наднациональной идентичности народов бывшего Советского Союза. Вспомогательную функцию в этом процессе играет продвижение нарративов, безосновательно обвиняющих центральную власть в СССР в совершении геноцида в отношении собственного населения в 1930-е гг. на Украине, Казахстане, и последующей их легализации через принятие различных нормативных актов.

Ключевые слова: идентичность, коллективная память, политика памяти, историческая политика, Великая Отечественная война, нормативно-правовой инжиниринг.

Historical politics as an instrument of external influence on identity

Maxim B. Kramarenko

*Private institution «Information and analytical center «Institute of Eurasian policy»,
Kokshetau, The Republic of Kazakhstan*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1526-8248>, e-mail: kmb1978@mail.ru

Annotation. Collective memory is a necessary condition for the existence of various forms and levels of social and political identity. At the same time, memory is a vulnerable component of identity that can be subjected to external transforming influence. The principle of external influence is because the correlation of an individual with a certain identity is not a permanent, once-and-for-all act. On the contrary, it is a constant process, if it is influenced, the individual's preference can be changed. Currently, the memory of the Great Patriotic War, which is the basis of the identity of the political Russian nation, and the supranational identity of the peoples of the former Soviet Union, is exposed to such an impact. The promotion of narratives plays an auxiliary function in this process that groundlessly accuse the central government in the USSR of committing genocide against its own population in Ukraine, Kazakhstan, and their subsequent legalization through the adoption of various regulations.

Keywords: identity, collective memory, memory policy, historical policy, Great Patriotic war, regulatory engineering.

Основой социальной идентичности является память о прошлом — это аксиома. Ведь неоспорим тот факт, что человек выделился из мира животных благодаря развитию второй сигнальной системы, возникшей на основе языка. В данном случае мы понимаем под языком систему особых абстрактных символов, благодаря которым у нас разви-

лась способность к мышлению. Так как, «освоение, применение (кодирование, декодирование и интерпретация) языкового знака (т.е. коммуникация) составляют важнейший аспект развития мышления» [Цупикова 2014: 147]. Но развитие мыслительных процессов человека так же невозможно без способности запоминать, то есть «хранить и

осмысливать собственный опыт и опыт предшествующих поколений» [Репина 2004: 10].

Именно язык, память и мышление выделены из всего животного мира и способствовали интенсивному развитию отдельного вида Homo Sapiens. Древнегреческий философ Аристотель в свое время определял человека как «политическое животное». Поэтому что в отличие от других животных, человек, чтобы оставаться таковым, мог жить только в полисе. То есть в определенном сообществе, в котором возможно достижение личных и общих благ через взаимодействие с себе подобными, используя для этого свои способности к речи и мышлению.

Примерно в это же время Платон в своем диалоге «Государство» характеризовал политику, то есть то самое взаимодействие, направленное на достижение благ, как деятельность человека, приносящую пользу друзьям и вред врагам. Тем самым философ фиксировал уже в тот период деление человеческого общества на противостоящие, конфликтующие группы, имеющие разные, диаметрально противоположные интересы, реализация которых воспринималась бы «своими» положительно, а «чужими» / «врагами» - индифферентно или отрицательно. И чем больше нарабатывался опыт группового противостояния и / или конфронтации, тем сильнее возникали социальные границы между «своими» и «чужими» / «врагами».

Благодаря тем же способностям человека говорить (выражать символами), помнить и размышлять появилась история, как особый вид деятельности по регистрации фактов прошлого (объективной фиксации состоявшегося опыта). При этом история каждого сформированного социального или политического сообщества является собственным вариантом изложения опыта прошлого с оценками, отличными от других вариантов описания тех же самых событий, зафиксированных сообществами с иной идентичностью.

Находясь под влиянием накопленного в коллективной памяти опыта группового противостояния (противопоставления), отражение событий, явлений и фактов в истории «своих», получает противоположную

коннотацию, в сравнении с историей «чужих»*.

Коллективная память, зафиксированная в истории того или иного сообщества или группы, представляет собой становую ось нравственно-этических координат, устанавливающую нормы поведения и запреты для индивидов, идентифицирующих себя с определенной группой. По сути, являясь знанием о прошлом, коллективная память содержит в себе «множество образцов социально значимого поведения. Поступки исторических персонажей, различные исторические ситуации, типы разрешения определенных конфликтов, ведущих к укреплению данного общественного строя, данной этнической общности, социальной группы или организации, со временем становясь эталонами, дают обоснование нормам предпочтительного, санкционированного обществом поведения» [Ракитов 1982: 10].

Следование этим нормам и есть выражение принадлежности индивида к определенной идентичности, что является актом свободного волеизъявления. Из этого мы можем определить социальную и политическую идентичность как свод определенных духовных, моральных, нравственных ценностей, принципов и установок, норм поведения, культурных особенностей, выработанных на основе коллективной памяти о прошлом совместном опыте существования отдельной группы или сообщества людей в ходе своего исторического развития.

Помимо памяти о прошлом опыте, забвение части такого опыта играет не менее важную роль в существовании идентичностей. Э. Ренан в своем докладе «Что такое нация?» справедливо обращает на это внимание. Рассуждая о том, что единство любой нации создается насилем, французский

---

* В подтверждение сказанного можно привести следующую иллюстрацию. В эпосе вайнахов нашло свое отражение длительное противостояние с тюркоязычными этническими группами. Это выразилось в наименовании подземного мира мертвых. Согласно вайнахской мифологии это место находится под землей, где никогда не всходит солнце, и называется оно «Ел». У тюрков «Ел» означает место их проживания, страна, государство. В современном Казахстане узаконенный титул «лидера нации» имеет наименование Ел-басы, где Ел – это нация и государство, а басы – от тюркского «бас» – голова.

мыслитель отмечает: «Забвение или, лучше сказать, историческое заблуждение является одним из главных факторов создания нации, и потому прогресс исторических исследований часто представляет опасность для национальности. В самом деле, историческое исследование проливает свет на факты насилия, бывшие при начале всех политических образований, даже весьма благодетельных по своим последствиям» [Ренан 1902: 92].

Следуя логике Э. Ренана, восстановление памяти о совершенном насилии при формировании нации, и шире, любой идентичности, а также о неблагоприятных, противоречащих установленным нормам определенной идентичности деяниях, совершенных лидерами данного сообщества в прошлом, могут разрушить сложившуюся исторически социальную и политическую идентичность.

Поэтому идентичность — это еще и договор о едином подходе в трактовке общей истории конкретного, определенного сообщества или группы, договор о следовании определенному историческому нарративу.

По признаку забвения / памяти о насилии в прошлом, о нарушении норм, принципов и установок, установившихся в идентичности определенного сообщества (группы) ряд исследователей выделяют позитивную и депрессивную идентичности.

Такую классификацию, к примеру, предлагает Л. Хачатрян, указывая, что «позитивная интеграционная идентичность, связывающая прошлое, настоящее и будущее в единый культурно-цивилизационный комплекс, способна обеспечить государству и обществу успешное развитие, эффективное решение стоящих перед ними проблем и задач. И наоборот, депрессивная идентичность, фундированная на опыте «исторической травмы», вины и покаяния за «грехи предыдущих поколений», может стать причиной крушения государства, кризиса общества, аксиологического тупика» [Хачатрян 2019: 123].

В связи с чем можно сделать вывод, что коллективная память есть основа и уязвимое место социальной и политической идентичности. Любое целенаправленное воздействие на неё мы понимаем, как политику памяти, или историческую политику, за-

ключающуюся в актуализации или забвении части коллективного опыта прошлого определенного сообщества или группы. От ее реализации зависит, сохранит ли идентичность свой интеграционный позитивный характер, или станет отталкивающей, разрушающей на «атомы» сообщество.

В настоящее время историческая политика, помимо деятельности по поддержанию собственных форм идентичности государства, становится инструментом внешнего воздействия на коллективную память сторонних государств.

Этому способствует усиление интенсивности процессов глобализации, произошедшее после крушения биполярного мира, а также достижения научно-технического прогресса в сфере передачи информации, что привело к началу формирования единого информационно-политического пространства, которое оказало качественное влияние на все сферы человеческой жизнедеятельности, в том числе и на международные отношения.

Этот процесс ряд экспертов называет становлением нового мирового порядка, при котором происходит «размывание национальных, культурных и других границ» [Сайко 2011: 44]. При этом СМИ в процессе глобализации приобретают роль культурообразующей доминанты. С одной стороны, формирующееся глобальное информационное пространство позволяет «участникам коммуникации обмениваться информацией, участвовать в различных дискурсах при минимальных временных и других издержках. С другой стороны, новые средства массовой коммуникации представляют собой ресурс власти и контроля. Через утверждение повестки дня, фрейминг и другие механизмы формирования медиареальности интерпретация представленных в СМИ феноменов и событий может направляться в определённое русло» [Сайко 2012: 24].

Доктор политических наук Ш. Сеидов, анализируя взаимосвязь информационных процессов с международными отношениями, приходит к следующему выводу: «Информационные ресурсы приобретают геополитическое значение, создают основу для ускоренного взаимодействия обществ с различными политическими системами и соци-

окультурными традициями... Политическое пространство приобретает новые масштабы и характеристики, а содержание, формирующегося информационного пространства, получает значение и смысл политического, и это тоже происходит в глобальных масштабах... Развитие информационных процессов приводит к тому, что политическое пространство становится информационным, а информационное – все более политизируется, приобретает характер информационно-политической системы» [Сеидов 2009: 51].

Это обстоятельство привело к появлению двух тенденций в международных отношениях: во-первых, расширился ряд субъектов мировой политики: кроме государств к ним добавились ТНК, международные неправительственные организации и глобальные СМИ. Во-вторых, формирование глобальной информационно-политической системы поставило вопрос о необходимости выработки новых средств осуществления внешней политики государств: на первое место в международных отношениях вышли методы неклассической дипломатии, совокупность которых принято именовать публичной (общественной) дипломатией, под которой понимается оказание воздействия государства на иностранную аудиторию для достижения своих политических целей.

В этом ключе такие формы исторической политики, как фальсификация исторических событий или их необоснованная криминализация, являются инструментом публичной дипломатии, направленной на оказание внешнего воздействия на политические идентичности различных уровней.

Следует обратить внимание, что принцип внешнего воздействия основывается на том, что соотнесение индивида с определенной идентичностью не является постоянным, совершенным раз и навсегда актом. Напротив, это постоянный процесс, при воздействии на который может быть изменено предпочтение индивида. Его можно охарактеризовать высказыванием Э. Ренана о существовании нации, которое он назвал «повседневным плебисцитом» [Ренан 1902: 101], или в другом переводе – «каждодневным референдумом». То есть, соотнесение себя с определенной идентичностью – это каждодневный выбор индивида, на который

в настоящее время имеют сильное воздействие слабоконтролируемые информационные потоки. Именно по этой причине, в зародившейся недавно медиафилософии, средства массовой коммуникации ряд исследователей характеризуют как протезы сознания. Так как в современных условиях информационного противоборства «происходит столкновение альтернативных медиа-проектов, авторы которых пытаются убедить зрительскую аудиторию в том, что показанное на экране прошлое, настоящее и будущее полностью соответствует объективной истине» [Челышева 2010: 5].

А потребитель контента не всегда силится понять суть информации, «когда все события предельно ясно показаны, уже поняты за тебя, прокомментированы и проанализированы» [Челышева 2010: 5], что создает идеальные условия для трансформации его различных идентичностей.

Именно трансформационной дипломатией в 2006 г. назвала К. Райс модель внешнеполитической деятельности США, выступая в Джорджтаунском университете: «Почти год назад в своей второй инаугурационной речи президент Дж. Буш изложил свое видение цели Америки в мире. «Политика Соединенных Штатов, - сказал президент, - заключается в поиске и поддержке ростков демократических движений и институтов в каждой стране и культуре с конечной целью покончить с тиранией в нашем мире». Для достижения этой смелой миссии Америке нужна столь же смелая дипломатия. Дипломатия, которая не только сообщает о мире, но стремится изменить его. Я и другие назвали эту миссию «трансформационной дипломатией»¹.

При этом российские исследователи называют такой подход американского политика колониальной моделью публичной дипломатии, направленной на изменение ценностных ориентиров в других государствах по заданному США образцу.

Авторы монографии «Публичная дипломатия: Теория и практика», изданной под

¹ Rice C. Transformational diplomacy. Speech delivered at Georgetown University// U.S. DEPARTMENT of STATE January 18, 2006// URL: <https://2001-2009.state.gov/secretary/rm/2006/59306.htm> (Дата обращения: 02 декабря 2020 г.).

общей редакцией М.М. Лебедевой, отмечают, что у США имеется уже наработанный опыт колониальной дипломатии, которая, к примеру, реализовывалась в отношении немецкого населения на оккупированных территориях Западной Германии сразу после окончания Второй Мировой войны.

Так называемая политика денацификации США в отношении побежденного населения Германии представляла собой историческую политику внешнего воздействия, направленную на укоренение в коллективной памяти немцев исторической вины и ответственности за преступления, совершенные политической элитой нацистской Германии. Фактически, по мнению политолога К. Васмунда, это было перевоспитание взрослых, детей и молодежи «с помощью надежных, политически безупречных немцев, посредством прессы, радио, кино»¹, что представляло собой шоковую терапию в культурной сфере: немцам постоянно напоминали об ужасах концлагерей и военных преступлениях, совершенных Германией под руководством А. Гитлера.

Кроме этого, с середины 1950-х гг. США начали активно реализовывать программы образовательного и профессионального обмена. Как итог, спустя всего десять лет, 31% членов бундестага, 53% бундесрата и 70% кабинета министров ФРГ были выпускниками какой-либо американской обменной программы [Лебедева 2017: 30].

Современные попытки корректировать извне память о Великой Отечественной войне, внушить новые нарративы о причинах Второй Мировой войны, о роли Советского Союза в ней, во многом напоминают трансформационную политику США, апробированную на поверженной Германии.

Так, обращает на себя внимание коллективная и согласованная политика стран Европы по криминализации Советского Союза, необоснованном обвинении его в развязывании Второй Мировой войны. В частности, 3 июля 2009 г. Парламентская ассамблея ОБСЕ приняла резолюцию «Воссоединение разделенной Европы», в которой при-

равнила сталинский и нацистский режимы, обвинив их в совершении геноцида, нарушениях прав и свобод человека, военных преступлениях и преступлениях против человечества. Кроме этого, резолюция предписала странам участницам ОБСЕ, среди которых есть Россия и часть бывших советских республик, отказаться от мероприятий, восхваляющих сталинизм.

Спустя 10 лет, 19 сентября 2019 г. Европейский парламент принимает резолюцию «О важности европейской памяти для будущего Европы». В этом документе, опираясь на пакт Молотова - Риббентропа, европейские политики обвинили СССР в развязывании войны, так как, по их мнению, «два тоталитарных режима, задавшиеся целью завоевать мир, делили Европу на две зоны влияния».

Кроме этого, давайте вспомним резолюцию ПАСЕ от 26 января 2006 г. «О необходимости осуждения международным сообществом преступлений тоталитарных коммунистических режимов». В этом документе Единая Европа выражает сожаление о том, что до сих пор не состоялся международный суд над коммунистическими режимами, подобный Нюрнбергу. И, в первую очередь, это касается СССР, «где число жертв намного превысило число жертв, понесенных другими народами».

Да, напрямую эта резолюция не содержит обвинение Советского Союза в развязывании Второй Мировой войны, но дает в целом характеристику, не требующую подтверждения о том, что это государство исповедовало коммунистическую форму тоталитаризма и, соответственно, совершило «массовые преступления, грубо нарушающие права человека».

Этот документ стал основой для принятия 3 июня 2008 г. Пражской декларации о европейской совести и коммунизме, которую подписал ряд европейских историков, общественных деятелей и бывших политических заключенных. Эта общественная инициатива содержала в себе впервые тезис уравнивать гитлеровский и сталинский режимы, установив в качестве дня памяти жертв тоталитарных режимов 23 августа, день, в который в 1939 г. был подписан Советско-германский договор о ненападении, извест-

¹ Кун Г. Возвращение из преисподней: денацификация послевоенной Германии // Полит.РУ 04 июля 2007 г. URL: <https://polit.ru/article/2007/07/04/kun/> (дата обращения: 02 декабря 2020 г.).

ный также как пакт Молотова-Риббентропа. И спустя год, это предложение было принято Европейским парламентом.

Следует обратить внимание, что в ряде государств, например, в Польше, приняты аналогичные внутристрановые акты в отношении СССР.

Эти акты выполняют инжиниринговую роль. Во-первых, продолжая дальнейшее конструирование, достраивают идентичность Общей Европы, якобы свободную от тоталитарных режимов, к которым авторы документов относят нацизм и коммунизм. Причем вина СССР в преступном тоталитаризме признается в них априори, без какой-либо доказательственной базы. Сама форма нормативно-правового акта выступает легитимирующей эту обвинительную позицию современной политической элиты ЕС в отношении СССР. Эти акты содержат в себе и механизм вхождения, способ активной самоидентификации с общеевропейской идентичностью: признание вины, а возможно и согласие России на проведение международного суда в отношении себя же, который, по мнению бывшего министра обороны Польши А. Мацеревича, ждет весь мир¹.

Во-вторых, таким путем производится попытка коррекции коллективной памяти для тех, кто воспринимает однозначно в положительном ключе победу Советского Союза в Великой Отечественной войне, и признает, что решающий вклад в победу над гитлеровским нацизмом и японским милитаризмом внес советский народ. Обвинение в геноциде, военных преступлениях и преступлениях против человечества на таком высоком межгосударственном уровне должно, по замыслу его авторов, внушить чувство вины и ответственность за принадлежность к социальной и политической идентичности, в которой коллективная память о Победе выступает интегрирующим, объединительным политическим началом.

Все остальные формы дискредитации истории Великой Отечественной войны вы-

ступают усиливающим информационным фоном для такого политико-правового инжиниринга, реализуемого в международном масштабе. Это, к примеру, книги предателя В. Резуна о подготовке СССР к войне с Германией с последующей оккупацией континентальной Европы.

«Творчество» этого перебежчика стало своеобразным стандартом целенаправленной деятельности по дискредитации СССР, когда масса реальных фактов дополняется домыслами, и в итоге появляется возможность для противоположной негативной интерпретации советской истории предвоенного и военного периода. Это и публикации личных воспоминаний об ужасах советской оккупации Восточной Германии, когда, например, автор, «молчавшая 65 лет, «вдруг» решила вспомнить о том, что ее 15-летним подростком многократно насильствовали советские солдаты»².

Такое агрессивное вмешательство в коллективную память должно вызвать отторжение, отказ от выбора определенных уровней идентичности, где память о Великой Отечественной войне, образ советского солдата-освободителя играет ключевую роль. Именно так реализуется задача негативно повлиять на тот самый «повседневный плебисцит», о котором в свое время говорил Э. Ренан, в итоге разрушая идентичность.

В основном удар наносится по таким уровням идентичности, как политическая нация России и сохраняющаяся до сих пор наднациональная общность, включающая в себя народы постсоветского пространства. В их основе лежит коллективная память о беспримерном ратном и трудовом подвиге советского народа, результатом которого стала Победа над мировым злом, коим был гитлеровский нацизм. А также пережитые в результате военной агрессии Германии всеми народами бывшего СССР общий траур и трагедия. Так, по мнению Э. Ренана, «общие страдания соединяют больше, чем общие радости. В деле национальных воспо-

¹ Мир в ожидании «Нюрнберга-2»// ИноСМИ.Ru 19 сентября 2017г. URL: <https://inosmi.ru/politic/20170919/240324870.html> (дата обращения: 02 декабря 2020 г.). Мир в ожидании «Нюрнберга-2»// ИноСМИ.Ru 19 сентября 2017г. URL: <https://inosmi.ru/politic/20170919/240324870.html> (дата обращения: 02 декабря 2020 г.).

² Крамаренко М. Казахские ученики колченогого рейхсминистра?! Жертвы исторической «лоботомии»// «Институт русского зарубежья» 09 марта 2010 год URL: <https://russkie.org/articles/kazakhskie-ucheniki-kolchenogo-reykhshministra/> (дата обращения: 02 декабря 2020 г.).

минаний траур имеет большее значение, чем триумф: траур накладывает обязанности, траур вызывает общие усилия» [Ренан 1902: 101]. Позитивная коллективная память о Великой Отечественной войне в свое время выступила фактором сплочения, окончательно объединив народы бывшей Российской Империи в такую политическую идентичность как советский народ. Сейчас, после ликвидации Советского Союза в 1991 г., эта позитивная память продолжает спланивать народы России в единую политическую нацию, а также служит идейно-культурным основанием для реинтеграции постсоветского пространства. Именно эти положения вызывают геополитические страхи у коллективного Запада, заставляя его вести войну против коллективной памяти народов бывшего СССР. В отличие от нас самих, политическая элита на Западе не считает, что была одержана окончательная Победа в Холодной войне, одним из свидетельств которой должен был стать полный демонтаж коллективной памяти о нашей Победе в Великой Отечественной войне и, соответственно, идентичностей, основанных на этом. Победой для них будет окончательное прекращение существования такой идентичности как политическая нация России, представители которой гордятся своим советским прошлым, так как в противном случае для Запада, возглавляемого США, всегда будет существовать опасность в возрождении в Евразии самостоятельного центра силы. Еще в 2011 г. об этом говорил Ю. Дроздов, генерал-майор, бывший начальник нелегальной разведки КГБ СССР: «Сегодняшнее внимание США к России - это внимание к не поверженному окончательно в 1991 г. противнику. И США руководствуются этим принципом в осуществлении своей внешней политики»¹.

Этого не скрывает и сама политическая элита США, так в декабре 2012 г. Х. Клинтон, будучи на тот момент госсекретарем, раскритиковала интеграционную политику Москвы, увидев за ней попытки возродить Советский Союз. «Все мы знаем, каковы ре-

альные цели, и нужно найти эффективные пути замедлить или предотвратить их воплощение»², - заявила она тогда. Ей вторил в тот же период глава Меджлиса крымскотатарского народа М. Джемилев. Выступая на съезде «Платформы европейской памяти и совести», созданной как практическое продолжение Пражской декларации, он подчеркнул, что «суд НЮРНБЕРГ-2 нужен... отсутствие этого важного процесса может привести к возрождению неосоветской империи...»³.

Понимая конечные цели, реализуемой Западом исторической политики, следует обратить внимание, что коллективную память о Победе в Великой Отечественной войне стремятся дискредитировать, отводя для этого вспомогательную роль таким сюжетам конструируемого исторического нарратива для постсоветского пространства, как «голодомор», массовые репрессии 1930-х гг. и массовая депортация репрессированных народов. Именно их встраивание в коллективную память населения бывших союзных республик позволяет подводить к логическому заключению о том, что в сталинском Союзе не было дружбы народов, а государство представляло собой тюрьму народов.

Так признание «голодомора» на Украине позволило впоследствии «перелицевать» бандеровцев из военных преступников в национальных героев. Отталкиваясь от необоснованного и недоказанного обвинения о совершении геноцида в отношении украинского народа Советской властью, стало легче с моральной точки зрения объяснить сотрудничество украинских коллаборационистов с гитлеровскими захватчиками, позиционируя этот факт, как часть вооруженной борьбы за независимость украинцев.

Аналогичные процессы по коррекции коллективной памяти происходят в Казахстане. Через публикации в СМИ навязывается мнение, что переход на сторону

² Клинтон разглядела советскую угрозу в Евразийском союзе/ «ТВ-Новости» 07 декабря 2012 URL: <https://russian.rt.com/inotv/2012-12-07/Klinton-razglyadela-sovetskuyu-ugrozu-v> (дата обращения: 02 декабря 2020 г.).

³ Кургинян И. Платформа фашизации/ИА Красная Весна 13 марта 2013 г. URL: <https://rossaprimavera.ru/article/platforma-fashizacii> (дата обращения: 02 декабря 2020 г.).

¹ Дроздов Ю.: Россия для США - не поверженный противник/ Фонтанка.Ру 05 марта 2011 г. URL: <https://www.fontanka.ru/2011/03/05/042/> (дата обращения: 02 декабря 2020 г.).

нацистской Германии в годы Великой Отечественной войны был морально оправдан тем, что казахская Степь претерпела террор в годы насильственной коллективизации. В качестве иллюстрации цитата из статьи «Кто и зачем реабилитирует тему казахских «легионеров» времен второй мировой?», опубликованной на сайте сетевого издания «Central Asia Monitor» за авторством М. Нурмуханбетова: «...не секрет, что и поглубже на территории СССР в 1941-1942 гг. крестьяне встречали передовые немецкие подразделения хлебом-солью – как освободителей от власти большевиков вместе с их колхозами, трудоднями и особистами из НКВД. А жители Украины и других некогда богатых районов страны еще хорошо помнили голодомор, коллективизацию, «черные воронки» и другие особенности советской власти образца 1930-х гг. И казахи тоже еще помнили ... Впрочем, автор этих строк не собирается оправдывать тех, кто изменил присяге или встал на сторону врага. Дело не в том, за что воевали «туркестанцы», а против чего. Ведь никто уже не будет спорить с тем, что фашизм уничтожил казахов (да и казахстанцев) значительно меньше, что большевизм»¹.

В культивировании мифа о трагических событиях 1930-х гг. активное участие принимают американские историки, конструируя казахский исторический нарратив, закладывая и укрепляя разделительные линии, созданные извне в наднациональной идентичности постсоветской Евразии. Речь идет, в частности, о книге американского историка С. Камерон «Голодная степь. Голод, насилие и создание Советского Казахстана», в которой трагические события 1930-х гг. преподносятся как преднамеренная политика центра, так как «риск гибели огромного количества людей прекрасно осознавался, но был проигнорирован в угоду политических и экономических задач»². Поэтому

¹ Нурмуханбетов М. Кто и зачем реабилитирует тему казахских «легионеров» времен второй мировой?/ Сетевое издание «Central Asia Monitor» 05 апреля 2016 г. URL: <https://camonitor.kz/22488-kto-i-zachem-segodnya-reabilitiruet-temu-kazahskih-legionerov-vremen-vtoroy-mirovoy.html> (дата обращения: 02 декабря 2020 г.).

² Ким С. Нерассказанная история голода. Рецензия на книгу Сары Камерон «Голодная степь»/ Власть 09

«автор дает себе право на оценку тех событий, заявляя, что «казахский голод был преступлением против человечности»³.

Активное внешнее конструирование исторического нарратива Казахстана может в итоге привести к реабилитации, и даже героизации тех, кто стал сотрудничать с нацистской Германией в составе туркестанского легиона. Это может произойти в ближайшее время, когда в Казахстане начнет работать государственная комиссия по полной реабилитации жертв политических репрессий, и уже сейчас звучат призывы к реабилитации через неё тех, кто боролся против советской власти⁴, что может найти свое выражение в разрабатываемом социальном кодексе⁵.

В результате такой инжиниринговой работы в политико-правовой сфере возможна подготовка почвы для переоценки событий Великой Отечественной войны, изменения отношения к ней в казахстанском обществе, отказ от общей с Россией трактовки событий того исторического периода.

Исходя из всего вышеизложенного, можно сделать следующие выводы:

- Историческая политика может выступать в качестве составной части комплекса внешнеполитических мероприятий, направленных на коррекцию, изменения социальной и/ или политической идентичности жителей определенного государства.

- В истории международных отношений имеется пример успешного применения такого подхода при реализации политики денацификации немецкой нации после Второй Мировой войны, которая фактически представляла собой целенаправленную работу по

сентября 2020 г. URL: <https://vlast.kz/books/41613-nerasskazannaa-istoria-goloda.html> (дата обращения: 02 декабря 2020 г.).

³ Там же

⁴ Мамашулы А. Что не так с намерением Акорды оправдать жертв репрессий советской эпохи/ Радио Азаттык 30 сентября 2020 г. URL: <https://rus.azattyq.org/a/kazakhstan-acquittance-of-the-victims-of-political-repression-in-the-soviet-times-and-current-political-prisoners/30865070.html> (дата обращения: 02 декабря 2020 г.).

⁵ Минтруда Казахстана приступило к работе над Социальным кодексом. Sputnik 09 октября 2020 г. URL: <https://ru.sputnik.kz/society/20201009/15168813/mintruda-sotsialnyi-kodeks.html> (дата обращения: 02 декабря 2020 г.).

перевоспитанию, трансформации немецкой национальной идентичности. США реализовало в отношении побежденной Германии модель колониальной дипломатии, заключавшейся в работе с коллективной памятью немецкого народа, внушении коллективного чувства вины и ответственности перед миром за преступления, совершенные гитлеровским режимом.

- В настоящее время политические деятели США публично заявляют об использовании трансформационной дипломатии в своей внешнеполитической деятельности. При этом открыто называются цели – не допустить возрождения какого-либо союза государств в Евразии с участием России. Основной упор при этом делается на дискредитацию образа Победы в Великой Отечественной войне в коллективной памяти россиян и других народов постсоветского пространства. Образ совместно пережитой трагедии войны и победы в ней советского народа, запечатленный в памятниках, художественных произведениях до сих пор является основой политической идентичности россиян (российской политической нации) и идентичности сообщества народов Евразии.

- Деятельность по дискредитации подвига советского народа в Великой Отечественной войне следует рассматривать в комплексе по навязыванию политических ми-

фов о совершенных в советский период преступлениях: организации геноцида различных народов СССР, выпячивании информации о политических репрессиях и массовой депортации народов. Такое воздействие на коллективную память населения бывших союзных республик способствует обоснованию реабилитации, и даже героизации лиц, перешедших на сторону врага в годы Великой Отечественной войны, объяснению их поступка как организации борьбы за независимость своих народов, поработанных советской властью.

- Одним из основных принципов реализации исторической политики, как инструмента внешнего воздействия на идентичность, является политико-правовой инжиниринг, суть которого заключается в принятии актов, бездоказательно обвиняющих ту или иную сторону и криминализирующих их действия во внутренней и внешней политике, совершенные в прошлом. Политико-правовым инжинирингом можно назвать и правовые акты, реабилитирующие лиц, их героизацию, что в последующем позволяет с опорой на новые ценностные ориентиры формировать иные, зачастую диаметрально противоположные исторические нарративы. Такая деятельность способствует разрушению существующих идентичностей и формированию новых.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Публичная дипломатия: Теория и практика: Научное издание / Под ред. М. М. Лебедевой. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. - 272 с.
- Ракитов А.И.* Историческое познание: Системно-гносеологический подход. — М.: Политиздат, 1982. - 303 с.
- Ренан Э.* Что такое нация? // Ренан Э. Собрание сочинений в 12-ти томах. Перевод с французского под редакцией В.Н. Михайловского. Т.6. Киев, 1902. С.87-101.
- Репина Л.П.* История исторического знания: Пособие для вузов / Л. П. Репина, В.В. Зверева, М.Ю. Парамонова – М.: Дрофа, 2004. - 288 с.
- Сайко Е.Л.* Культурфилософский анализ СМИ: механизмы конструирования медиареальности. Автореф. дис. ... канд. философ. наук: 24.00.01; [Место защиты ВПО «Национальный исследовательский Томский государственный университет»]. — Томск, 2012.
- Сайко Е.Л.* Массмедиа в эпоху глобализации: основные характеристики и тенденции // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2011г. № 4. С. 44-49 с.
- Сеидов Ш.Г.* Информационные процессы как фактор развития современных международных отношений: политический анализ развивающегося мира. Автореф. дис. ...доктора полит. наук: 23.00.04; [Место защиты МГУ имени М.В. Ломоносова]. – М., 2009.
- Хачатрян Л.В.* Основные подходы к осмыслению феномена идентичности // Манускрипт. 2019. №7. С. 123 – 126 с.

Крамаренко М.Б. Историческая политика как инструмент внешнего воздействия на идентичность

Цупикова Е.В. Виды познавательной деятельности и этапы усвоения семантики знака в процессе индивидуального развития речи // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2014. №4 (18). С. 147 – 154. с.

Чельшьева И.В. Медиареальность: среда обитания или протез сознания// Медиафилософия VI. Необратимость трансформации. / Под редакцией В.В. Савчука и А.И. Иваненко. – СПб.: Санкт-Петербургское Философское общество, 2010. – 128 с.

REFERENCES

Publichnaya diplomatiya: Teoriya i praktika: Nauchnoe izdanie / Pod red. M. M. Lebedevoj. — M.: Izdatel'stvo «Aspekt Press», 2017. 272 s.

Rakitov A.I. Istoricheskoe poznanie: Sistemno-gnoseologicheskij podxod. – M.: Politizdat, 1982. 303 s.

Renan E. Chto takoe naciya? // Renan E'. Sobranie sochinenij v 12-ti tomah. Perevod s francuzskogo pod redakciej V.N. Mixajlovskogo. T.6. Kiev, 1902. S.87-101.

Repina L.P. Istoriya istoricheskogo znaniya: Posobie dlya vuzov / L. P. Repina, V.V. Zvereva, M.Yu. Paramonova – M.: Drofa, 2004. 288 s.

Sajko E.L. Kul'turfilosofskij analiz SMI: mexanizmy` konstruirovaniya mediareal`nosti. Avtoref. dis. ... kand. filosof. nauk: 24.00.01; [Mesto zashhity` VPO «Nacional`ny`j issledovatel`skij Tomskij gosudarstvenny`j universitet»]. — Tomsk, 2012.

Sajko E.L. Massmedia v e`poxu globalizacii: osnovny`e xarakteristiki i tendencii// Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul`turologiya i iskusstvovedenie. 2011g. № 4. S. 44-49

Seidov Sh.G. Informacionny`e processy` kak faktor razvitiya sovremenny`x mezhdunarodny`x otnoshenij: politicheskij analiz razvivayushhegosya mira. Avtoref. dis. ...doktora polit. nauk: 23.00.04; [Mesto zashhity` MGU imeni M.V. Lomonosova]. – M., 2009.

Xachatryan L.V. Osnovny`e podxody` k osmy`sleniyu fenomena identichnosti // Manuskript. 2019. №7. S. 123 – 126

Czupikova E.V. Vidy` poznavatel`noj deyatel`nosti i e`tapy` usvoeniya semantiki znaka v processe individual`nogo razvitiya rechi // Nauka o cheloveke: gumanitarny`e issledovaniya. 2014. №4 (18). S. 147 – 154.

*Chely`sheva I.V.* Mediareal`nost`: sreda obitaniya ili protez soznaniya// Mediafilosofiya VI. Neobratimost` transformacii. / Pod redakciej V.V. Savchuka i A.I. Ivanenko. – SPb.: Sankt-Peterburgskoe Filosofskoe obshhestvo, 2010. – 128 s.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Крамаренко Максим Борисович, руководитель частного учреждения «Информационно-аналитический центр «Институт Евразийской политики» / заместитель председателя Всемирного координационного совета российских соотечественников.

Maxim B. Kramarenko, chief of the private institution «Information and analytical center «Institute of Eurasian policy» / deputy Chairman of the World Coordinating Council of Russian Compatriots.

Проблема фальсификации истории и итогов Великой Отечественной войны на Украине

А.С. Братчик

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

e-mail: bratchik.alya@bk.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению проблемы фальсификации Великой Отечественной войны (ВОВ) в современной истории Украины. Актуальность темы исследования обусловлена введением украинской властью политики, искажающей итоги и события истории ВОВ. Автор берет в основу своего исследования не только период, когда после антиконституционного переворота в 2014 г. к власти приходят националисты, проводящие активную антироссийскую деятельность, а также, в целом, анализирует постепенный процесс изменения истории ВОВ с момента обретения независимости Украины в 1991 г. Цель данного исследования заключается в выявлении ключевых моментов фальсификации исторической памяти Великой Отечественной войны на Украине. Теоретико-методологическая основа исследования базируется на исследованиях отечественных и украинских историографов, а также законодательных и нормативных документах. В статье автор затрагивает такие проблемы, как процесс фальсификации истории ВОВ, новая интерпретация ВОВ и ее противоречие истинным фактам и законам, политизация государственного экзамена по Истории Украины, а также преподавание по новым украинским учебникам истории. Автор приводит примеры новой украинской интерпретации событий ВОВ, а также доказывает, чему противоречат данные исторические изменения. Также показывается воздействие политики на молодое поколение в условиях формирования национальной государственности и попыток разработки новых идеологических ценностей. В заключении автор приходит к выводу о роли фальсификации истории ВОВ, и отмечает предположительные результаты, к чему может привести искажение украинской историографии.

Ключевые слова: Украина, Великая Отечественная война, фальсификация истории, история, национализм, ОУН, УПА.

The process of falsifying the history and results of the Great Patriotic War in Ukraine

Alina S. Bratchik

RUDN University, Moscow, Russia

e-mail: bratchik.alya@bk.ru

Abstract. The article deals with the problem of falsification of the Great Patriotic War in the modern history of Ukraine. The relevance of the topic of the study is due to the introduction by the Ukrainian authorities of a policy that distorts the results and events of the history of the Great Patriotic War. The author bases his research not only on the period when, after the unconstitutional coup in 2014, nationalists are coming to power and are active in anti-Russian activities, and, in general, analyzes the gradual process of changing the history of Great Patriotic War since the independence of Ukraine in 1991. The purpose of this research is to identify the key points of falsification of the historical memory of the Great Patriotic War in Ukraine. The theoretical and methodological basis of the research is based on research of domestic and Ukrainian historiographers, as well as legislative and regulatory documents. In the article, the author deals with such problems as the process of falsifying the history of WSV, the new interpretation of Great Patriotic War and its contradiction with true facts and laws, the politicization of the State examination on the history of Ukraine, as well as teaching on new Ukrainian history textbooks. The author gives examples of a new Ukrainian interpretation of the events of the Great Patriotic War and proves what these historical changes contradict. It also shows the impact of policies on the younger generation in the context of the formation of

Братчик А.С. Проблема фальсификации истории и итогов Великой Отечественной войны на Украине national statehood and attempts to develop new ideological values. In the conclusion, the author concludes on the role of the falsification of the history of the World War II and notes the alleged results that may result from the distortion of Ukrainian historiography.

Keywords: Ukraine, the Great Patriotic War, falsification of history, history, nationalism, OUN, UPA.

Введение.

Особое значение в свете новых задач на постсоветском пространстве приобретает изучение Великой Отечественной войны. 75 лет назад закончилась самая кровопролитная война, а с ней и Вторая мировая.

Это не только выдающийся период нашей истории, но и символ прошлого, которое объединяет не только старшее и молодое поколение России, но и население всех бывших республик Советского Союза.

Казалось бы, война позади, а в наших сердцах лишь бескрайняя благодарность дедам и прадедам за спасение и мир над головой. Однако нависла новая угроза над современным обществом на пространстве СНГ – активизировались процессы фальсификации истории и итогов ВОВ.

Для начала стоит отметить, что фальсификация истории – это сознательное искажение исторических событий. К сожалению, именно разрушение единой картины прошлого приводит к утрате людьми собственной идентичности, в результате чего ранее единый народ перестает ощущать себя таковым. Принято считать, что националистические фальсификации исторических данных направлены на создание образа врага из тех наций и государств, которые в настоящее время рассматриваются как политические или экономические оппоненты.

В большинстве стран постсоветского пространства пытаются возвысить свою историю, во многом занижая роль СССР. Переписывание исторических событий не обошло и такой процесс как Великая Отечественная война. Особо в фальсификации истории отличилась страна Украина, причем это началось задолго до военного переворота в Киеве в 2014 г.

Процесс фальсификации истории на Украине.

Переписывание истории происходило не один год, зачатки ее переосмысления были положены еще при первых президентах, поэтому автор предлагает хронологически проследить этапы изменения интерпретации истории войны на Украине.

Становление государственности в бывшей республике СССР – Украине не могло не отразиться на состоянии исторической науки, так как начался проводиться государственный курс на переписывание и переосмысление истории и итогов Великой Отечественной войны, разрабатываться новые основы государственной идеологии.

Таким парадоксальным примером может являться провозглашение 26 ноября 1998 г. «Дня памяти жертв Голодомора»¹. Интерпретация данного оглашения впоследствии приобрела в ряде работ украинских историков откровенно негативное отношение к советскому прошлому [Карнишин 2010: 27].

В 2003 г. действующий на тот момент второй Президент Украины Л.Д. Кучма опубликовал произведение «Украина — не Россия». Главная мысль, которую подчеркивает Л.Д. Кучма: «Возрождение независимой Украины невозможно без укоренения в головах и душах населения лозунга «Украина — не Россия»»². Стоит отметить, название этой книги стало идеологическим лозунгом националистов на обеих революциях, что в 2004 г., что в 2014 г. Поэтому именно эту книгу и данного автора ряд историков и политологов называют родоначальником современного национализма на Украине.

Пришедший к власти после первой «оранжевой» революции в 2004 г. политический режим В. Ющенко стал активно

¹ Указ президента України от 28.11.1998 № 1310/98. Про встановлення Дня пам'яті жертв голодоморів. // Верховна Рада України. Режим доступа: <https://zakon.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=1310%2F98#Text> (дата обращения: 04.12.2020).

² Драч М. У Москві відбулася презентація книги Леоніда Кучми «Україна – не Росія». Перші відгуки // Радіо Свобода. 03.09.2003. Режим доступа: <https://www.radiosvoboda.org/a/907295.html> (дата обращения: 04.12.2020).

принижать достижения советского периода, возвышать свою страну, а РФ представлять в образе «агрессора» и «оккупанта» [Цыкунов 2015: 72].

В 2005 г. группа украинских историков представила Кабинету министров Украины новый взгляд на проблему Организации украинских националистов и Украинской повстанческой армии. Политические круги были заинтересованы продвижением раскрытия идеи значимого вклада ОУН-УПА и уже в 2006 г. президентом В. Ющенко был создан Украинский институт национальной памяти. Следом он подписал указ «О всестороннем изучении и объективном освещении деятельности украинского освободительного движения и содействии процессу национального примирения»¹.

Украинскому институту национальной памяти была поставлена задача заниматься продвижением героизации ОУН-УПА. Представители данного института, в оправдание коллаборационизма ОУН-УПА, расценили репрессии, голодомор, как великую беду исключительно украинского народа [В'ятрович 2019: 283].

В. Ющенко присвоил посмертное звание Героя Украины главнокомандующим УПА Р. Шухевичу в 2007 г.² и ОУН С. Бандере в 2010 г. «за несокрушимость духа в отстаивании национальной идеи»³.

Ежегодно в городах России проходят массовые празднования Дня Победы, но для Украины парады в честь такого знаменательного события не привычны. Так в 2009 г. единственный парад на Украине в честь Победы в ВОВ и 65-летия освобождения Севастополя от фашистов проходил только в

городе Севастополь⁴. Но не все политические круги были согласны с такой политикой, уже тогда они замечали искажение истории со стороны действующей власти. Поэтому 13 января 2009 г. по инициативе фракции коммунистов было принято альтернативное постановление ВР № 842-VI «О праздновании 65-летия Победы в Великой Отечественной войне и освобождении Украины от немецко-фашистских захватчиков»⁵. В этом документе было постановлено запрещение фальсификации истории и проявления фашизма, а Верховная Рада настаивала на необходимости надлежащим образом отметить годовщину великой Победы и оберегать военные мемориалы [Ионов, Харитоновна 2013: 120].

Во время правления Виктора Януковича активное навязывание искаженных образов и исторических картин не происходило, так как его партия придерживалась пророссийской точки зрения и в соответствии поощряла исторические события, связанные с Россией. Однако все изменил антиконституционный переворот на Украине в 2014 г.

В украинском обществе начали проводиться глубокие изменения. Пришедшие к власти националисты положили в основу своей идеологии и политики русофобию и антироссийскую деятельность. Из-за присоединения Крыма к России, поддержания войны на Донбассе, РФ объявляют страной-агрессором. В соответствии с этим, власть начинает массово переделывать и переписывать национальную историю⁶.

С 8 марта 2014 г. начинаются массовые сносы советских памятников по всей Украине. Стоит отметить, что это были не первые

¹ Указ президента України от 14.10.2006 № 879/2006. Про всебічне вивчення та об'єктивне висвітлення діяльності українського визвольного руху та сприяння процесу національного примирення // Лш 14.10.2006. Режим доступа: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/U879_06.htm 1 (дата обращения: 05.12.2020)

² Ющенко присвоил звание Герой Украины одному из главарей УПА Шухевичу // РИА Новости. 14.10.2007. Режим доступа: <https://ria.ru/20071014/83847440.html> (дата обращения: 05.12.2020).

³ Ющенко присвоил Бандере звание Героя Украины // BBC NEWS. 22.01.2010. Режим доступа: https://www.bbc.com/russian/international/2010/01/100122_bandera_hero_ukraine (дата обращения: 05.12.2020).

⁴ Единственный в Украине парад Победы прошел в Севастополе // TUT.BY. 09.05.2009. Режим доступа: <https://news.tut.by/world/136692.html> (дата обращения: 04.12.2020).

⁵ Постанова Верховної Ради України. Про відзначення 65-річчя Перемоги у Великій Вітчизняній війні та звільнення України від фашистських загарбників // Ліга Закон. 13.01.2009. Режим доступа: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/T090842.html (дата обращения: 04.12.2020).

⁶ Феномен русскоязычной русофобии на Украине // Ритм Евразии. 25.08.2019. Режим доступа: <https://www.ritm Eurasia.org/news--2019-08-25--fenomen-russkojazychnoj-rusofobii-na-ukraine-44492> (дата обращения: 04.12.2020).

Братчик А.С. Проблема фальсификации истории и итогов Великой Отечественной войны на Украине

разрушения памятников Великой отечественной войны, еще в 2008 г. на территории Львовской области западенцами открыто наносились повреждения имеющимся могилам советских солдат¹.

Новое правительство Украины не скрывало своей неприязни к общему с Россией прошлому. Примером международного уровня может послужить открытое заявление премьер-министра Украины А. Яценюка 8 января 2015 г. В ходе визита в ФРГ он заявил, что Украина и Германия в годы Второй мировой войны в равной мере пострадали от вторжения советских войск².

Еще в октябре 2014 г. президент Украины Порошенко принял решение отменить празднование Дня защитника Отечества 23 февраля, а взамен ввести новую праздничную дату-14 октября «День защитника Украины»³. Дата была выбрана не случайно, ведь именно в этот день в 1942г. была создана украинская повстанческая армия.

Верховная Рада Украины приняла закон о введении нового национального праздника вместо Дня Победы – «День памяти и примирения». Согласно документу, ветераны ОУН-УПА уравнивались в правах с ветеранами Советской армии⁴[Казаков 2015: 9].

Стоит отметить, что данный указ проявляет государственную безнравственность над памятью миллионов украинцев, погибших в годы войны. Так как примирению подлежат не только те, кто воевал с нацистами, освобождая Украину, но и те, кто им стрелял в спину, проводили карательные операции по указанию тех же нацистов против мирного населения и совершал другие преступления, осужденные Нюрнбергским трибуналом.

По логике нынешних властей Украины именно они являются настоящими героями Украины, о чем свидетельствуют процессы героизации националистов ОУН и УПА⁵.

В апреле 2019 г. президентом Украины был избран украинский шоумен В. Зеленский. Сколько бы он не позиционировал себя, как главный оппозиционер П. Порошенко, он продолжает курс своего предшественника. Все также продолжается политика «декоммунизации» и «бандеризации» украинского общества. Президент комментирует данную политику, как «выбор общества», а героизация украинских коллаборационистов представляется как показатель истинного патриотизма на Украине: «Степан Бандера – герой для какого-то процента украинцев, и это нормально и классно. Это один из тех людей, которые защищали свободу Украины»⁶ [Мартынов 2020: 167].

Новая интерпретация ВОВ.

Необходимо подчеркнуть, что современная украинская власть преследует идею обоснования национальной государственности, формирует новое историческое сознание у общества [Гадеев 2006: 61]. Тому свидетельствуют наименование периода истории Украины в составе СССР – периодом «коммунистической оккупации», изображение Украины «российской колонией», а украинского народа – «угнетенной нацией». Великая Отечественная война интерпретируется исключительно как схватка двух тоталитарных империй Германии и СССР, в которой Украина была лишь посредницей, которая пострадала от обеих сторон. Происходит ниспровержение прежних героев войны, борцов с фашизмом и антисемитизмом, и в тоже

¹ Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с ситуацией с памятниками советским воинам на Западной Украине // Украинская Правда. 29.11.2008. Режим доступа: <https://www.pravda.com.ua/rus/news/2008/11/29/4456190/> (дата обращения: 04.12.2020).

² Эксперт: Из-за высказываний Яценюка о Второй мировой войне Меркель оказалась в неловком положении // RT. 10.01.2015. Режим доступа: <https://russian.rt.com/article/68415> (дата обращения: 04.12.2020).

³ Порошенко отменил праздник 23 февраля и учредил День защитника Украины // РИА Новости. 14.10.2014. Режим доступа: <https://ria.ru/20141014/1028196402.html> (дата обращения: 04.12.2020).

⁴ Верховна Рада збереться на урочисте засідання 8 травня // Сьогодні. 06.08.2015. Режим доступа: <https://www.segodnya.ua/ua> (дата обращения: 04.12.2020).

⁵ «Фальсификация истории»: Порошенко приравнял участников ОУН-УПА к ветеранам // RT. 23.12.2018. Режим доступа: <https://russian.rt.com/ussr/article/586611-poroshenko-veterany-igoty> (дата обращения: 04.12.2020).

⁶ Зеленский: Бандера – герой для какого-то процента украинцев // Украинская правда. 18.04.2019. Режим доступа: <https://www.pravda.com.ua/rus/news/2019/04/18/7212583/> (дата обращения: 04.12.2020).

время идет оправдание коллаборационизма и героизация нацистских преступников - присвоение звания Героя Украины С. Бандере и Р. Шухевичу. Создаются новые мемориальные комплексы, сооружаются памятники, посвященных деятелям ОУН и УПА. Такие понятия как «партизаны» и «местное население» строго разграничивается. Народный характер имеют исключительно националисты [Белов 2017: 98].

Противоречие изменений в украинской истории ВОВ.

Украинская элита, одобряя такие безнравственные положения, не принимают во внимание, что такие действия противоречат не только истинным историческим фактам, но и закону. Героизация участников ОУН—УПА оправдывает виновных в массовых убийствах советских солдат и гражданских лиц. Снимая ответственность с украинских нацистских соратников, правительство Украины нарушает: законодательство Украины: закон “О статусе ветеранов войны” (от 22 октября 1993 г.)¹ и “Об увековечении Победы” (от 20 апреля 2000 г.)²; Положения Конвенции о предупреждении преступления геноцида 1948 г.³; Положения Конвенции о неприменимости срока давности к военным преступлениям 1968 г.⁴.

Циничным является и тот момент, что фальсификация развернулась при еще живых ветеранах ВОВ, которые из освободителей и героев своей страны превратились в «советских оккупантов», а националистов стали возвышать больше, чем истинных героев. Неуважением к подвигам ветеранов являются подрывы памятников ВОВ, их честь открыто очерняют, а ведь именно они в схватке с фашизмом отстояли родную землю.

Политизация истории.

¹ Закон Украины от 22 октября 1993 года № 3551-ХІІ. О статусе ветеранов войны, гарантиях их социальной защиты // Континет. Режим доступа: http://continent-online.com/Document/?doc_id=30454558#pos=0;0 дата обращения: 06.12.2020).

² Об увековечении Победы в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 годов. ВР Украины Закон от 20.04.2000 № 1684-ІІІ // Лига Закон. 20.04.2020. Режим доступа: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/T001684.html (дата обращения: 04.12.2020).

³ Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него // ООН. 19.12.1948. Режим

доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml (дата обращения: 05.12.2020).

На сегодняшний день уже ни для кого не секрет, что история перестала быть исключительно наукой, она превратилась в политический инструмент, средство для достижения целей политической элиты. Ложное описание или трактовка определенных событий историографии становится острым идеологическим и политическим инструментом пропаганды внутри страны.

На Украине происходит пересмотр истории и переоценка исторических фактов под давлением прозападных политиков, находящихся у власти. Провозглашение независимости Украины в 1991 г. стимулировало действия части элиты и сообщества историков с целью уйти от традиционного советского направления [Чернявская 2013: 86].

Они и по сегодняшний день пытаются разработать новую модель исторической памяти, способной объединить украинцев в новой исторической реальности. В этом плане более чем справедливы слова У. Черчилля: «Политики ориентируются на будущие выборы, а государственные деятели – на будущее поколение»⁵ [Медведева 2020: 14].

Пропагандирование национализма на Украине охватывает все сферы жизни в стране. Для утверждения самоидентификации украинской нации уничтожается многовековая история славянских народов, внедряются новые интерпретации истории Украины в массовое сознание, в первую очередь в подрастающее поколение. Правительство считает сферу образования одним из основных фронтов в информационной войне, поэтому учебник Истории является государственным политико-управленческим инструментарием [Єрмоленко 2019: 87].

Украинские учебники истории.

доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml (дата обращения: 05.12.2020).

⁴ Конвенция о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества // ООН. 26.12.1968. Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/warcrimes_limit.shtml (дата обращения: 05.12.2020).

⁵ У. Черчилля: «Политики ориентируются на будущие выборы, а государственные деятели – на будущее поколение» // Международная Жизнь. 24.09.2018. Режим доступа: <https://interaffairs.ru/news/show/20603> (дата обращения: 04.12.2020).

Изменение содержания школьных учебников имеет ведущую роль в формировании мировоззрения граждан и национального самосознания. Это объясняет почему объектом целенаправленного информационного воздействия является молодежь, в наибольшей степени подверженная информационному воздействию в силу несформировавшегося взгляда на жизнь [Ермаков 2012: 76].

В современных учебниках истории нет ни слова о массовых подвигах и героизме советских воинов при освобождении городов и сел Украины. Согласно новой концепции, исключается ведущая роль СССР, большая заслуга в победе над нацистами принадлежит ООН-УПА, а уничтожение их боевых отрядов преподносится как «братоубийственная война» [Цыкунов 2010: 74].

В учебных изданиях присутствует героизация данных националистических организаций. При этом скрываются общеизвестные факты сотрудничества этой структуры с Вермахтом в борьбе против Красной Армии, массового истребления еврейских и польских граждан, а также террора против мирного населения в Западной Украине.

Украинских учителей намерено заставляют отказаться от термина «освобождение Украины от фашистских захватчиков», так как «освобождение» предусматривает свободу, а в 1944 г. Украина не стала свободной. Как объясняют украинские историографы, с изгнанием нацистских преступников Украина не получила свободы– независимости, а оказалась под другим гнетом, результатом которого стали массовые репрессии и депортации. «Волю и свободу украинский народ получил только после 24 августа 1991 г., освобождение Украины началось только с распадом Советского Союза»¹.

Внешнее Независимое Оценивание по истории Украины.

¹ Изгнание последнего солдата нацистского рейха: Что нужно знать о Дне освобождения Украины от фашистских захватчиков // 112. UA. 28.10.2020. Режим доступа: <https://112.ua/glavnye-novosti/izgnanie-poslednego-soldata-nacistskogo-reyha-chto-nuzhno-znat-o-dne-osvobozhdeniya-ukrainy-ot-fashistskih-zahvatnikov-554336.html> (дата обращения: 06.12.2020).

² ЕГЭ-2021. История. Критерии оценивания заданий с развёрнутым ответом (№20-24) // Познаем Вместе.

Классификация не обходит стороной и государственный украинский экзамен по истории. Для выпускников школы проводится Внешнее Независимое Оценивание. В украинском экзамене по истории не рассматривают 2 точки зрения на проблему, ученики приводят лишь точку зрения одной стороны, не пытаясь показать или доказать противоположную². Для сравнения в Россия для выпускников школы проводится Единый Государственный Экзамен. У российских школьников, сдающих предмет История, взгляд на историю обширный– содержание 24 задания 2 части: ученику необходимо изложить 2 точки зрения, аргументировать как положительные стороны, так и отрицательные³.

Следует вывод, что такая интерпретация экзамена по истории на Украине приводит к скудности понимания определенных вещей в истории. Не рассматривая историю с нескольких сторон, человек никогда не познает истинную историю, поэтому фальсификация исторических моментов так эффективно пьянит умы украинской молодежи еще со школьной скамьи.

Заключение.

На сегодняшний день в Украине все также продолжают вводиться законы, принижающие значимость ВОВ и великий вклад ветеранов в Победу ВОВ.

Проникая в учебную литературу и средства массовой информации, фальсификация истории войны наносит огромный вред подрастающей молодежи, и в этом ее главная опасность для будущего.

Государство само уничтожает своё будущее, и что из него может вырасти представить сложно, еще более сложно представить на что будет способно это поколение, какое взаимоотношения у нее будет с Россией, да и с миром в целом [Шукбаров 2018: 286].

Мы пришли к выводу, что последствия фальсификации могут быть следующими.

08.09.2020. Режим доступа: <http://pознаемвместе.ru/index.php/9-pervyj-poslednij/2204-ege-2021-istoriya-kriterii-otsenivaniya-zadaniy-s-razvjornutym-otvetom-20-24> (дата обращения: 04.12.2020).

³ Історія України 2021 // УЦОЯО. 09.10.2020. Режим доступа: <https://testportal.gov.ua/istoriya-ukrayiny-2021/> (дата обращения: 04.12.2020).

Во-первых, фактическое переформатирование украинского общественного сознания, в первую очередь молодежи, скажется на негативном отношении к российскому народу в целом. То есть, представление России исключительно в образе главного внешнего врага, «агрессора» и «оккупанта».

Во-вторых, забывание прошлого ВОВ приведет к упадку Величия Победы, памяти о погибших и уважения к ветеранам. В-третьих, изменив итоги ВОВ, украинское государство может лишить свой народ статуса народа-победителя над фашизмом. В результате переформатирование исторической памяти братский народ приводит не к лучшим изменениям в стране, а лишь к кризису, общественному расколу, ожесточенной гражданской войны и потере государственного суверенитета [Пироженко 2010: 130].

Но все же есть шансы, что история и память Великой Отечественной войны останется навсегда в сердцах тех украинцев, кто чтит героическую победу над нацизмом.

Любая власть непостоянна. На смену старой всегда приходит новая. Нельзя отрицать тот факт, что в стране еще все изменится.

Более того, вопреки запрету украинскими властями советской символики, большинство граждан Украины все также отмечают 9 мая - День Победы, выходят на парады, поднимают красные флаги и георгиевские ленты¹. В честь своих дедов и прадедов, которые сражались за волю и спасение родного народа от нацистских захватчиков. Таким образом, автор считает, что новой политической элите, несмотря на все ее усилия сфальсифицировать историю ВОВ, не удастся изменить память украинского народа о Великой Отечественной войне.

¹ Как проходит 9 мая в Украине: первые инциденты // news24. 09.05.2019. Режим доступа: https://kyivnews.24tv.ua/ru/9_maja_2019_ukraina_den_pobedy_video_foto_kak_prohodit_prazdnik_n1150698?_cf_chl_jschl_tk__=11803bc2ee9b42d20b971f2954e4d6d91ca5c19f-1612220659-0-ATjjov0YHIU8mlEuaYBLXejmWwgnXkvwwbfWir6EepyTT_FUBvj2oSRq7OeCXFhYxdKpdSQNPP8FXx6qMVBGXam2YNx-aZzXs7rucA0gXKw1f1MuCX6VVcBhjTElZbUSbLwXQ%20hlq6QnHuNhdO1o0RKTws8Nk3N0HWIyf4T8w

u8QFKYiTGOY0Jlk5cypb28yvi7kv-v8CVQ4DFh3-TZarWiIfBE%20jMOEvSEkJ5NtpIzEFgfwRC7LCYYZAU5wiiRfTuz5JYO5CX91NlxfpwPkKGGbQVdMfEv7RG2tRfEYfm4ssWf0aJhrTOJeOorNW2UGgHwrphVqWDH5F6t7BtaprEyJcMJXZhX1mi7uHktrVc65IV1_gY8moadqoLF2y_hZcFSfvmqIBAT68EGK-kewl-YKhhSSy5FMqx3HAJ1NOwL6NBV4Q8Dd4f4NXGR85qebLFjDBFbSI5HhgKPVwA (дата обращения: 04.12.2020).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белов С.И.* Методы конструирования исторических мифов как элемент политики памяти (на материалах украинских учебников истории) // *PolitBook*. 2017, № 4, с. 89–103.
- Українська повстанська армія: відповідь нескореного народу // за ред. *В.В. В'ятровича*. К. : УІНП, 2019. С. 350
- Гадеев А.В. Историсофский анализ проблемы Украина во Второй мировой войне // *Культура народов Причерноморья*. 2006, № 82, с. 58–62.
- Ермаков А.М.* Концепция истории Второй мировой войны в новом украинском школьном учебнике // *Вопросы отечественной и зарубежной истории, политологии, социологии, теологии, образования: материалы конференции «Чтения Ушинского»*. Я.: ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2012. с. 315–321.
- Ревізія історії. Російська історична пропаганда та Україна / за ред. *В.А. Єрмоленко*. К. : «Інтерньюз-Україна», 2019. С. 99
- Ионов Б.В., Харитонов Н.И.* Проблема фальсификации истории на постсоветском пространстве // *Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество)*. 2013, № 4. с. 110–127.
- Казаков А.В.* Фальсификация истории итогов великой отечественной войны как направление деструктивного воздействия на сознание современной российской молодежи // *Власть*. 2015, т. 23, № 5, с. 8–13.
- Карнишин В. Ю.* На перекрестках науки и современной политики: Великая Отечественная война в исследованиях историков Украины // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Серия: Гуманитарные науки*. 2010, т. 13, № 1, с. 25–31.
- Курьлев К.П., Станис Д.В.* Этноконфессиональная ситуация на Украине как фактор внутриполитической нестабильности // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2014. № 5-3 (43). С. 114-117.
- Мартьянов А.С.* Новейшие националистические фальсификации истории Великой Отечественной войны на Украине // *Развитие политических институтов и процессов: зарубежный и отечественный опыт: Сборник научных статей*. О.: ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, 2020. с. 164–171.
- Медведева Л. М.* Противостояние фальсификации истории Второй мировой войны в современной российской историографии // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2020, № 1, с. 13–19.
- Пироженко В.А.* Фальсификация истории Второй мировой войны и идеология этнического национализма в историческом образовании на Украине // *Вторая мировая и Великая Отечественная войны в учебниках истории стран СНГ и ЕС: проблемы, подходы, интерпретации: материалы международной конференции 8–9 апреля 2010*. М: РИСИ, 2010. с. 240–246.
- Цыкунов Г.А.* Как искажают Великую Победу // *Силовые структуры: история и современность: материалы всероссийской научно- практической конференции 8–9 декабря 2010*. И. : ФГОУ ВПО ВСИ МВД России, 2010. с. 236–238.
- Цыкунов Г.А.* Фальсификация истории великой отечественной войны на Украине // *Научный вестник Байкальского государственного университета экономики и права*. 2015, т. 25, №1, с. 72–79.
- Чернявская В.Е.* Политизация истории как стратегия создания новой государственной идентичности: лингвистический анализ // *Политическая лингвистика*. 2013, № 4, с. 85–90.
- Шукбаров Д.Т.* Фальсификация исторических событий великой отечественной войны в учебниках истории Украины. Правовые аспекты фальсификации // *Современные исследования*. 2018, №5, с. 286–290.

REFERENCES

- Belov S.I.* Metody konstruirovaniya istoricheskikh mifov kak element politiki pamyati (na materialah ukrainских учебников istorii) // *PolitBook*. 2017, № 4, s. 89–103.

- Ukrains'ka povstans'ka armiya: vidpovid' neskorenogo narodu // za red. V.V. V'yatrovicha. K.: UINP, 2019. S. 350
- Gadeev A.V. Istoriosofskij analiz problemy Ukraina vo Vtoroj mirovoj vojne // Kul'tura narodov Prichernomor'ya. 2006, № 82, s. 58–62.
- Ermakov A.M. Konceptiya istorii Vtoroj mirovoj vojny v novom ukrainskom shkol'nom uchebnike // Voprosy otechestvennoj i zarubezhnoj istorii, politologii, sociologii, teologii, obrazovaniya: materialy konferencii «CHteniya Ushinskogo». YA.: YAGPU im. K.D. Ushinskogo, 2012. s. 315–321.
- Reviziya istorii. Rosijs'ka istorichna propaganda ta Ukraïna / za red. V.A. Ermolenko. K. : «Intern'yuz-Ukraïna», 2019. S. 99
- Ionov B.V., Haritonova N.I. Problema fal'sifikacii istorii na postsovetском prostranstve // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 21: Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo). 2013, № 4. s. 110–127.
- Kazakov A.V. Fal'sifikaciya istorii itogov velikoj otechestvennoj vojny kak napravlenie destruktivnogo vozdejstviya na soznanie sovremennoj rossijskoj molodezhi //Vlast'. 2015, t. 23, № 5, s. 8–13.
- Karnishin V. YU. Na perekrestkah nauki i sovremennoj politiki: Velikaya Otechestvennaya vojna v issledovaniyah istorikov Ukrainy // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Po-volzhskij region. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2010, t. 13, № 1, s. 25–31.
- Kurylev K.P., Stanis D.V. Etnokonfessional'naya situaciya na Ukraine kak faktor vnutripoliticheskoj nestabil'nosti // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2014. № 5-3 (43). S. 114-117.
- Martynov A.S. Novejshie nacionalisticheskie fal'sifikacii istorii Velikoj Otechestvennoj vojny na Ukraine // Razvitie politicheskikh institutov i processov: zarubezhnyj i otechestvennyj opyt: Sbornik nauchnyh statej. O.: OmGU im. F.M. Dostoevskogo, 2020. s. 164–171.
- Medvedeva L.M. Protivostoyanie fal'sifikacii istorii Vtoroj mirovoj vojny v sovremennoj rossijskoj istoriografii // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya. 2020, № 1, s. 13–19.
- Pirozhenko V.A. Fal'sifikaciya istorii Vtoroj mirovoj vojny i ideologiya etnicheskogo nacionalizma v istoricheskom obrazovanii na Ukraine // Vtoraya mirovaya i Velikaya Otechestvennaya vojny v uchebnikah istorii stran SNG i ES: problemy, podhody, interpretacii: materialy mezhdunarodnoj konferencii 8–9 aprelya 2010. M: RISI, 2010. s. 240–246.
- Cykunov G.A. Kak iskazhayut Velikuyu Pobedu // Silovye struktury: istoriya i sovremennost': materialy vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii 8–9 dekabrya 2010. I. : FGOU VPO VSI MVD Rossii, 2010. c. 236–238.
- Cykunov G.A. Fal'sifikaciya istorii velikoj otechestvennoj vojny na Ukraine // Nauchnyj vestnik Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava. 2015, t. 25, №1, s. 72–79.
- Chernyavskaya V.E. Politizaciya istorii kak strategiya sozdaniya novoj gosudarstvennoj iden-tichnosti: lingvisticheskij analiz // Politicheskaya lingvistika. 2013, № 4, c. 85–90.
- Shukbarov D.T. Fal'sifikaciya istoricheskikh sobytij velikoj otechestvennoj vojny v uchebnikah istorii Ukrainy. Pravovye aspekty fal'sifikacii // Sovremennye issledovaniya. 2018, №5, c. 286–290.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Братчик Алина Сергеевна, магистр в области международных отношений РУДН.

Alina S. Bratchik, Master of International Relations of RUDN University.

МЯГКАЯ СИЛА

Культура как фактор конфликта и ресурс построения мира

А. М. Тургунбаева

*Кыргызский Национальный Университет им. Ж.Баласагына
Бишкек, Кыргызская Республика*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8823-9179>, e-mail: aigul_t_kg@mail.ru

Аннотация. В статье автор анализирует культуру конфликтующих сторон как фактор конфликта и как ресурс построения мира. Исследование было направлено на выявление факторов, питающих конфликтные отношения, оправданные культурой, а также выявление традиционных норм и практик, способствующих установлению мира и справедливости. Конфликты сопровождают человечество всю его историю. Существует устойчивое мнение, что конфликт – неотъемлемое условие эволюции. Постулат «выживает сильнейший» подразумевает под собой борьбу за выживание, а стало быть – конфликт. В равной мере можно говорить и о том, что человечество выработало и определенные традиции, структуры, процессы, механизмы по разрешению конфликтов, закрепленные в культурах разных народов, иначе на Земле не осталось бы ни одного человека. По мере развития люди стали забывать или игнорировать как архаичные многие из этих традиционных методов разрешения конфликта, заменив их дипломатическими пошаговыми дорожными картами. Однако сегодня миротворческие организации на местах признают, что традиционные подходы могут быть вполне уместными и содержать позитивные элементы, которые можно комбинировать с современными методиками урегулирования конфликта. Анализ данной проблематики приводит к пониманию того, что культура может выступать как фактором конфликта, так и значимым ресурсом построения постконфликтного мира. Как фактор конфликта, культура проявляется в качестве как отрицательного, так и положительного аспекта социальных коммуникаций. Важно прилагать усилия для того, чтобы разнообразие культур больше ценилось и уважалось, чтобы оно помогало при работе по установлению мира.

Ключевые слова: культура, конфликт, традиционная культура, насильственная культура, трансформация конфликта, мирное сосуществование.

Culture as a conflict factor and a resource building the world

Aigul M. Turgunbaeva

Kyrgyz National University named after J. Balasagyn, Bishkek, Kyrgyz Republic

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8823-9179>, e-mail: aigul_t_kg@mail.ru

Abstract. In the article the author analyzes the culture of the conflicting parties as a factor of conflict and as a resource for building peace. The study was aimed at identifying the factors that feed conflict relations, justified by culture, as well as identifying traditional norms and practices that contribute to the establishment of peace and justice. Conflicts accompany humanity throughout its history. There is a strong belief that conflict is an essential condition for evolution. The postulate “the fittest survives” implies a struggle for survival, and therefore a conflict. Equally, we can say that humanity has developed certain traditions, structures, processes, mechanisms for resolving conflicts, enshrined in the cultures of different peoples; otherwise not a single person would remain on Earth. As people evolved, people began to forget or ignore many of these traditional methods of conflict resolution as archaic, replacing them with diplomatic turn-based roadmaps. However, today peacekeeping organizations on the ground recognize that traditional approaches can be quite appropriate and contain positive elements that can be combined with modern methods of conflict resolution. An analysis of this issue leads to the understanding that culture can act as both a factor of conflict and a significant resource for building a post-conflict world. As a factor of conflict, culture manifests itself as both a negative and a positive aspect of social communication. It is important to

make efforts to ensure that cultural diversity is more appreciated and respected, so that it helps in the work of peace.

Keywords: culture, conflict, traditional culture, violent culture, conflict transformation, peaceful coexistence.

Человек не обладает культурой с момента рождения, он обучается культуре на протяжении всей своей жизни в процессе взаимодействия с семьей и обществом. Культура, в свою очередь, также не статична. Она подвержена изменениям с течением времени под влиянием различных внутренних и внешних сил. М. Росс определяет культуру как «обычаи и ценности, характерные для людей, проживающих в определенной местности в определенный период времени. Это – признаваемый всеми коллективный продукт, включающий ряд действий и эталонов, по которым оцениваются действия других» [Ross 1993: 21].

При анализе и работе с конфликтом мы сталкиваемся с ее уникальным свойством – культура может выступать как фактором конфликта, так и ресурсом построения постконфликтного мира. Это обусловлено универсальностью самого понятия конфликта, ведь известно, что «конфликт – одновременно и разрушитель, и созидатель, как потенциально опасное явление и сейчас, и в будущем из-за присущего ему насилия, но и как прекрасная перспектива создать нечто новое» [Galtung 1969: 168]. Анализируя социальный или политический конфликт важно помнить, что культура проявляется как их аспект, зачастую очень значимый и важно не только учитывать это, но и признавать. Социальные науки говорят о том, что культура определяет поступки человека, его взаимодействие с другими людьми, формирует представления и ценностные установки. Важно учитывать и такое понятие как «культурное наследие» каждой из сторон конфликта, особенно если эти стороны принадлежат к разным культурам.

В то же время конфликтология оперирует понятием «культура конфликта». Росс определяет ее как «конфигурацию норм, обычаев и институтов в обществе, которые влияют на то, вокруг каких тем развивается конфликт, с кем люди ссорятся, как споры развиваются и как они чаще всего заканчиваются» [Ross 1993: 183]. Культура кон-

фликта относится к особым культурным нормам и практикам, ассоциируемым в обществе с конфликтом. Она определяет, что люди ценят и по поводу чего они готовы вступить в спор, предлагает определенные способы поведения в конкретных спорных условиях и определяет учреждения, в которых рассматриваются споры [Тургунбаева 2016: 212].

В практической плоскости культура конфликта обязывает всех заинтересованных в его трансформации учитывать тот факт, что эффективность всех предпринимаемых ими мер напрямую зависит от понимания совокупности общественных ценностей, норм, принятых обычаев и общественных институтов каждой из сторон конфликта.

С другой стороны, практика вмешательства нередко ставит под сомнение и даже отвергает те культурные установки, которые могут явиться препятствием в разрешении конфликта или даже быть его причиной. Чаще всего подобный скепсис демонстрируют представители государственных и силовых структур. Например, во время Ошских событий 2010 г. высказывались мнения авторитетных специалистов о неэффективности народной дипломатии при урегулировании данного конфликта¹, однако, жизнь показала, что культурные традиции умиротворения в целях не допустить кровопролития или дальнейшей эскалации конфликта живы в памяти народа. Когда силовые методы подавления не дали ожидаемых результатов, а посредничество официальных лиц оказалось неэффективным, здоровые силы общества по собственной инициативе прибегали к народной дипломатии, организовав встречи аксакалов и старейшин, так как слово старшего ценно в этой культуре. Женщины выходили на баррикады, вставали между противостоящими толпами воинов.

¹ Молдалиев О. Локализовать конфликт на юге Кыргызстана должны не аксакалы, а профессионалы //URL: <https://24.kg/archive/ru/osh/76151-orozbek-moldaliev-lokalizovat-konflikt-na-yuge.html/>

молодчиков, срывали с голов платки и бросали на землю – жест их прабабушек, которых они, возможно, и не видели при жизни¹.

Важно сказать несколько слов и о культуре общения. Формы и стили общения людей формируются культурой. Если у сторон конфликта разное культурное наследие, они будут придерживаться разных представлений о нормах общения. Например, очень важно знать, как в различных культурах принято выражать несогласие. Даже в рамках монокультуры мужчины и женщины, разные социальные группы выражают несогласие по-разному, и в работе с представителями разных культур данный нюанс не должен игнорироваться.

Влияния культуры на конфликт проявляется и в трактовке проблемы соблюдения прав человека, ее преломлении через призму традиционных представлений. Нередко мы сталкиваемся с отрицанием значимости этой проблематики, права человека воспринимаются как надуманный и навязанный Западом дискурс, который чужд традиционной культуре. Сторонники этого подхода утверждают, что права человека не являются универсальными и абсолютными и должны применяться с учетом принятых в традиционной культуре норм и моделей поведения. Особенно остро этот вопрос звучит в тех культурах, где социальные роли мужчин и женщин значительно различаются.

Р. Винсент также отмечает и другой нюанс: «...существует мнение, что права человека являются чем-то вроде полутени империи: сама вещь уже в прошлом, но по-прежнему осуществляется попытка контролировать политические изменения в периферийных обществах с помощью культурного империализма» [Vincent 1991: 24].

Религия и культура часто являются ключевыми компонентами противоборствующих политических движений. Религия, исповедуемая этническим меньшинством, является одним из идеологических оснований

для действий против представителей доминирующей культуры – тех, кто, по мнению меньшинства, стремится подорвать или уничтожить их культуру. Ю. Бангура называет такие политические движения «культуралистическими группами» [Bangura 1995: 16]. То есть, важно понимать, что когда религия ассоциируется с определенной культурой, она может быть важным фактором, касающимся вопросов власти и контроля. Более того, глубоко укоренившиеся установки нетерпимости к другим культурам и религиям могут способствовать эскалации насилия вплоть до геноцида. В то же время религия может позитивно влиять на конфликт, когда люди привержены своим идеалам. Махатма Ганди, Мартин Лютер Кинг, Далай Лама – наиболее выдающиеся фигуры 20 века, всей своей жизнью продемонстрировавшие миру силу веры в милосердие, ненасилие, гуманизм. Есть и другие, менее известные люди и их последователи, которые через веру обрели и несут принципы и ценности толерантности, мирного сосуществования, терпимости.

Культура влияет также и на степень восприятия сторон в конфликте, ведь известно, что «конфликт – это отношения между двумя или более сторонами (людьми и группами), которые имеют, или думают, что имеют несовместимые цели» [Mitchell 1981: 51]. Сегодня данная проблема является «центральной темой современных исследований в различных областях конфликтологической науки, в частности, в психологии конфликта, еще точнее, в том ее направлении, которое посвящено психологическим проблемам международных политических конфликтов и кризисов» [Атанесян 2008: 54]. Как известно, восприятие играет важную роль на всех стадиях конфликта. Каждый из нас воспринимает ситуацию по-своему в силу ряда причин. Восприятие зависит от того, как человек, сформировавшийся под влиянием определенной культуры, смотрит на определенные вопросы, и как это видение влияет на его позицию и его поведение в конфликте. Особенно остро проблема восприятия сторон в конфликте может проявляться в межэтническом конфликте. Российский конфликтолог М. Лебедева отмечает в это связи, что «в конфликт-

¹ Женщины во многих странах, придерживающихся традиционной роли матери, которая во многих культурах относится к сфере частной, домашней жизни, в определенный момент начинают заниматься общественной деятельностью, зачастую стирая при этом политические границы. Это относится к таким группам, как «Матери за мир», «Матери пропавших без вести» или «Комитет солдатских матерей».

ной ситуации стороны предпринимают те или иные действия, выбирают силовые или мирные пути разрешения проблемы, исходя не из наличия неких «объективных» противоречий между ними, а из того, как они видят и оценивают обстановку. Однако сами участники конфликта мало обращают внимания на факт различия восприятия, пытаются доказать правильность именно собственного видения проблемы, его соответствие объективным характеристикам ситуации...объективно цели и интересы сторон могут и не противоречить друг другу, но если они воспринимаются как взаимоисключающие, то это может повлечь за собой конфликт» [Лебедева 1997: 47].

Важность изучения культурного фактора в конфликтных ситуациях и кризисах подчеркивали и выдающиеся западные конфликтологи. Так, Й. Галтунг, анализируя в своих работах некоторые социокультурные факторы формирования межэтнических и межконфессиональных конфликтов, оперирует понятием «культурное насилие» [Галтунг 1995: 37]. Под «культурным насилием» понимается культура, оправдывающая насилие. Причем, говоря «оправдывает», Галтунг не имеет в виду оправдание в традиционном понимании, в данном случае «оправдывает» – значит, признает право на существование [Тургунбаева 2012:69]. Например, одним из самых распространенных на территории СНГ примеров «культурного насилия» является традиционный для многих наших народов обычай кражи невест. Исследуя возможности трансформации конфликта, Дж. Ледерах отмечал культуру как отдельный уровень конфликтных взаимоотношений, и, одновременно – как уровень вмешательства с целью привнесения мирных перемен с помощью механизмов ненасилия. В качестве

задач, стоящих перед работающими с конфликтом, он выделял следующие: изучать и понимать культурные модели, способствующие росту насильственных выражений конфликта; выделять и развивать ресурсы и механизмы внутри системы культуры с целью конструктивной реакции на конфликт [Lederach 1995:67].

Конфликты сопровождают человечество всю его историю. Существует устойчивое мнение, что конфликт – неотъемлемое условие эволюции. Постулат «выживает сильнейший» подразумевает под собой борьбу за выживание, а стало быть – конфликт. В равной мере можно говорить и о том, что человечество выработало и определенные традиции, структуры, процессы, механизмы по разрешению конфликтов, закрепленные в культурах разных народов, иначе на Земле не осталось бы ни одного человека. По мере развития люди стали забывать или игнорировать как архаичные многие из этих традиционных методов разрешения конфликта, заменив их дипломатическими пошаговыми дорожными картами. Однако сегодня миротворческие организации на местах признают, что традиционные подходы могут быть вполне уместными и содержать позитивные элементы, которые можно комбинировать с современными методиками урегулирования / разрешения. Таким образом, важно понимать, что культура может выступать как фактором конфликта, так и значимым ресурсом построения постконфликтного мира. Как фактор конфликта, культура проявляется в качестве как отрицательного, так и положительного аспекта социальных коммуникаций. Очевидно, стоит уделять больше внимания тем нормам и практикам культуры, которые способствуют формированию устойчивого мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Атанесян А.* Актуальные проблемы современных политических и конфликтных коммуникаций. Ереван, 2008.
- Бангура Ю.* В поиске идентичности: этничность, религия и политическое насилие. Специальный выпуск №6. Всемирный саммит по социальному развитию, UNRISD (Исследовательский Институт ООН по вопросам социального развития), 1995.
- Винсент Р. Права человека и глобальная политика / Глобальная политика. Блок V. Открытый университет. Будапешт, 1991.
- Галтунг Й.* Культурное насилие // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения / Институт социологии РАН, Центр конфликтологии. Выпуск 8. М., 1995. С. 34-55.

- Галтунг Й.* Насилие, мир и исследования мира // Журнал исследований мира. 1969. Vol. 6. №3. С. 168-174.
- Ледерах Дж.* Подготовка к миру: трансформация конфликтов в разных культурах. Нью-Йорк, 1995.
- Митчелл К.* Структура международного конфликта. Лондон, 1981.
- Росс М.* Культура конфликта: интерпретации и интересы в сравнительной перспективе и урегулировании конфликта. Издательство Йельского Университета, Нью Хэвен и Лондон, 1993.
- Тургунбаева А.* Культура конфликта // Вестник КНУ. 3 (87). Бишкек, 2016. С. 212-217.
- Тургунбаева А.* Структурное насилие как признак Ошского конфликта // KZ: ZHAS GALYM. № 2. Алматы, 2012. С. 67-73.

REFERENCES

- Atanesyan A.* Actual problems of modern political and conflict communications. Yerevan: YSU Publishing House, 2008.
- Bangura Y.* In Search of Identity: Ethnicity, Religion and Political Violence. Special issue # 6. World Summit on Social Development, UNRISD (United Nations Research Institute for Social Development), 1995.
- Galtung J.* Cultural violence // Social conflicts: expertise, forecasting, resolution technologies. / Institute of Sociology RAS, Center for Conflictology. Issue 8. Moscow, 1995. P. 34-55.
- Galtung J.* Violence, Peace and Peace Research // Journal of Peace Research. 1969. Vol. 6. #3. P. 168-174.
- Lederach J.* Preparing for peace: Conflict transformation across cultures. Syracuse, NY: Syracuse University Press, 1995.
- Mitchell C.* The Structure of International Conflict. London, 1981.
- Ross M.* The Culture of Conflict: Interpretations and Interests in Comparative Perspective and the Management of Conflict, Yale University Press, New Haven & London, 1993.
- Turgunbaeva A.* Structural violence as a sign of the Osh conflict // KZ: ZHAS GALYM. 2. Almaty, 2012. P. 67-73.
- Turgunbaeva A.M.* Culture conflict // Vestnik KNU.3 (87). 2016. S.212-217.
- Vincent R.* Human Rights and Global Politics / Global Politics. Blok V / The Open University. Budapest, 1991.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Тургунбаева Айгуль Мамадалиевна, кандидат исторических наук, доцент факультета международных отношений и востоковедения Кыргызского Национального Университета им. Ж. Баласагына.

Aigul M. Turgunbaeva, PhD in History, Associate Professor of the Faculty of International Relations and Oriental Studies of the J. Balasagyn Kyrgyz National University

Russian language as tool in foreign policy in CIS

Shoaib Khan

Centre for Central Eurasian Studies, University of Mumbai, Mumbai, Republic of India

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5558-4854>, shoaibk_92in@yahoo.com

Abstract: The development of political, economic and cultural relations with the CIS countries is the priority direction of the foreign policy of the Russian Federation. Cultural policy in relation to the CIS countries is the so-called "soft power", which helps to establish a constructive dialogue between countries. Language plays a special role in cultural policy. The Russian language is an instrument of interethnic communication, an integral part of world culture. Language reflects the thinking of the people, their values and worldview. For this purpose, federal target programs "Russian language" are being created. One of the objectives of the program is to support the Russian language as the basis for the development of integration processes in the member states of the Commonwealth of Independent States. In the Foreign Policy Concept of the Russian Federation, one of the stated goals is to spread and strengthen the position of the Russian language in the world. In the field of international humanitarian cooperation and human rights, one of the tasks of foreign policy is to promote the study and dissemination of the Russian language as an integral part of the world culture and an instrument of international and interethnic communication. The development of the Russian language also presupposes purposeful efforts to promote it in the world, to support and expand the Russian-speaking communities in foreign countries, to increase interest in the Russian language and Russian culture in all countries of the world. First of all, in the countries of the CIS and constituting the so-called post-Soviet space. In this article, the author analyzes the role of the Russian language in the CIS space, taking into account the indicated processes and designated tasks. The work uses the methodology of political analysis, structural linguistics and the method of comparative studies.

Keywords: Russia, CIS, Baltics, Central Asia, Language, Soviet Union, Europe.

Русский язык как инструмент внешней политики в СНГ

Шоаиб Хан

Центр евроазиатских исследований, Университет Мумбаи, Мумбаи, Республика Индия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5558-4854>, shoaibk_92in@yahoo.com

Аннотация: Приоритетным направлением внешней политики Российской Федерации является развитие политических, экономических и культурных отношений со странами СНГ. Культурная политика по отношению к странам СНГ является так называемой «мягкой силой», которая помогает наладить конструктивный диалог между странами. Особая роль в культурной политике отводится языку. Русский язык – инструмент межнационального общения, неотъемлемая часть мировой культуры. Язык отражает мышление народа, его ценности и мировоззрение. С этой целью создаются Федеральные целевые программы «Русский язык». Одной из задач программы является поддержка русского языка как основы развития интеграционных процессов в государствах-участниках Содружества Независимых Государств. В Концепции внешней политики РФ одной из заявленных целей является распространение и укрепление позиций русского языка в мире. В области международного гуманитарного сотрудничества и прав человека одна из задач внешней политики – способствовать изучению и распространению русского языка как неотъемлемой части мировой культуры и инструмента международного и межнационального общения. Развитие русского языка предполагает и целенаправленные усилия по его продвижению в мире, по поддержке и расширению русскоязычных сообществ в иностранных государствах, по увеличению интереса к русскому языку и русской культуре во всех странах мира. В первую очередь, в странах, входящих в СНГ и составляющих так называемое постсоветское пространство. В данной статье автор анализирует роль русского языка на пространстве СНГ

с учетом указанных процессов и обозначенных задач. В работе применяется методология политанализа, структурной лингвистики и метод компаративистики.

Ключевые слова: Россия, СНГ, Балтия, Центральная Азия, язык, СССР, Европа.

Since 1995 according to the changes in its foreign policy Russia has started to get more involved in the questions relating to Russian minorities in the ex-Soviet republics. Language policy as pointed out in some studies has been an issue that can be bargained in the bilateral relations between Russia and Central Asian countries.

During the Soviet Era, great attention was paid to the issues pertaining with all round development of Russian language and all other languages of the former republics of U.S.S.R. During this period, more than 40 nationalities which did not had a well-developed written language were helped in formulating scripts for them. All the republics of former U.S.S.R. willingly accepted Russian language for interethnic and international communication and co-operation.

Russian language became a window to the world, but after the disintegration of Soviet Union in 1991 and emergence of the new states, came up the issues of the national languages. Since then, the attitude towards Russian language as means of interethnic and international communication has changed and the importance of national and other foreign languages increased. The titular languages Kazakh, Uzbek, Kirgiz, Tajik and Turkmen were proclaimed the official languages of their respective republics. This was the common trend among the most Soviet republics.

As Per a claim, Russia ceased to support the demands for double citizenship of the Russians in Kazakhstan, after managing to persuade Kazakhstan to give up the idea to launch an international consortium for its spaceport. The Russian language in multilingual Kazakhstan is gradually being replaced and is officially no more only means of international communication and is used only alongside the state language.

The picture in Kyrgyzstan is very different the Russian language here is given the status of the official language and it is reported that the interest in Russian language in Kyrgyzstan has not declined. In Tajikistan, as per the second article of the constitution of the Republic of

Tajikistan, Russian is the language of inter-ethnic communication. The earlier prevailing apathy towards Russian language during the 1990s has changed to positive attitude towards learning Russian language. The Russian-Tajik (Slavic) University is considered one of the best Universities in the country.

In Uzbekistan, Uzbek has been established as the state language and some reforms are proposed about use of Cyrillic scripts and change over to Latin. In Turkmenistan during the last 20 years of the independence, a whole generation of young people has grown, who consider Russian as one of the foreign languages. In schools, along with Turkmen language, students' study two foreign languages – English and Russian. Despite all other considerations, Russian is likely to remain as the common language of the political elites and masses for a longer time [Ozlem 2002].

Belarus located in Eastern Europe and bordering the Russian Federation represents the best-case scenario for the survival of Russian beyond the borders of the Russia proper. An independent state Belarus with its own national language Belarusian commands the same percentage of speakers of Russian as is the case in the Russian Federation though there are certainly fewer native speakers of Russian in Belarus, owing to use of both Belarusian and Trasianka, a Russian-Belarusian interlanguage.

Sharing both linguistic and cultural links to Central Asia, in Azerbaijan the role of Russian is somewhat complex. Officially, most Azerbaijanis claim fluency in Russian and the language remains a tool for business and commerce; however, like Turkmenistan and Uzbekistan, Azerbaijan has opted for the Latin alphabet. This development naturally portends a dissipation of Russian's strength over the long term with Turkish similarity of Azeris. Azerbaijan may be a good barometer for understanding at a time when the Russian has been depoliticized effectively and that how the eventual delinking of Sovietization and the Russian language will affect the Russian language free of its old ideological baggage.

Armenia represents somewhat of a statistical outlier among the non-Slavic, former Soviet republics, which show the strongest correlate between knowledge of Russian and the presence of ethnic republics as some two-thirds of the population speak Russian while less than one percent of the population is ethnic Russian. Due to close political cooperation between Yerevan and Moscow after the independence, strong commercial links, and possibly as the result of so-called civilizational affinities [Huntington 1996], knowledge and everyday use of Russian in the mountainous republic remains high, particularly in business and commerce.

Political developments have directly impacted the status of the Russian language in the past decade in neighboring Georgia. Tbilisi's foreign policy pivot towards the West exacerbated relations with Russia in the aftermath of the 2003 Rose Revolution, ultimately culminating in a summer 2008 war between the two nations.

Since then, the Russian language has suffered in Georgia proper, while its status has been elevated in the country's breakaway republics of South Ossetia and Abkhazia. Both republics have now been recognized as independent states by Moscow and have made Russian the co-official language alongside the local Iranian (Ossetian) and Caucasian (Abkhaz) languages.

The site of an 18 December 2012 conference of Russian linguists, writers, researchers, and educators gathered in the Abkhaz Capital Sukhumi to discuss innovative ways to promote the Russian language in the South Caucasus, particularly using new information and communication technologies.

In neighboring Ukraine, where the geo-linguistic situation of Russian is arguably the most complex, the Russian language remains a political shibboleth, frequently being used a cudgel by both the regionalists in the eastern sector and the Ukrainian nationalists in the west. The education, media and public sector the Ukrainization of which during 1990s somewhat reduced the prevalence of Russian in daily life, but with a large percentage of ethnic Russians in the eastern and southern of the country, particularly Crimea where Russian in certain areas-maintained dominance, which was

part of the Russian Soviet Federative Socialist Republic until the 1950s.

Many Russophones in political atmosphere declare Ukrainian as their native language despite using Russian in everyday life, making accurate statistics about language use rather difficult in collection as estimated by many suggest parity between Russian and Ukrainian in terms of everyday use.

Identity politics stimulated renewed calls for protection of the Russian language in the Donbas Arena and other regions after the Orange Revolution of 2005 which command larger numbers of Russophones, and which is dominated by Russian friendly party.

Formally recognizes the status of languages in regions in the year 2012 a new law was enacted where more than 10 percent of the population speak a language other than the state language, such as Ukrainian. The Status of a regional language of Russian are in 13 out of 27 districts of the country, including the capital Kyiv, the port cities of Odessa and Sevastopol, Crimea, Kharkov and Dnepropetrovsk Regions.

During the interwar period the Baltic States existed as full-fledged nations states only to be annexed by the USSR during World War II, the Russian language was highly politicized, but lacked any state support. Restrictive post-independence citizenship laws in Latvia and Estonia created hundreds of thousands of stateless persons, mostly Russophones, who were required to learn the national language to gain full rights in their respective countries of residence.

In Latvia, Russian language schools have come under intense pressure to reduce Russian-language instruction³³. While legislation was proposed that signage in public areas must be made in the Latvian language only; regardless, Riga and other parts of the country remain areas where Russian can be heard.

The pro-Russophone NGO Native Tongue in its sponsored referendum in 2012, showed overwhelming opposition to making Russian an official language in the Baltic country, with 75 percent voting against the measure with a 69 percent turnout. A strong demographic majority is being enjoyed by indigenous population in Lithuania and Russians and other non-Lithuanians tended to learn the local language in higher numbers than anywhere else in the

Soviet Union. The linguistic policy has not been as draconian, however, the long-term expectations for Russian language use in Lithuania is rather poor.

Despite the challenges for Russian in the Baltic States, one fact is clear as per a recent report by the European Commission: Russian has been introduced to the map of the most spoken languages in Europe.

The keys to success of the Russian language are also held by Economics and commerce in the Newly Independent States. Moscow is treating the former Soviet republics in the post-Soviet era as a priority since unraveling of the USSR. It has started promoting Russian economic expansion in the CIS as an effort both to obtain lucrative assets and to enhance its political influence.

Long-standing communication and transportation networks, and the lingering effects of Soviet-era systems of economic interdependence, due to commercial exchange for centuries, the Newly Independent States are inextricably bound to Russia except for EU members Estonia, Latvia, and Lithuania, a fact which Russian elites understand and attempt to profit from via a common information space.

Preserving the Russian language beyond Russia the most aggressive attempts certainly come from the Russkiy Mir Foundation, described by one scholar as the most concerted effort to date at conceptualizing a notion of 'Russianness' that transcends ethnic bloodlines and geographical boundaries.

While Russkiy Mir's work is closely modeled on pre-existing cultural-linguist outreach efforts employed by Germany's (Goethe-Institut), China's (Confucius Institute), and the UK (British Council), its partner, Rossotrudnichestvo or the Federal Agency for the Affairs of the CIS States, Compatriots Living Abroad, and International Humanitarian Co-operation is a bit different.

Proudly dedicated to integration efforts across the CIS the explicitly political mission is Rossotrudnichestvo, formation of a positive image of Russia abroad, and protecting the linguistic and cultural needs of Russia's 20 million compatriots living outside the country.

Taken together, the activities of Russkiy Mir and Rossotrudnichestvo represent two planks of a worldwide campaign by Russia to

expand its influence through the vehicle of the Russian language, benefits for which undoubtedly from the funding of the Russian government abroad, it is the explicit linkage of the Kremlin's political aspirations that may threaten Russian's ability to shift from the Soviet lingua franca to a true global language.

Education abroad is taken as a part of the foreign policy strategies these days and to promote the country's language and diaspora like Britain, U.S., Canada, Australia, Germany, France and now even China, Russia is not behind. Russia educates some 100,000 foreign students a year and its share on the international marketing terms of foreign students is 5% at most. Russia mostly trains foreign students from China, South Asia, South Korea and the Commonwealth of Independent States (CIS).

In studying the Russian language abroad there have been changes in the interest positively. The number of Russian language students in China has increased and as per one report about half a million Chinese speaks Russian. The preparatory Russian language courses for foreigners who do not speak Russian but plan to study there have been prepared by Russian Universities. After entering Universities, they continue studying the language at special departments.

Russian is taught as a foreign language to foreign humanities and science students in the special departments of Moscow State University. They issue specialized literature and recommend attending daily lessons on different aspects of the Russian language. Most students there are Koreans, Chinese, South Asians, Japanese and Arabs, although some are Europeans and Americans. Moscow State University also has summer language courses for those who would like to study Russian for travelling around the country.

Russia has youth exchange program with 30 countries, including the United States, Germany, Finland, Estonia, Belgium, South Korea and India. They are monitored by the Russian Ministry of Education and Science and include language exchanges, joint leisure pursuits and friendly ties, as well as exchange of specialists.

The Russian Council on Academic Mobility (RCAM) also facilitates international exchange of students, teachers, ideas and educational experience. The Council is voluntary as-

sociation of Russian Universities and other educational establishments modelled after the British Council, the German Academic Exchange Program DAAD, EduFrance and other transnational educational organizations [Sobolevskaya 2006].

Conclusion

The democratic processes started with the Perestroika in the former Soviet Union highlighted the drawbacks in the national policy of the country, which had been neglected before. Among them were issues concerned with national identity development and maintenance of minority languages. Most minority languages were in the process of extinction or endangered. The strive to revive a sense of national self-identity as well as endangered languages created a feeling of urgency, sometimes leading titular nations to make radical decisions to protect their languages and identity.

The former Soviet republics started one by one to adopt language laws that proclaimed the languages of titular nations the state languages. Many politicians and sociolinguists believe the nationalist and linguistic issues, along with others, became the key stones in the breakup of the USSR and in some cases the language decrees and laws were direct causes of the armed conflicts, for example in Moldova.

The language reforms started in the Soviet republics in 1989 has made Russia oversee the linguistic situation and adopt the relevant decrees. Russia was the last to adopt the law on languages as per all the other republics of the former Soviet Union.

Russian is used during the sessions of the House of the State Assembly, different conferences, meetings, lectures. The texts of laws of the Republic Sakha-Yakutia and other legal documents are published in the state languages. The state languages are used in the activities of the administrative authorities, local government bodies, enterprises, offices and organizations including texts of forms, stamps, seals, sign boards, official papers such as passports, certificates of birth and marriage etc.

Languages are highly viable and extremely flexible systems, but they should be protected and promoted to effect revival and reversal. Most of minority languages in Russia find themselves in the dangerous situation, that is why they need state protection and support.

The four aspects of language management—nativization, linguistic assimilation, de-russification, and bilingual education—in the multilingual territory first occupied by the Russian Empire, then by the USSR, and then by the successor states. The rationale for this diachronic approach is twofold.

The three settings are interrelated: post-Soviet developments cannot be fully understood outside their historic context, just as the full impact of Soviet language policies can only be established through the post-Soviet lens. In addition, sociolinguists generally lack familiarity with Russian and Soviet language management.

Nowadays the problems regarding the role, place and status of the Russian language, other languages of the people of Russia as within the country and within the world community, are essential.

For modern Russia, the problems regarding the role, place and status of the Russian language and other languages of Russian Federation both in the country and in the international community are urgent and very important in the context of the prospects of the Russian state and society.

The status of the Russian language has received an important official confirmation at both global and federal Russian levels. It should be emphasized that in the post-Soviet area the Russian language has appeared to be in an ambiguous situation. By historical inertia, it is still playing the role of the language of international communication. But depending on the changes in internal political situation, laws, adjustments, and other regulations of the former Soviet republics the status of the Russian language in these areas may change. In general, the language policy of the post-Soviet countries is significantly different.

The language policy of the modern Russia needs serious efforts in the field of language planning. Language policy and language planning in a multi-ethnic state serve as a meaningful tool for conservation and, at the same time, the development of the country. Neglecting of this tool is very dangerous, and its effective application is a crucial point to create an additional margin of safety, that is especially important during the modernizing reforms.

In the field of international relations language policies are rarely studied. On the other hand, studies on language policies have not systematically considered the international dimension but have merely focused on either language behaviours of individuals or on the political structure effecting language behaviours in one country.

The relation between language and politics can be analysed in two broad ways depending on how politics is defined. If politics is defined in broad terms as an influence on another one's action and if it is related to power, authority, and legitimacy, then the relation between language and politics is intrinsic. From this perspective, language and politics are inseparable from each other.

REFERENCES

- Eraydin Ozlem*, Virtanen Adnan Menderes, Language Policy and International Relations, World Congress on Language Policies, Barcelona, 16-20 April 2002.
- Samuel Huntington*, (1996) The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order
- Sobolevskaya O.*, Education for Export RIA Novosti commentator, The New Theme on Russian – Indian Affairs, January – February 2006.
- Kurylev K.P., Morozova E.R.* Russkij yazyk kak sredstvo mezhkul'turnogo dialoga v Respublike Kazahstan // Aktual'nye problemy mezhdunarodnyh otnoshenij i global'nogo razvitiya: sb. nauch. st. – Vyp. 7. – Minsk, 2019. – S. 24–34
- Kurylev K.P., Smolik N.G., Himich G.A.* Problemy i perspektivy prodvizheniya russkogo yazyka v gosudarstvah Central'noj Azii v kontekste razvitiya kul'turno-gumanitarnogo sotrudnichestva Rossii so stranami regiona // Kazachestvo. 2020. № 47 (5). S. 44-52.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Курылев К.П., Морозова Е.Р.* Русский язык как средство межкультурного диалога в Республике Казахстан // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития: сб. науч. ст. – Вып. 7. – Минск, 2019. – С. 24–34
- Курылев К.П., Смолик Н.Г., Химич Г.А.* Проблемы и перспективы продвижения русского языка в государствах Центральной Азии в контексте развития культурно-гуманитарного сотрудничества России со странами региона // Казачество. 2020. № 47 (5). С. 44-52.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shoab Khan – Centre for Central Eurasian Studies, University of Mumbai, President, ALFAAZ Education and Cultural Society, Mumbai, Lecturer, Mahim Social Workers' College, Mumbai.

Сведения об авторе: Шоаб Хан, Центр евроазиатских исследований Университета Мумбаи, Президент, Общество образования и культуры ALFAAZ, Мумбаи, лектор, Колледж социальных работников Махима, Мумбаи.

Влияние политики «мягкой силы» на укрепление роли КНР в государствах Центральной Азии

Г. Р. Габриелян

МГУ им. М. В. Ломоносова

e-mail: grigo3232@mail.ru

Аннотация: С момента распада СССР Центральноазиатский регион стал рассматриваться не только в качестве региона, который располагал серьезными запасами углеводородов, но также как и перспективный рынок для сбыта продукции. Выгодное расположение и транзитный потенциал государств Центральной Азии обуславливает необходимость того, чтобы продвигать собственные интересы в этом регионе. В статье анализируются инструменты и основные направления реализации Китаем стратегии мягкой силы в Центральной Азии в рамках усиления его политических и экономических позиций в данном регионе. В последнее время КНР активно использует различные механизмы мягкой силы для создания привлекательного образа и дальнейшего углубления сотрудничества со странами тех или иных регионов, в частности с государствами Центральноазиатского региона. Статья рассматривает инвестиционную деятельность КНР и продвижение образовательных и культурных проектов, как наиболее эффективные инструменты, позволяющие Пекину закрепиться в регионе. Активная деятельность Китая в рамках реализации стратегии мягкой силы в Центральноазиатском регионе является свидетельством тому, что Пекин всерьёз заинтересован в том, чтобы надолго и прочно закрепить свое место в регионе. В данной статье также подчеркивается, что государства Центральной Азии, являясь реципиентами мягкой силы Китая и получая финансовую помощь в виде инвестиций, становятся зависимыми от политики, проводимой КНР. К тому же особое внимание уделяется распространению антикитайских настроений в центральноазиатских государствах, что ведёт к ухудшению эффективности реализуемых механизмов проецирования мягкой силы.

Ключевые слова: Китай, Центральная Азия, мягкая сила, геополитика, инвестиции, образование.

The impact of the policy of "Soft Power" on strengthening the role of the PRC in the states of Central Asia

Grisha R. Gabrielian

Lomonosov Moscow State University

e-mail: grigo3232@mail.ru

Abstract: Since the collapse of the USSR, the Central Asian region has come to be seen not only as a region with significant reserves of hydrocarbons, but also as a promising market for product sales. The favorable geographical location of the region and the transit potential of the Central Asian states necessitate the promotion of their own interests in this region. The article analyzes the instruments and main directions of China's implementation of the soft power strategy in Central Asia within the framework of strengthening its political and economic positions in this region. Recently, the PRC has been actively using various mechanisms of soft power to create an attractive image and further deepen cooperation with the countries of certain regions, with the states of the Central Asian region. The article considers the investment activity of the PRC and the promotion of educational and cultural projects as the most effective tools that allow Beijing to gain a foothold in the region. This article also emphasizes that the Central Asian states, being recipients of China's soft power and receiving financial assistance in the form of investments, become dependent on the policies pursued by the PRC. In addition, special attention is paid to the spread of anti-Chinese sentiments in the Central Asian states, which leads to a deterioration in the effectiveness of the implemented mechanisms of projection of soft power.

Key words: China, Central Asia, soft power, geopolitics, investments, education.

Концепция «мягкой силы».

В современных реалиях международных отношений мягкая сила превратилась в один из самых эффективных инструментов реализации внешнеполитических задач. Важно отметить, что применение концепции мягкой силы во внешней политике является необходимым условием для достижения лидирующих позиций на мировой арене.

Термин «мягкая сила» был введен в научный оборот политологом из США Джозефом Наем. Он впервые использовал данный термин в своей работе «Призвание к лидерству: меняющаяся природа американской власти» («Bound to Lead: The Changing Nature of American Power»), опубликованной в 1990 г. Най описал мягкую силу, как способность достигать желаемого на основе добровольного участия, симпатии и привлекательности, а не посредством принуждения или использования военной силы. Если государство при использовании традиционной жесткой силы опирается на экономический потенциал и военную мощь, то основными источниками мягкой силы являются культура страны, её политические ценности и идеология.

Особенности использования «мягкой силы» в Центральной Азии.

На сегодняшний день Центральноазиатский регион вызывает серьёзный ажиотаж среди региональных и нерегинальных игроков, что, разумеется, связано с двумя важнейшими факторами: богатые запасы нефти и газа и стратегически важное географическое положение региона.

Подобный интерес базируется в основном на экономической составляющей. Невзирая на то, что действительные объемы запасов углеводородов на территории стран региона не известны, уже сейчас государства Центральной Азии конкурируют между собой за возможность стать реципиентом иностранных инвестиций.

С момента распада СССР Центральноазиатский регион стал рассматриваться не только как регион, который располагал серьёзными запасами углеводородов, но также как и рынок сбыта продукции. Выгодное геостратегическое положение региона и транзитный потенциал государств Центральной Азии обуславливает необходимость того,

чтобы продвигать собственные интересы разных международных акторов в этом регионе.

С точки зрения анализа реализации концепции мягкой силы Центральная Азия является достаточно сложным регионом, так как здесь пересекаются интересы многих крупных держав, которые активно используют различные механизмы для укрепления своей геополитической роли в регионе.

Важно понимать, что регион Центральной Азии состоит из государств, ранее входивших в состав СССР, что в значительной степени определяет место и роль России в регионе. Например, в регионе проживает большое количество российских соотечественников и сохраняется русский язык. К тому же центральноазиатские государства входят в состав СНГ и активно участвуют в развитии интеграционных процессов. В результате, необходимо подчеркнуть, что Центральная Азия остаётся стратегически важным регионом и для России.

Одновременно данный регион привлекателен и для других крупных акторов международных отношений, которые стремятся укрепиться в Центральной Азии.

Несмотря на выгодное географическое положение и наличие углеводородов, следует помнить о том, что Центральноазиатский регион характеризуется наличием внутривнутриполитических проблем, межэтническими конфликтами, наркоторговлей. К тому же регион граничит с таким нестабильным государством, как Афганистан, который может оказать дестабилизирующее влияние на страны Центральной Азии. Все эти факторы указывают на то, что регион, несмотря на свою привлекательность, является достаточно закрытым с точки зрения использования традиционных механизмов реализации мягкой силы.

Реализация Китаем концепции «мягкой силы» в Центральной Азии.

Активный экономический рост КНР является детерминантой для расширения доступа к энергетическим ресурсам Центральной Азии. Пекин рассматривает данный регион не только в качестве источника импорта углеводородов, но также как и рынок для

сбыта товаров китайского производства и транзитный коридор,

открывающий пути доставки продукции из Китая в Европу. Исходя из вышеперечисленных факторов, можно отметить, что Центральная Азия является важнейшим геополитическим регионом для многих международных акторов, что создает серьезную конкуренцию в удержании влияния в странах региона.

Расширение политического и экономического влияния Китая в Центральноазиатском регионе может привести к росту синафобии, что создает препятствия для достижения КНР своих геополитических целей. Китайское правительство, стремясь избежать роста антикитайских настроений в странах Центральной Азии, активизирует культурно-гуманитарное взаимодействие со странами региона с целью создания благоприятного имиджа своей страны. Интерес Китая к Центральноазиатскому региону можно проследить также по числу официальных визитов китайских представителей власти в страны региона. Так, например с 2000 г. по 2017 г. общее число официальных визитов различных делегаций из КНР в страны Центральной Азии и делегаций из стран региона в Китай составило 722¹.

В использовании Китаем мягкой силы выделяется три основных направления.

Первым из них является политика безопасности, которая направлена на предотвращение обострения международной обстановки. В соответствии с данным направлением внешней политики Китай пытается соблюдать нейтралитет по отношению к военным конфликтам, не затрагивающим напрямую его территориальные и геополитические интересы, как в случае с Тайванем или спорными территориями в Южно-Китайском море.

Второй вектор реализации мягкой силы в китайской внешней политике – это активное содействие в экономической и социальной области, здравоохранении, образовании и гуманитарной сфере. В отличие от стран Запада, Китай при оказании помощи не

демонстрирует открыто политические и идеологические мотивы своих действий.

При изучении сотрудничества стран Центральной Азии и КНР необходимо учитывать тот факт, что экономический потенциал стран региона весьма ограничен, несмотря на значительные запасы природных ресурсов. Китай активно использует этот фактор для того, чтобы добиться своих геополитических целей в регионе и расположения местных обществ. С этой целью Пекин прежде всего применяет экономические средства, финансируя различные промышленные, инфраструктурные и социальные проекты.

Ярким примером такого проекта можно назвать строительство железной дороги Китай – Кыргызстан – Узбекистан или газопровод Туркменистан – Узбекистан – Казахстан – Китай.

Другой наглядный пример – строительство Зеравшанской ГЭС на границе Узбекистана и Таджикистана. Этот пример демонстрирует готовность Китая не просто использовать инвестиции для достижения своих целей, но и учитывать особенности региональной политики и отношения государства региона. Так, Китай изначально планировал участвовать в проекте строительства ГЭС, но в дальнейшем обнаружилось, что реализация этого проекта сопряжена с противоречием между Таджикистаном и Узбекистаном, и китайская сторона приняла решение отказаться от данного проекта, чтобы не провоцировать углубление конфликта. При этом Китай вышел не просто так, а предложил Душанбе в качестве компенсации помощь в осуществлении других важных проектов.

Необходимо отметить, что китайские инвестиции все глубже проникают в экономическую систему государств Центральной Азии, особенно в таких стратегически важных сферах, как разработка нефтегазовых месторождений, добыча урана и руд цветных металлов, коммуникации, транспорт и энергетика. Общее число китайских компаний, функционирующих в регионе, достигает нескольких сотен, а предприятия

¹ Silk Road Diplomacy: Deconstructing Beijing's toolkit to influence South and Central Asia / Samantha Custer, Tanya Sethi, Jonathan A. Solis, Joyce Jiahui Lin, Siddhartha Ghose, Anubhav Gupta, Rodney Knight, Austin

Baehr. December 2019 / A Research Lab at William & Mary AidData; China Power Project CSIS; Asia Policy Society Institute //

центральноазиатских государств практически не имеют выхода на китайский рынок.

К третьему направлению можно отнести культурное взаимодействие, которое призвано продемонстрировать всему миру современные достижения КНР.

В данной сфере Китай проявляет серьезную заинтересованность и продвигает различные проекты, особенно в последние годы. Например, КНР открывает по всему миру так называемые Институты Конфуция, курируемые учрежденным в 1987 г. ведомством Ханьбань, деятельность которого направлена на продвижение китайского языка за рубежом. Открытие первого Института Конфуция состоялось в 2004 г. в Южной Корее.

В соответствии с данными агентства Синьхуа, на 2017 г. в мире было открыто уже 516 институтов в 142 странах и регионах мира, а общее число слушателей достигло 7 млн человек.

Миссия Институтов Конфуция заключается в способствовании росту понимания китайского менталитета и культуры в мире, развитии дружеских взаимоотношений Китая с другими странами. Кроме того, можно выделить следующие задачи, реализуемые ИК:

- организация курсов по изучению китайского языка и культуры;
- организация научных мероприятий, посвященных КНР;
- проведение квалификационного теста по китайскому языку (HSK);
- студенческие и преподавательские стажировки в Китай

В Центральной Азии открыто более десяти Институтов Конфуция, которые активно функционируют.

Примером активной деятельности Китая по открытию институтов Конфуция в Центральной Азии является реализуемая Пекином политика в Казахстане. В феврале 2009 г. был открыт Институт Конфуция при Казахском национальном университете имени Аль-Фараби при содействии Ланьчжоуского университета (Китай)². Открытие первых двух институтов Конфуция в Казахстане

состоялось в Астане и Алматы. Впоследствии было открыто еще одно учебное заведение на базе Актюбинского государственного педагогического института.

Так, в декабре 2014 г. был открыт Институт Конфуция в Самарканде на базе Самаркандского государственного института иностранных языков. В августе 2015 г. Институт Конфуция также открылся в Горнометаллургическом институте в городе Чкаловск Согдийской области Таджикистана, в феврале 2017 г. – подписаны документы об организации трех классов Конфуция на базе учебных заведений Ошской области Кыргызстана – Ошского технологического университета, Ошского гуманитарного педагогического института, а также лицея «Билим» при Ошском государственном университете. Кроме того, в сентябре 2017 г. была открыта кыргызско-китайская школа-гимназия №95, строительство которой было профинансировано Китаем. Строительство данного учебного заведения было за счёт грантовых средств Китая на сумму 78 млн сомов (почти 920 тыс. долл.).

Роль Института Конфуция, как действительно эффективного инструмента проецирования мягкой силы, демонстрирует тот факт, что в Казахстане, например, в ИК обучаются 14 тыс. студентов, а в старейшем в регионе Институте Конфуция при Ташкентском государственном институте востоковедения каждый год проходит обучения около 1500 учащихся.

В последние годы в Центральной Азии вырос интерес к изучению китайского языка, который уже является вторым по популярности среди иностранных языков. На фоне роста изучения китайского языка в центральноазиатских странах постепенно уменьшается число русскоязычных носителей, что приводит к снижению статуса русского языка.

К тому же с недавних пор повысился и углубился уровень сотрудничества между странами Центральной Азии и Китайской Народной Республикой. Подписание различных соглашений о сотрудничестве в сфере образования и культуры между двумя

² Институт Конфуция при Казахском национальном университете им. Аль-Фараби [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kaznu.kz.ru/14355>

сторонами создало прочный фундамент для развития двусторонних связей КНР и центральноазиатских стран. На сегодняшний день большое количество студентов из стран региона проходит обучение в ВУЗах Китая, получая образовательные стипендии от китайского правительства, Института Конфуция или стипендий от городов и провинций.

Находясь на языковой стажировке в Китае или получая высшее образование в китайских ВУЗах, студенты обучаются китайскому языку, культуре, истории, а самые выдающиеся выпускники получают возможность продолжить обучение. Студенты в процессе занятий через полученные знания становятся более лояльными к Китаю и начинают испытывать симпатию к государству.

Так по данным Министерства образования Китайской Народной Республики на 2017 г., численность студентов из Казахстана в Китае достигла 13,2 тыс. узбекских около 5 тыс. студентов; около 11 тысяч человек из Кыргызстана; численность таджикских студентов в Китае составляет 2-3 тыс. человек. Часть этих студентов обучается за государственный счёт в рамках стипендиальных программ КНР. Так, за 2010-2018 гг. студентам из Центральноазиатского региона было выдано более 5 тысяч стипендиальных грантов на обучение.

Несмотря на активное сотрудничество Китайской Народной Республики с центральноазиатскими странами и роль КНР в ускорении развития этого региона, следует рассмотреть и негативную сторону данного взаимодействия – растущие антикитайские настроения в обществах государств региона

Особенно активно распространяются антикитайские настроения в Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане, которые имеют общую границу с КНР. Так, например в марте 2016 г. в Казахстане прошла волна антикитайских митингов, направленных против внесения изменений в земельный кодекс. В нескольких казахских городах граждане вышли на протест с требованием об отказе от предоставления земли в аренду иностранцам. Основная проблема заключалась в том, что в соответствии с изменениями в Земельный кодекс, подписанный еще в ноябре 2015 г., иностранцы получили бы право на аренду земли сроком на 25 лет, хотя раньше этот срок

составлял 10 лет. Митингующие опасались того, что огромные территории Казахстана будут переданы в аренду Китаю на такой

длительный срок, что углубляло китайскую экспансию в этом государстве. Данные акции протестов привели к тому, Н. Назарбаев наложил мораторий на внесение изменений в отдельные пункты кодекса до 2021 г.

Рассматривая активную инвестиционную деятельность Китая, которая также является частью мягкой силы, можно отметить, что такие страны, как Таджикистан и Киргизия рискуют стать зависимыми от КНР. Так, Бишкек получил от Китая 45% всех внешних займов, что составляет около 1,7 млрд. долл. Душанбе – 1,016 млрд. долл., составляет 52% всех внешних займов. Долги обоих государств перед Китайской Народной Республикой составляют более 20% от их ВВП. В других странах Центральноазиатского региона ситуация с задолженностью перед Китаем обстоит лучше: долг Туркмении составляет 16,9% от её ВВП, Узбекистан – 16%, а Казахстан должен Пекину всего 6,5%.

В Таджикистане проблема, вызванная активной ролью Китая в развитии экономики страны, заключается в том, что растет финансово-экономическая зависимость Душанбе от Пекина. Так, к концу 2016 г. инвестиции КНР в экономику Таджикистана составили 1,016 млрд. долл. Такой объем долга делает Таджикистан зависимым от КНР и усиливает антикитайские настроения. Люди опасаются того, что Пекин потребует выплаты денежных средств и в случае, если Таджикистан не будет в состоянии погасить задолженность, китайская сторона может потребовать землю в качестве компенсации долга. Так, например в январе 2011 г. Душанбе передал Пекину 1,1 тыс. кв. км спорных территорий на Памире.

Ярким результатом инвестиционной политики Китая в Таджикистане и отсутствия у Душанбе возможности обслуживать свои кредиты стала ситуация, когда китайской корпорации ТВЕА было дано право на добычу золота из рудников «Восточный Дуоба» и «Верхний Кумарг» до тех пор, пока не будут возвращены потраченные в 2016 г. на строительство ТЭЦ «Душанбе-2» 331,5 млн долл., которые были получены от

Экспортно-импортного банка Китая (进出口银行).

Исходя из вышеперечисленных факторов, можно отметить, что эффективность реализации КНР концепции мягкой силы Центральной Азии ограничена распространением негативных стереотипов и антикитайских настроений, которые не позволяют в полной мере использовать инструменты для укрепления Китая в Центральноазиатском регионе.

Заключение.

Несмотря на усиление влияния китайской мягкой силы в Центральной Азии в последние годы, на данный момент оно остается ограниченным, особенно по сравнению с влиянием России и Запада. Однако роль русского языка и культуры в регионе снижается, и значительная часть молодого высокообразованного класса, который сформирует будущие политические элиты, училась либо на Западе, либо в Китае. Китай, вероятно, увеличит культурное и образовательное участие в регионе в ближайшие годы и построение дружеских отношений с местной политической элитой. Однако для государств Центральной Азии возможность балансирования между Востоком, Севером и Западом остается предварительным условием для того, чтобы не становиться клиентами какой-либо одной державы.

Проанализировав инструменты реализации Китаем стратегии мягкой силы в Центральной Азии, можно сделать вывод, что продвижение позитивного образа Китая в политической и культурной плоскостях сталкивается с определенными психологическими и стереотипными барьерами, которые имеют глубокие исторические корни и опыт граждан стран, взаимодействующих с Пекином в различных областях. Однако постепенное и последовательное использование КНР различных инструментов мягкой силы в Центральноазиатском регионе позволяет Китаю

достичь своей окончательной цели – закрепления своей роли во внутренних процессах, происходящих в регионе и расширения ресурсной базы для своей диверсифицируемой экономики.

Нельзя не отметить, что в последние годы наблюдается активная экспансия КНР в Центральной Азии, которая характеризуется своей комплексностью и долгосрочностью. Открывающиеся китайские центры в перспективе могут стать фундаментом для обеспечения беспрепятственного проникновения китайской экономической мощи в регион Центральной Азии, что приведёт к «привязке» региона к Китаю через сеть экономических и культурных связей.

Активная деятельность Китая в рамках реализации стратегии мягкой силы в Центральноазиатском регионе является свидетельством тому, что Пекин всерьёз заинтересован в том, чтобы надолго и прочно закрепить свое место в регионе. В этой связи положение стран Центральной Азии является достаточно уязвимым, так как, соседствуя с КНР, обладают меньшими экономическими ресурсами. Этот фактор может негативно повлиять на страны региона, несмотря на все имеющиеся преимущества. С одной стороны, растущие инвестиционные потоки, поступающие из Китая, могут положительно повлиять на рост экономики в регионе, но с другой стороны, китайское правительство в первую очередь стремится к реализации тех проектов, которые соответствуют экономическим интересам Пекина, а не местных предпринимателей.

Таким образом, желание Китая идти на активное экономическое взаимодействие, готовность вкладывать внушительные суммы денег в реализацию нужных странам Центральной Азии проектов постепенно подталкивают элиты стран региона ко все более тесному взаимодействию с большим соседом. И перспективы такого сотрудничества весьма серьезные.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Nye J.* Bound to Lead: The Changing Nature of American Power/ Basic Books – 307 p.
Silk Road Diplomacy: Deconstructing Beijing’s toolkit to influence South and Central Asia / Samantha Custer, Tanya Sethi, Jonathan A. Solis, Joyce Jiahui Lin, Siddhartha Ghose, Anubhav Gupta, Rodney Knight, Austin Baehr. December 2019 / A Research Lab at William & Mary AidData; China Power Project CSIS; Asia Policy Society Institute //

- Глинкина С.П.* Китайская стратегия освоения постсоветского пространства и судьба Евразийского союза: Доклад/Глинкина С.П., Тураева М.О., Яковлев А.А./ М.: Институт экономики РАН, 2016. – 59 с.
- Денисов И.* Шелковая безопасность: новая китайская концепция развития и правила игры в Евразии // Индекс безопасности, 2015. Т. 21. № 3 (114). С. 51–60.
- Захаров А.Н.* Стратегия энергетической безопасности КНР –внешнеторговый аспект/ Захаров А. Н., Русак Н. А.// Российский внешнеэкономический вестник. – 2017. - №10. – С. 25-30
- Кухаренко, Н.В., Кухаренко, С.В.* Институты Конфуция как инструмент политики «мягкой силы» КНР/ Н.В. Кухаренко, С.В. Кухаренко// Современный Китай и его окружение. - М.: КРАСАНД, 2015. - С. 295-337.
- Страны СНГ и Балтии в глобальной политике Китая. М.: РИСИ, 2013. 166 с.
- Чуфрин Г.И.* Инвестиционное наступление Китая в Центральную //Экономическое обозрение// - № 4, 2012. – С.54-68.

REFERENCES

- Nye J.* Bound to Lead: The Changing Nature of American Power/ Basic Books – 307 p.
- Silk Road Diplomacy: Deconstructing Beijing’s toolkit to influence South and Central Asia / Samantha Custer, Tanya Sethi, Jonathan A. Solis, Joyce Jiahui Lin, Siddhartha Ghose, Anubhav Gupta, Rodney Knight, Austin Baehr. December 2019 / A Research Lab at William & Mary AidData; China Power Project CSIS; Asia Policy Society Institute //
- Glinkina S.P.* Kitajskaya strategiya osvoeniya postsovetского prostranstva i sud'ba Evrazijskogo soyuza: Doklad/Glinkina S.P., Turaeva M.O., YAKovlev A.A./ М.: Institut ekonomiki RAN, 2016. – 59 s.
- Denisov I.* 2015. Shelkovaya bezopasnost': novaya kitajskaya koncepciya razvitiya i pravila igry v Evrazii // Indeks bezopasnosti. T. 21. № 3 (114). S. 51–60.
- Zaharov A. N.* Strategiya energeticheskoy bezopasnosti KNR –vнешnetorgovyy aspekt/ Zaharov A. N., Rusak N. A.// Rossijskij vneshneekonomicheskij vestnik. – 2017. - №10. – S. 25-30
- Kuharenko, N.V., Kuharenko, S.V.* Instituty Konfuciya kak instrument politiki «myagkoj sily» KNR/ N.V. Kuharenko, S.V. Kuharenko// Sovremennyy Kitaj i ego okruzhenie. - М.: KRASAND, 2015. - С. 295-337.
- Strany SNG i Baltii v global'noj politike Kitaya. М.: RISI, 2013. 166 s.
- Chufrin G.I.* Investicionnoe nastuplenie Kitaya v Central'nyuyu //Ekonomicheskoe obozrenie// - № 4, 2012. – S.54-68.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Габриелян Гриша Робертович – магистр в области международных отношений факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова.

Grisha R. Gabrielian – Master in International Relations of the Faculty of world politics of Lomonosov Moscow State University.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Социально-экономические аспекты сотрудничества Вишеградской группы на Евразийском пространстве

А. А. Хотивришвили

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4398-3484>, khotivrishvili-a@rudn.ru

Аннотация: Вишеградская группа в первую очередь является политическим объединением. В сфере экономики приоритет остается за внешними связями, а развитие взаимодействия между странами-участницами находится на втором плане. По некоторым оценкам, хозяйственные отношения в рамках «четверки» слабы, более того, нет признаков их укрепления, так как основное внимание Вишеградская группа уделяет политическому, а не экономическому сотрудничеству. Тем не менее оно оказывает определенное влияние на другие сферы взаимного интереса. В силу своей неинституционализированности Вишеградская группа обладает нешироким инструментарием совместной политики. Тем не менее она смогла наработать успешные практики развития взаимоотношений стран-участниц, охватывающие многие социальные, политические, экономические вопросы. Понимая пределы внутригрупповых связей, прежде всего экономических, страны-участницы заинтересованы в сотрудничестве с другими партнерами. Однако это не является препятствием для совместных инициатив. В рамках данного исследования автор изучает двусторонние и институциональные контакты между государствами Вишеградской группы и странами постсоветского пространства. Автор использовал методологию исторической, политической и экономической наук: метод исторического анализа, политанализа и экономической компаративистики.

Ключевые слова: Вишеград, экономика, политика, сотрудничество, Центральная Азия, ЕС.

Social and economic aspects of cooperation of the Visegrad group in the Eurasian space

Anna A. Khotivrishvili

RUDN University, Moscow Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4398-3484>, khotivrishvili-a@rudn.ru

Abstract: The Visegrad group is primarily a political association. In the economic sphere, the priority remains with external relations, and the development of interaction between the participating countries is in the background. According to some estimates, economic relations within the Quartet are weak; moreover, there are no signs of their strengthening, since the Visegrad Group focuses on political rather than economic cooperation. Nevertheless, it has some influence on other areas of mutual interest. Due to its non-institutionalization, the Visegrad Group has a limited range of joint policy instruments. Nevertheless, she was able to develop successful practices in the development of relations between the participating countries, covering many social, political and economic issues. Understanding the limits of intra-group ties, primarily economic, the participating countries are interested in cooperation with other partners. However, this is not an obstacle to joint initiatives. Within the framework of this study, the author studies bilateral and institutional contacts between the states of the Visegrad Group and the countries of the post-Soviet space. The author used the methodology of historical, political and economic sciences: the method of historical analysis, political analysis and economic comparative studies.

Key words: Visegrad, economics, politics, cooperation, Central Asia, EU.

Политические и экономические связи между Вишеградом и центрально-азиатскими государствами Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном, Туркменистаном и Узбекистаном были установлены еще до обретения независимости как одними, так и другими. Однако их развитие не имело значительного прогресса. После 1991 г. и падения коммунистического блока, они и вовсе сократились до минимума. Это объясняется, прежде всего тем, что страны Вишеграда стали кандидатами на вступление в ЕС и НАТО. Они отдавали приоритет процессу присоединения, поэтому задача восстановления политических связей с Центральной Азией была сведена к минимуму.

В то время как крупные компании в основных странах ЕС предпринимали успешные усилия по увеличению инвестиций и расширению торговли со странами Центральной Азии (особенно в энергетическом, транспортном, машиностроительном и строительном секторах), странам Вишеграда удалось восстановить свои экономические связи с Центральной Азией гораздо медленнее, поскольку им не хватало экономического влияния: они не могли предложить крупномасштабные кредиты, инвестиции и технологии. Кроме того, ЕС смог оказать лишь весьма ограниченную практическую помощь в становлении экономической независимости стран Центральной Азии и в решении сложной задачи политического и экономического перехода. Страны Вишеграда сами столкнулись с социальными и экономическими проблемами в ходе своего переходного процесса и в то время были не в состоянии на инвестиционную политику.

Основной целью ЕС была поддержка инвестиций в энергетические секторы Казахстана, Туркменистана и Узбекистана крупными нефтяными компаниями и обеспечение энергетической безопасности путем диверсификации импорта нефти и газа. В то время как страны Центральной Азии придавали большое значение своим отношениям с ЕС и возлагали на них большие надежды, Брюссель не рассматривал Центральную Азию в качестве важного партнера. В девяностые годы ЕС был озабочен конфликтами на Балканах и началом процесса расширения. Центральная Азия не была приорите-

том для ЕС, возможно, за исключением Таджикистана, где в 1992 г. разразилась кровавая гражданская война. Еще одним важным фактором, ограничивающим эффективность политики ЕС в Центральной Азии, было непонимание проблем региона.

До 1991 г. большая часть политических и экономических исследований по Центральной Азии была частью «советских исследований»; тщательный анализ конкретных исторических, экономических, политических, социальных проблем и проблем безопасности новых независимых стран был довольно минимальным. Благодаря своим историческим связям, значительному опыту и пониманию проблем региона, страны Вишеграда дали ЕС конкурентное преимущество в Центральной Азии, и постепенно начали играть активную роль в формировании отношений между ЕС и Центральной Азией.

Ядро ЕС, прежде всего Германия, Италия, Нидерланды и Франция, стали важными торговыми и инвестиционными партнерами для Центральной Азии, в то время как компании вишеградских не имели достаточных ресурсов, чтобы преодолеть барьеры огромных географических расстояний, неидеального делового и инвестиционного климата и неэффективного законодательства, однако, торгово-экономические связи имели главенствующий приоритет над политическими отношениями, остававшимися довольно ограниченными по масштабам. Казахстан являлся важным экономическим партнером Вишеградских стран. Это связано, прежде всего с наличием большого количества природных ресурсов. В казахстанском экспорте преобладающим ресурсом является нефть, в то время как экономики Вишеграда нацелены на экспорт продовольственных товаров, фармацевтических препаратов и машиностроительных составляющих. Примерно 70% казахстанского экспорта нефти направляется в ЕС, что составляет почти 6% от общего объема импорта нефти в ЕС [Krasznai, Rosta 2018: 6]. В 2000-2014 гг. ЕС был крупнейшим инвестором в Казахстан с валовыми инвестициями примерно в 106 млрд. долл. В 2014 г. общий приток прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в Казахстан составил 23,9 млрд долл., из ко-

торых на ЕС пришлось 45% (10,7 млрд долларов) [Krasznai, Rosta 2018: 7]. Крупнейшие энергетические компании ЕС имеют значительные инвестиции в казахстанскую нефтегазовую отрасль, а Италия, Нидерланды, Франция, Испания, Греция и Румыния являются ведущими импортерами казахстанской нефти в ЕС. Кроме того, Казахстан обладает большими запасами урана и является крупнейшим поставщиком в ЕС на нужды атомной энергетики (1/4 импорта)¹.

Доля стран Вишеграда в общем объеме торговли между ЕС и Центральной Азией в 2014 г. составляла около 9,3%, в то время как доля Вишеградской группы в общем объеме ВВП ЕС составляла всего около 4,4% [Krasznai, Rosta 2018: 8-9]. Но их традиционные отношения с регионом оказались более уязвимыми к воздействию более низких цен на энергоносители, чем у более крупных стран ЕС, поэтому к 2016 г. их доля в общей торговле ЕС сократилась до 7,6%².

Образование было одной из немногих областей, где отношения между V4 и странами Центральной Азии динамично развивались в последние годы. Благодаря более высокому уровню экономического развития и формированию среднего класса Казахстан лидирует в списке стран, отправляющих студентов по обмену в страны Вишеграда. Чехия, Венгрия и Польша особенно популярны среди студентов из Центральной Азии, поскольку высшее образование в Центральной Европе стоит дешевле, чем в западноевропейских университетах. Популярность Чехии и Польши объясняется еще и тем, что многие студенты Центральной Азии говорят по-русски и считают, что им будет легче выучить другой славянский язык.

Трудовая миграция – относительно новое явление в отношениях Вишеграда и

стран Центральной Азии. Пока только Чехии удалось привлечь внимание среднеазиатских трудовых мигрантов – скорее всего, благодаря более высокой заработной плате и большому количеству доступных производственных рабочих мест, в которых языковые навыки не являются существенными. По мере роста заработной платы и ужесточения рынков труда в других странах Вишеграда, мигранты из Центральной Азии могут попытаться выйти и на их рынки труда.

Тем не менее, Чешская Республика не является привлекательной страной для беженцев из Центральной Азии. Ни одна страна Центральной Азии не вошла в топ-10 стран происхождения просьб о предоставлении убежища в Чехии. Статистика прошлых лет показывает, что просители убежища из этого региона были в основном индивидуальными случаями, относящимися к отдельным конкретным событиям [Krasznai, Rosta 2018: 12-14]. Несколько десятков граждан Узбекистана нашли убежище в Чехии по официальному запросу УВКБ ООН после андижанских событий 2005 г. Кроме того, в 2012 и 2013 гг. группа этнических казахов из Западного Казахстана обратилась за убежищем в Чехию из-за преследования их казахстанскими властями как предполагаемых исламских радикалов; однако вся процедура предоставления убежища заняла несколько лет, и только часть из них в конечном итоге была признана подходящей для получения статуса беженца. По состоянию на начало 2018 г. Чехия имела рабочее соглашение о реадмиссии только с Казахстаном (действует с 2016 г.), в то время как переговоры о аналогичном соглашении с Узбекистаном еще не завершились.

Граждане всех пяти стран Центральной Азии обязаны иметь визу при въезде в Польшу. Кроме того, польские граждане обязаны подать заявление на визу для въезда в любую из стран Центральной Азии, за исключением визитов в Казахстан сроком до 30 дней (с января 2017 г.) и визитов в Кыргызстан сроком до 60 дней.

В феврале 2018 г. венгерское председательство Вишеградской группы собрало в Будапеште министров иностранных дел девяти стран обоих регионов, чтобы придать политический импульс и инициировать кон-

¹ European Commission 2018. European Union, Trade in goods with Central Asia [Electronic Resource] Access: 26 January 2021. URL : http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2013/november/tradoc_151896.pdf

² European Union External Action 2007. The EU and Central Asia: Strategy for a New Partnership. [Electronic Resource] Access: 26 January 2021. URL : https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/st_10113_2007_init_en.pdf

кретные действия по налаживанию более тесного сотрудничества. Укрепление политического, торгово-экономического, образовательного и научно-исследовательского сотрудничества между Вишеградом и странами Центральной Азии в рамках более широкого сотрудничества между ЕС и Центральной Азией происходит в момент глубоких геополитических и геоэкономических изменений в Центральной Азии и вокруг нее, обусловленных инициативой Китая «Пояс и путь» и усилиями России по дальнейшему расширению ЕАЭС.

Нехватка капитала, современных технологий и хорошо подготовленной рабочей силы продолжает представлять серьезную проблему для лиц, принимающих экономические решения во всех странах Центральной Азии. Китайская инициатива «Пояс и путь» обещает крупные инвестиции в региональную инфраструктуру, принося столь необходимый капитал, технологии и резко снижая транспортные расходы. Ее долгосрочный успех в Центральной Азии зависит от быстрого улучшения управления. Без улучшения деловой среды, в частности верховенства права, массовые инвестиции в инфраструктуру не могут в достаточной мере стимулировать внутренний экономический рост, обеспечивать общественные блага, повышать устойчивость общества и тем самым укреплять политическую стабильность и экономическую и экологическую устойчивость. Это может даже усугубить существующие проблемы, такие как коррупция. Поскольку ни Китай, ни Россия не участвуют в программах наращивания потенциала в этих областях, продолжение и расширение помощи ЕС значительно помогло бы странам Центральной Азии в полной мере воспользоваться обещанным «инвестиционным цунами». Страны V4 могли бы сыграть особенно важную роль в оказании такой помощи, поделившись своим опытом в области политических и экономических преобразований с центральноазиатскими партнерами.

Еще одной областью, где страны Вишеграда могут предложить полезный опыт своим центральноазиатским партнерам, является субрегиональное сотрудничество. Улучшение политических связей между Уз-

бекистаном и его соседями Кыргызстаном и Таджикистаном устраняет давние препятствия на пути активизации субрегионального сотрудничества. Сотрудничество между всеми пятью странами по таким вопросам, как совместное управление общими водными и энергетическими ресурсами или достижение экологической устойчивости в бассейне Аральского моря, могло бы дополнить региональное сотрудничество в более широких рамках, таких как ЕАЭС, инициатива «Пояс и путь» или ШОС. «Легкая модель» субрегионального сотрудничества, предложенная Вишеградом, почти без институциональной основы, но с высокоэффективными и регулярными политическими консультациями позволила бы странам Центральной Азии начать столь необходимое субрегиональное сотрудничество без громоздких переговоров по институциональным и правовым вопросам.

Экономическое сотрудничество между странами Вишеграда и Центральной Азии получит новый импульс по мере развития интеграционных процессов на евразийском континенте. Основной движущей силой должно стать развитие транспортных коридоров из стран Восточной Азии, в частности Китая, в Европейский Союз. Центральная Азия становится важным узлом транспортных и экономических коридоров, в то время как Вишеград берет на себя двойную роль: страны являются членами ЕС, главного экономического партнера Китая на Евразийском континенте, а также рассматриваются как часть транзитных маршрутов, о чем свидетельствует их включение Китаем в рамочную программу 16+1. В процессе евразийской экономической интеграции формируются важные общие интересы между Вишеградом и Центральной Азией. Совместные исследования, политические консультации и скоординированное реагирование на вызовы, вызванные интеграционным процессом, укрепили бы способность обеих групп в полной мере использовать открывающиеся перед ними возможности. В то же время страны Вишеграда могут гораздо эффективнее формулировать и отстаивать свои интересы как члены Европейского союза, например активно участвуя в разработке и реализации новой Центральноазиатской

стратегии ЕС, чем в рамках слабых, плохо очерченных рамок, где они будут рассматриваться в первую очередь как транзитные страны вдоль евразийских торговых коридоров.

Основные механизмы расширения вишеградской деятельности обусловлены, прежде всего, внешними и внутренними процессами. К внешним относятся международная нестабильность: финансовые кризис 2009 г. и миграционный кризис 2015 г. К внутренним, относятся процессы, повлиявшие на деятельность ЕС в результате внешних процессов. Переустройство экономических направлений, реорганизация партнерских секторов, а также изменения в миграционном законодательстве, все эти процессы активизировали необходимость поиска новых стратегий для Вишеградских стран. Одним из таких направлений является сотрудничество со странами третьего мира в области экономического финансирования, гуманитарных миссий, а также медицинского и технического оснащения. Основной целью является предотвращение миграции из стран происхождения мигрантов, путем модернизации и совершенствования экономических и социальных возможностей для обеспечения лучших условий для жизни.

Однако не только сдерживание миграционных потоков является основной стратегией Вишеграда. Экспансия деятельности и

поиск потенциальных партнеров являются одними из приоритетов Вишеграда. Так, например, Африка служит не только местом проведения гуманитарных операций, совместно с ООН и ЕС, но и является важным экономическим партнером с возрастающим потенциалом. Ближний Восток еще один регион взаимодействия между Вишеградом и странами происхождения мигрантов. Совместно с НАТО и ООН, Вишеград участвует в миротворческих операциях, а также предоставляет собственную гуманитарную помощь в районы, наиболее пострадавшие от войн. Важными экономическими партнерами выступают Египет и Саудовская Аравия, с которыми Вишеградские страны уже заключили соглашения о многостороннем сотрудничестве в таких областях как региональная безопасность, инвестиционное партнерство и миграция. Что касается евразийского пространства, то здесь основное внимание уделяется Центральной Азии, как одному из приоритетных регионов в области экономического и регионального партнерства. Благодаря богатству природных ресурсов, а также своему географическому положению, все чаще, страны Центральной Азии рассматриваются Вишеградом как потенциальные рынки инвестиций, а также посредники для взаимодействия с Китаем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Krasznai M., Rosta M.* Political and Economic relations between the Visegrad and Central Asian countries After 1991, Budapest 2018, - p. 6.
- Воркунова О., Хотивришвили А., Цвык А., Шпаковская М.* Европейско-китайские отношения в Большой Евразии. Мировая экономика и международные отношения, 2020, т. 64, № 12, сс. 96-104.
- Курылев К.П., Курбанов Р.М., Макенова А.Б., Хотивришвили А.А.* Миграционные потоки из Центральной Азии в страны Европейского союза // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 2. С. 315-327.
- Хотивришвили А.А.* Внешняя политика стран Вишеградской группы в контексте европейского миграционного кризиса // Постсоветские исследования. 2019. Т. 2. № 6. С. 1411-1419.
- Хотивришвили А.А.* Сотрудничество Вишеградской группы с международными организациями по вопросам миграции // Постсоветские исследования. 2018. Т. 1. № 5. С. 504-509.

REFERENCES

- Khotivrishvili A.A.* Sotrudnichestvo Vishegradskoj gruppy s mezhdunarodnymi organizacijami po voprosam migracii // Postsovetskie issledovaniya. 2018. T. 1. № 5. S. 504-509.
- Khotivrishvili A.A.* Vneshnyaya politika stran Vishegradskoj gruppy v kontekste evropejskogo migracionnogo krizisa // Postsovetskie issledovaniya. 2019. T. 2. № 6. S. 1411-1419.

Хотивришвили А.А. Социально-экономические аспекты сотрудничества Вишеградской группы на Евразийском пространстве

Kurylev K.P., Kurbanov R.M., Makenova A.B., Hotivrishvili A.A. Migracionnye potoki iz Central'noj Azii v strany Evropejskogo soyuza // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2018. T. 18. № 2. S. 315-327.

Vorkunova O., Hotivrishvili A., Cvyk A., Shpakovskaya M. Evropejsko-kitajskie otnosheniya v Bol'shoj Evrazii. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya, 2020, t. 64, № 12, ss. 96-104.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Хотивришвили Анна Александровна, магистр в области международных отношений РУДН, эксперт Центра исследований постсоветских стран (ЦИПС).

Anna A. Khotivrishvili, Master of International Relations of the RUDN University, Expert of the Center for Studies of Post-Soviet Countries (CSPSC).

ПРОБА ПЕРА

Взаимодействие США с Узбекистаном 2001-2005 гг.

Кенжаев Орифжон Зафаржон Угли

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

e-mail: 1032158806@rudn.ru

Аннотация. В статье рассматриваются характер и особенности развития двусторонних отношений между Республикой Узбекистан и США с 2001 по 2005 гг. Актуальность исследования обуславливается тем фактом, что в рассматриваемый период Узбекистан являлся по сути наиболее близким стратегическим союзником США в Центральной Азии, которая стала одним из важных регионов в международных отношениях.

Ключевые слова: Узбекистан, США, Центральная Азия, Афганистан, сотрудничество, политика, экономика, гуманитарная сфера, военная область.

US engagement with Uzbekistan 2001-2005

Kenzhaev Orifjon Zafarjon Ugli

RUDN University, Moscow Russia

e-mail: 1032158806@rudn.ru

Abstract: The article examines the nature and features of the development of bilateral relations between the Republic of Uzbekistan and the United States from 2001 to 2005. The relevance of the study is because during the period under review, Uzbekistan was, in fact, the closest strategic ally of the United States in Central Asia, which became one of the important regions in international relations.

Key words: Uzbekistan, USA, Central Asia, Afghanistan, cooperation, politics, economics, humanitarian sphere, military area.

Политическая сфера сотрудничества.

После событий 11 сентября 2001 г. отношения между США и Узбекистаном приобрели особое значение. Узбекистан получил роль главного партнера США в Центрально-азиатском регионе.

Во время визита президента И. Каримова в США в марте 2002 г. бывший министр иностранных дел Узбекистана А. Комилов и бывший госсекретарь К. Пауэлл подписали декларацию о стратегическом партнерстве и сотрудничестве¹, в которой были определены широкомасштабные цели политического, экономического и гуманитарного сотрудничества, а также сотрудничества в

области безопасности. Соглашение обязывало США провести «срочные консультации» в случае возникновения внешних угроз безопасности Узбекистана и обязывало Узбекистан еще больше активизировать демократические преобразования общества в политической, экономической и духовной областях, а также обеспечить эффективное осуществление и защиту прав человека².

Отношения США с Узбекистаном были прерваны еще в 2005 г. после того, как США присоединились к другим членам международного сообщества с критикой репрессий узбекского правительства в городе Андижан³. Эта критика способствовала

¹ US, Uzbek leaders meet, strategic partnership declaration signed // The Central Asia-Caucasus Institute and Silk Road Studies Program Joint Center URL: <http://cacianalyst.org/publications/news-digest/item/7527-news-digest-caci-analyst-2002-3-13-art-7527.html> (дата обращения: 07.11.2020).

² Kakenova Z. Military-political cooperation between the U.S. and Central Asian States // ScienceDirect URL

<https://reader.elsevier.com/reader/sd/pii/S1877042814044619?to-ken=34B873079B4A26BE14832C82F2DEE56C54EFA C5871AD06A7A4A608044647C0A2D967564FD2E351 B41B76ABE5B4334151> (дата обращения: 07.11.2020).

³ Uzbekistan Rewrites the Story of the Andijan Massacre // Human Rights Watch URL:

закрытию Узбекистаном более десятка базирующихся в США или поддерживаемых НПО, прекращению права базирования США в Карши-Ханабаде, падению официальных и дипломатических контактов и усилению ограничений Конгресса США на оказание помощи узбекскому правительству.

Узбекистан никогда не был хорошо расположен в партнерстве с западными правительствами из-за своей неспособности модернизировать свою администрацию и придерживаться международных стандартов управления и гражданских прав. Ташкент стремился оправдать свою правозащитную практику как антитеррористическую, но критики рассматривали некоторые из его антитеррористических мер как контрпродуктивные, усиливающие потенциал для усиления воинственности и нестабильности¹. Чрезмерная сила в борьбе с терроризмом, утверждают критики, что кампании Узбекистана против экстремистов могут быть самореализующимся пророчеством, поскольку узбекское правительство делает «свои собственные кошмары реальностью, отождествляя Ислам с политическим диссидентством, тем самым направляя антиправительственные чувства в политизированный ислам» [Fairbanks 2001: 53].

Международные правозащитные группы еще давно критиковали правительство Узбекистана и правоохранительные органы за их нарушения прав человека и узбекского законодательства. В ноябре 2000 г. Палата представителей США выразила обеспокоенность в связи с нарушениями прав человека в Узбекистане и использованием терроризма в качестве предлога для политических репрессий и призвала правительство Каримова, которое

«проводит военные кампании против насильственных повстанцев, соблюдать международное право, регулирующие такие действия, не допускать причинения вреда гражданским лицам и другим невоюющим лицам, и не использовать такие кампании для оправдания дальнейших репрессий против политической оппозиции или нарушений обязательств в области прав человека в рамках ОБСЕ»².

Более мрачный аспект отношений США с Узбекистаном сложился после террористических атак в сентябре 2001 г., когда президент Буш подписал все еще засекреченную директиву, дающую ЦРУ «широкие» полномочия по перевозке подозреваемых террористов в зарубежные страны для допроса³. Эта практика – известная как экстраординарное исполнение – он также использовался до 2001 г., но получил широкое распространение после того, как Дж. Буш предоставил ЦРУ расширенные полномочия [Huq 2001: 25-35].

В 2002 г. Мюррей, обеспокоенный тем, что Америка замешана в таком режиме, попросил своего заместителя обсудить эту проблему с начальником резидентуры ЦРУ в Ташкенте. Он заявил, что начальник не оспаривает тот факт, что разведанные добываются под пытками. Но ЦРУ не считало это проблемой. «Не было никаких оснований думать, что они были обеспокоены», - заявил Мюррей⁴. ЦРУ отрицало, что такая встреча имела место. По некоторым данным, США передали узбекским властям десятки подозреваемых [Rashid 2005: 76-94].

Европейский банк реконструкции и развития, Один из крупнейших международных финансовых институтов, оказывающих помощь бывшим коммунистическим странам,

---

<https://www.hrw.org/report/2005/09/18/burying-truth/uzbekistan-rewrites-story-andijan-massacre> (дата обращения: 07.11.2020).

¹ Central Asia: Islamist Mobilization And Regional Security 1 March 2001 // ETH Zurich URL: https://www.files.ethz.ch/isn/28314/014_central_asia_islamist_mobilisation_regional_security.pdf (дата обращения: 07.11.2020).

² H.Con.Res.397 - Voicing concern about serious violations of human rights and fundamental freedoms in most states of Central Asia, including substantial noncompliance with their Organization for Security and Cooperation in Europe (OSCE) commitments on democratization and the holding of free and fair elections. // Congress Library

URL: <https://www.congress.gov/bill/106th-congress/house-concurrent-resolution/397/text> (дата обращения: 07.11.2020).

³ Rule Change Lets C.I.A. Freely Send Suspects Abroad to Jails // The New York Times URL: <https://www.nytimes.com/2005/03/06/politics/rule-change-lets-cia-freely-send-suspects-abroad-to-jails.html> (дата обращения: 07.11.2020).

⁴ Outsourcing Torture The secret history of America's "extraordinary rendition" program. // The New Yorker URL: <https://www.newyorker.com/magazine/2005/02/14/outsourcing-torture> (дата обращения: 07.11.2020).

инициировал обзор прогресса Узбекистана в направлении демократизации и пришел к выводу: «был достигнут очень ограниченный прогресс, и банк больше не в состоянии вести бизнес в обычном режиме. Банк продолжит свою деятельность в Узбекистане. Однако она может сосредоточить свою деятельность только на частном секторе и тех проектах государственного сектора, которые финансируют трансграничную деятельность или явно приносят пользу узбекскому народу»¹.

Государственный департамент, который ежегодно проводит санкционированный Конгрессом обзор прав человека, также инициировал обзор соблюдения Узбекистаном обязательств, сформулированных в соглашении о стратегическом партнерстве между Узбекистаном и Соединенными Штатами в 2002 году. В соответствии с разрешительным законодательством для различных стран США программы помощи, государственный секретарь обязан удостоверить соответствие, прежде чем определенные фонды помощи могут быть предоставлены².

Заключение Госдепартамента о прогрессе узбекского правительства ожидалось в начале весны 2004 года, но было отложено, пока госсекретарь «изучал ситуацию». В июле 2004 года Госдепартамент объявил, что Узбекистан, основываясь на своем общем опыте реформ, не может быть сертифицирован как добывающийся «существенного и постоянного прогресса в выполнении своих обязательств в рамках стратегического партнерства 2002 года, включая уважение прав человека, создание подлинной многопартийной системы, обеспечение свободных и справедливых выборов, свободы выражения мнений и независимости средств массовой информации».

Далее в заявлении Госдепартамента говорилось: «это решение не означает, что изменились ни наши интересы в регионе, ни наше стремление к продолжению сотрудничества с Узбекистаном»³.

К июню 2005 года отношения настолько ухудшились, что сенатор Джон Маккейн, написав в *Financial Times*, предупредил: «Если эта тенденция сохранится, то США могут потерять свои позиции». США ничего не оставалось, как пересмотреть все аспекты своих отношений с Узбекистаном, в том числе и наши военные отношения. Пока мы пересматриваем нашу политику, нам следует приостановить любые разговоры о долгосрочном базировании и критически взглянуть на наше дальнейшее присутствие на авиабазе Карши-Ханабад» [McCain 2005: 36].

Таким образом, политическая сфера сотрудничества и по сей день остается достойным направлением для взаимодействия между двумя государствами. Здесь основное внимание уделяется процессам демократизации и интенсификации диалога в области защиты прав человека.

Сотрудничество в сфере безопасности

В октябре 2001 г. было заключено американо-узбекское соглашение⁴. Согласно этому соглашению США, получили право использовать воздушное пространство Узбекистана и авиабазу в Ханабаде. Статус Узбекистана как приоритетного государства для правительства США был закреплен в декларации о стратегическом партнерстве и сотрудничестве, которая была подписана в марте 2002 г. в ходе визита президента Каримова в США⁵. Узбекистан рассматривал сложившуюся ситуацию как возможность укрепить статус ключевого партнера США в регионе и

¹ EBRD updates strategy for Uzbekistan // European Bank for Reconstruction and Development URL: www.ebrd.org/new/pressrel/2004/44april6.htm (дата обращения: 07.11.2020).

² Uzbekistan: The Key to Success in Central Asia, testimony before the Subcommittee on Central Asia, House International Relations Committee, Washington, DC // B. Lynn Pascoe, deputy assistant secretary of state for European and Eurasian affairs, URL: www.state.gov/p/eur/rls/rm/33579.htm (дата обращения: 07.11.2020).

³ Secretary of State Decision Not to Certify Uzbekistan // Press Statement, Washington, DC URL: www.state.gov/r/pa/prs/ps/2004/34363.htm (дата обращения: 07.11.2020).

⁴ Kutnaeva Nuria Foreign military bases in post-Soviet Central Asia // Central Asia and the Caucasus. 2010. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/foreign-military-bases-in-post-soviet-central-asia> (дата обращения: 07.11.2020).

⁵ US, Uzbek Leaders Meet, Strategic Partnership Declaration Signed // The Central Asia-Caucasus Institute and Silk Road Studies Program Joint Center URL: <http://caci-analyst.org/publications/news-digest/item/7527-news-digest-caci-analyst-2002-3-13-art-7527.html> (дата обращения: 07.11.2020).

поддержать собственные амбиции на лидерство в Центральной Азии.

Предложения Узбекистана о сохранении операции в Афганистане объяснялись прямой заинтересованностью узбекских властей в исходе конфликта, поскольку «Талибан» и «Аль-Каида» оказывали всестороннюю помощь ИДУ (Исламскому движению Узбекистана). ИДУ прекратил борьбу с Ташкентом, в результате чего международная антитеррористическая коалиция получила врага более могущественного, чем правительство Узбекистана.

В середине 2000-х гг. наблюдается переориентация внешней политики Узбекистана. Главной причиной этого изменения стали «цветные революции» в некоторых постсоветских странах. Эти события усилили сомнения официального Ташкента в обеспечении безопасности и стабильности Узбекистана со стороны США.

Вашингтон осудил действия узбекских властей по подавлению беспорядков в Андижане 12-13 мая 2005 г. США. 29 июня 2005 г. узбекские власти потребовали закрытия американской военной базы в течение полугода. Этот факт привел к закрытию офисов американских НПО, ряда американских компаний и выводу американских военных с базы Ханабад.

Узбекистан утратил статус привилегированного партнера США, а двусторонние отношения между двумя государствами вступили в стадию стремительного охлаждения. Пытаясь компенсировать потерю ключевого союзника в регионе, США акцент сместился на Казахстан, объявив страну «региональным лидером» и «стратегическим партнером» в сфере безопасности и энергетических проектов в Центральной Азии.

Узбекистан с 2004 г. начал политику сближения с другими крупными действующими лицами региона – Россией и Китаем. Но активизация России в Центральной Азии, такие как инициативы по созданию центральноазиатской ОДКБ, оказание финансовой помощи Бишкеку и размещение военной базы на юге Киргизии, стимулировали Узбекистан к активизации отношений с Западом.

Узбекские власти рассматривали Запад как геополитического игрока, который мог бы ограничить российское влияние в

регионе. Западные страны рассматривали Узбекистан как дополнительный ресурс в регионе для проведения военных операций в Афганистане. Расположение государства и наличие инфраструктуры на узбекско-афганской границе были удобны для США в их деятельности по афганскому вопросу. Во второй половине 2010-х гг. наблюдается потепление в отношениях Ташкента с ЕС и США.

СССР имел крупную авиабазу в Ханабаде у южной границы Узбекистана, недалеко от города Карши, которая использовалась для поддержки военных операций в Афганистане с 1979 г. по 1989 г. Когда в 1991 г. распался СССР, база перешла под узбекский контроль и была законсервирована. Каримов, первый секретарь узбекской Коммунистической партии, был избран президентом в 1990 г. Он был полон решимости сделать Узбекистан мощным и стабильным государством, вернув узбеков к их традициям прошлого. Однако отсутствие безопасности преследовало новое узбекское государство, особенно после того, как рост религиозного экстремизма в Афганистане стал подпитывать антикаримовское восстание.

Каримов упрекнул международное сообщество в том, что оно не видит угрожающих региону опасностей, и призвал к скоординированным действиям. В то же время он не хотел идти на компромисс с суверенитетом Узбекистана и специально исключил возможность использования российскими войсками баз на узбекской территории для нанесения ударов по режиму талибов в Афганистане.

Теракты 11 сентября 2001 г. изменили ситуацию, трансформировав внешнюю политику США. Эти события и демонстрация решимости США изменили отношение Узбекистана к США. Когда Вашингтон начал искать союзников в Центральной Азии, он встретил удивительно быстрый успех. Все страны региона согласились разрешить Соединенным Штатам использовать свое воздушное пространство для военных полетов.

Каримов добровольно вызвался воспользоваться Ханабадским объектом. США быстро перешли к активным действиям. Всего через три недели после событий 11 сентября американские транспортные самолеты приземлялись в Ханабаде и доставляли материалы для операции «Несокрушимая

свобода», кампании по уничтожению террористических операций «Аль-Каиды» и свержению правительства талибов.

База Ханабад близ Карши, получившая название «K2», быстро пополнилась примерно 1500 американскими военнослужащими, в основном из ВВС и армии. База в Ханабаде была идеальной из-за ее близости к Афганистану и доступа к автомобильному транспорту. Это была отправная точка для контактов с племенами северного Афганистана, которые присоединятся к США против правительства талибов, возглавляемого пуштуном.

Ханабад играл ключевую роль в альянсе между США и Узбекистаном, оформленном в соглашении о стратегическом партнерстве, подписанном в марте 2002 г. в Вашингтоне президентом И. Каримовым и президентом Джорджем У. Бушем.

На первых порах американо-узбекский альянс набирал обороты, поскольку, казалось, был основан на общих интересах, общих целях и потенциально ценных возможностях для дальнейшего развития.

Партнерство между двумя странами—по крайней мере, так представлялось в этих идеалистических терминах—резко оборвалось 29 июля 2005 г., когда Министерство иностранных дел Узбекистана сообщило посольству США в Ташкенте, что у американских войск есть 180 дней для вывода из Ханабада. Поворот Узбекистана не был вызван каким-либо единичным инцидентом, а явился результатом совокупной серии событий, кульминацией которых стала весна 2005 г.

Узбекистан не отказался от стратегического партнерства и не объявил каким-либо существенным образом, что его партнерство с Вашингтоном закончилось. Однако она взяла на себя формальное и существенное обязательство по установлению более тесных отношений с Россией в интересах безопасности и экономического развития.

Решение о выходе из партнерства с США было принято в результате ряда последовательных шагов, которые постепенно дистанцировали Узбекистан от американского влияния, достигнув своего апогея весной 2005 г.

В апреле правительство Узбекистана объявило, что не будет выдавать новые визы добровольцам Корпуса мира¹. В мае она объявила о своем намерении выйти из ГУУАМ (Грузия, Украина, Узбекистан, Азербайджан и Молдова), региональной организации военного сотрудничества, название которой является аббревиатурой государств-членов, но обычно идентифицируется в русскоязычных источниках как «антироссийский альянс»².

Когда в мае в Андижане, городе в густонаселенной Ферганской долине, вспыхнула вооруженная оппозиция, узбекское правительство объявило это террористической вспышкой и ответило силой. Неправительственные организации и США призвали провести независимое расследование, но узбекское правительство провело свое собственное расследование и отказалось от помощи извне, сделав исключение только для российского расследования³. Узбекские официальные лица отказались встретиться с посетившими их американскими официальными лицами, которые настоятельно призвали их решить проблемы, связанные с правами человека и политикой правительства.

Когда США присоединились к призыву о проведении независимого расследования для облегчения кризиса беженцев в Ферганской долине, Каримов прямо осудил это как иностранное вмешательство во внутренние дела страны. На состоявшемся в июле 2005 г. заседании ШОС [Blua 2005: 12] лидеры соседних центральноазиатских государств призвали установить сроки вывода военных баз из Центральной Азии на том основании, что цели операции «Несокрушимая свобода»

¹ Peace Corps suspends program in Uzbekistan // OCHA URL: <https://reliefweb.int/report/uzbekistan/peace-corps-suspends-program-uzbekistan> (дата обращения: 07.11.2020).

² Azerbaijan and Georgia: Azerbaijan and Georgia: Strategic Partnership for Stability in a Volatile Region // Central Asia-Caucasus Institute & Caucasus Institute & Caucasus Institute & Silk Road Studies Program Silk Road Studies Program Silk Road Studies Program – A Joint

Transatlantic Research and Policy Center URL: https://www.silkroadstudies.org/resources/pdf/SilkRoadPapers/2013_09_SRP_Tsereteli_Azerbaijan-Georgia.pdf (дата обращения: 07.11.2020).

³ Kutnaeva Nuria Foreign military bases in post-Soviet Central Asia // Central Asia and the Caucasus. 2010. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/foreign-military-bases-in-post-soviet-central-asia> (дата обращения: 07.11.2020).

были достигнуты¹. Узбекское правительство ясно дало понять, что оно намерено выслать американские войска, объяснив это центральноазиатской политикой.

Лидеры ШОС широко критиковали операцию «Несокрушимая свобода», но использовали ее успех как оправдание вывода американских войск². Вывод войск США войска из Центральной Азии были приведены в качестве основания для высылки войск в Узбекистан, но тот же аргумент не был применен к американским войскам, оставшимся в Кыргызстане.

Эмбарго ЕС на поставки оружия вряд ли было логичным, учитывая, что между Узбекистаном и странами ЕС не было торговли оружием, а эмбарго только способствовало бы расширению торговли оружием с Россией, к чему давно стремились русские.

Военное значение базы К2 в Узбекистане для американской политики в регионе является спорным. В каком-то США никогда не имели реальной базы в Узбекистане. Когда начался американо-узбекский альянс, американские дипломатические чиновники подчеркивали, что США намерены использовать эти объекты только на временной основе и не намерены оставаться в регионе постоянно. Вашингтон не «покупал» и даже не «арендовал» эти объекты, а только «одалживал» их, говорили они. Узбекистан предоставлял эти объекты в качестве своего вклада в кампанию, а США просто оплачивали связанные с ними услуги. 10 января 2002 года Э. Джонс, Официальный представитель Госдепартамента США, занимающийся этим регионом, пояснила, что «никаких американских баз в Центральной Азии нет. Однако различные центральноазиатские правительства

предоставили американским военным силам доступ к любому числу военных баз. США не намерены иметь постоянные базы в Центральной Азии, но мы благодарны за то, что имеем доступ к этим базам»³.

Джонс еще более прямо заявила об этом на пресс-конференции в Вашингтоне в феврале 2002 г.: «дело в том, что мы не ищем, мы не хотим, чтобы США имели постоянные базы в Центральной Азии. В другом смысле, однако, Ханабадская база, или, по крайней мере, использование объектов базы, была весьма ценной, особенно на ранних этапах операции Несокрушимая свобода»⁴.

Вскоре между США и Узбекистаном установились тесные военно-дипломатические отношения по вопросам безопасности. Министр обороны Д. Рамсфелд неоднократно хвалил Узбекистан как «стойкого» партнера в борьбе с терроризмом⁵. США извлекли большую пользу из использования объекта в Ханабаде, начиная с октября 2001 г. на начальных этапах военной операции по смещению правительства талибов в Афганистане.

В качестве указания на его важность американские официальные лица еще до того, как высылка была обнародована, начали добиваться размещения американских вооруженных сил в соседних с Узбекистаном странах. Вновь избранный президент Кыргызстана К. Бакиев после встречи с госсекретарем К. Райс в октябре 2005 г. подтвердил сохранение военного присутствия США в Центральной Азии, заявив, что американские войска могут оставаться в Кыргызстане «до тех пор, пока этого требует ситуация в Афганистане»⁶.

¹ Operation 'enduring freedom': a victory for a conventional force fighting an unconventional war // Taylor & Francis Online URL: <https://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/09592310412331300566> (дата обращения: 07.11.2020).

² General Affairs And External Relations // European Council Council of the European Union URL: https://www.consilium.europa.eu/ueDocs/cms_Data/docs/pressdata/en/gena/76201.pdf (дата обращения: 07.11.2020).

³ Press Conference of Elizabeth Jones, Tashkent, Uzbekistan // US Embassy in Uzbekistan URL: <http://www.usembassy.uz/home/index.aspx?&=&mid=219&overview=362/> (дата обращения: 07.11.2020).

⁴ Beth (Elizabeth) Jones, U.S. Relations with Central Asia // Briefing to the Press, Washington, DC URL: www.state.gov/p/eur/rls/rm/2002/7946.htm (дата обращения: 07.11.2020).

⁵ John D. Banusiewicz, Defense Secretary Thanks 'Stalwart' Uzbekistan for Support in War on Terror // American Forces Press Service URL: www.defenselink.mil/news/Feb2004/n02242004_200402244.html (дата обращения: 07.11.2020).

⁶ Gulnoza Saidazimova, "Kyrgyzstan: U.S. Secretary of State Calls for Closer Ties // RFE/RL URL: www.rferl.org/featuresarticle/2005/10/3E5FF2E2-EDD3-4B8D-AC62-B22B568643AD.html (дата обращения: 07.11.2020).

Даже после потери объекта в Ханабаде американские официальные лица продолжали подчеркивать сотрудничество Узбекистана в более широкой международной анти-террористической кампании. Но, по сути, выход Узбекистана из тесного сотрудничества с США ликвидировал один из наиболее ценных каналов информации и рычагов влияния на интересы безопасности США в регионе. Разрыв отношений с Узбекистаном лишил Вашингтон значительной информации о террористах в Афганистане, многие из которых изначально были узбеками или имели узбекское этническое происхождение. Наиболее очевидным следствием провала альянса является не то, что США потеряли важный форпост в Центральной Азии, а то, что они уступили свои позиции России. Как отмечали многие наблюдатели, влияние США в регионе было в определенной степени противовесом России и Китаю, которые «по-прежнему будут стремиться заполнить любые новые пробелы в безопасности, которые могут возникнуть в Центральной Азии» [Olcott 2002: 255].

Сразу же после появления американо-узбекского альянса президент В. Путин увидел в американском присутствии в регионе вызов использовать сравнительные преимущества России для получения больших преимуществ, а не напрямую противостоять США. В 2001 г. В. Путин не возражал ни против полетов американских самолетов в страны Центральной Азии, ни против базирования войск в Ханабаде и на базе Ганчи в Киргизии. Кроме того, Путин смягчил свою позицию в отношении расширения НАТО и национальных систем противоракетной обороны США. Путин заявил о намерении закрыть российские объекты на Кубе и во Вьетнаме. Но, следуя по этому пути, он также намеревался разработать более «активную, твердолобую и эффективную российскую политику» в Центральноазиатском регионе. В частности, за последние три года Россия расширила свои торговые, энергетические и инвестиционные

связи со странами Центральной Азии, подписав крупные контракты на новые сделки в гидроэнергетике, газе, нефти и сельском хозяйстве¹.

Тем временем Россия продолжала лоббировать отстранение США от власти, в частности через ШОС, которая собралась на специальную сессию 5 сентября 2003 г. в столице Узбекистана Ташкенте. Вскоре после заседания ШОС министр обороны С.Б. Иванов ясно дал понять, что Россия ожидает, что США уйдут со своих баз в двух бывших советских республиках в Центральной Азии, как только миссия в Афганистане будет завершена².

Российские военные продолжали лоббировать свои собственные объекты, получив право использовать авиабазу Кант под Бишкеком и, совсем недавно, военные объекты в Таджикистане. Менее очевидным, но гораздо более существенным следствием статуса американо-узбекского альянса является возможная потеря того, что могло бы стать главным активом для США. Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан, в частности, можно охарактеризовать как самые умеренные современные мусульманские государства в мире. Эти страны представляют собой критически важную модель культурного развития по сравнению с экстремистскими мусульманскими идеологиями, которые играли столь важную роль на Ближнем Востоке. Вашингтон имеет хорошие отношения со всеми этими странами, но не видит в них ничего, кроме военного и торгового потенциала.

Однако они имеют гораздо более широкое идейное значение. Поворот в отношениях Узбекистана с Россией является продуктом внешнеполитических целей Путина в регионе, которые имеют военный, коммерческий и идеологический аспекты.

В начале американо-узбекского союза узбекское правительство и народ оказали США теплый прием. Военные и дипломатические чиновники двух стран наладили тесные

¹ A Russian Presidential Decree of 4 August 2004 (No. 1009) // Kremlin URL: www.kremlin.ru/text/docs/2004/08/75174.shtml (дата обращения: 07.11.2020).

² US Army War College Strategic Studies Institute 1992-2015 // Internet Archive URL:

https://archive.org/stream/USArmyWarCollegeStrategicStudiesInstitute1992-2015/Strategic%20Consequences%20of%20the%20Iraq%20War%20-%20U.S.%20Security%20Interests%20in%20Central%20Asia%20Reassessed%20%282004%29_djvu.txt (дата обращения: 07.11.2020).

отношения, но альянс породил большие ожидания, которые не были ни симметричными, ни реалистичными. Узбекская сторона рассчитывала на безоговорочное принятие, техническую помощь, помощь в модернизации и противовес российским попыткам доминировать в регионе. Американская сторона рассчитывала на добросовестные усилия по реформированию и модернизации.

В подписанном в марте 2002 г. соглашении о стратегическом партнерстве, подготовленном США, без оговорок говорится, что выгоды для Узбекистана полностью зависят от его прогресса в соблюдении международных стандартов в области прав человека и благого управления. США не понимали, что Центральная Азия не готова к такому вмешательству, поскольку взгляд Вашингтона был ориентирован на американские цели, а не на то, что понимали узбеки.

Гораздо более серьезная критика заключается в том, что США не смогли не только понять Узбекистан, но и увидеть, до какой степени они не понимают Узбекистан. Американцев часто критикуют за их неспособность преодолеть языковые и культурные барьеры, которые мешают им полностью понять своих партнеров.

Тем не менее США даже не предприняли первых шагов по развитию институциональной изошренности, необходимой для поддержки партнерства, которое позволило бы преодолеть столь большую пропасть. Например, политикой в отношении Узбекистана в Государственном департаменте по-прежнему руководило европейское и Евразийское бюро-административная единица, которая также отвечала за политику в отношении Исландии. МВФ уже предпринял шаги для того, чтобы поместить центральноазиатские государства в бюрократический контекст, более чутко реагирующий на важные различия¹. США также указали, что будут внесены изменения для преодоления институциональных предубеждений². К тому времени, когда соглашение о стратегическом партнерстве было подписано всего несколько лет назад,

стало ясно, что обе стороны трактуют это соглашение совершенно по-разному.

Узбеки ожидали большей поддержки узкого определения Ташкентом реформы, как немногим большего, чем дальнейшее усовершенствование их чрезмерно административной авторитарной бюрократии. Вместо этого они получили неослабевающую критику прав человека и отсталости демократии, а также постоянное подталкивание к преобразованию своей административной системы.

Возглавляемая США операция «Несокрушимая свобода» была чрезвычайно успешной в своих политических и военных целях, но оказалась неудовлетворительной с точки зрения Узбекистана в более широком социальном и экономическом аспектах. Афганские лагеря подготовки террористов, которые угрожали Америке, были уничтожены. Опасность терроризма еще не закончилась. Усама бен Ладен не был привлечен к ответственности. Узбекистан продолжал вести широкую контрповстанческую кампанию против исламских экстремистов. Торговля опиумом, ненадолго приостановленная военными вождями талибов, в последние годы резко возросла. Страны Центральной Азии сейчас сталкиваются с пугающим призраком, которому угрожает то, чего они опасаются, - цунами героина. Сближение Узбекистана с Западом не принесло ни ожидаемых выгод, ни безопасности. Выбор времени иногда является сутью политики.

Таким образом, к середине 2000-х гг. наблюдается переориентация внешней политики Узбекистана. Главной причиной этого изменения стали «цветные революции» в некоторых постсоветских странах. Эти события усилили сомнения официального Ташкента в обеспечении безопасности и стабильности Узбекистана со стороны США. Именно с этих времен принято и считать начало плотного сотрудничества двух стран в усилиях обеспечения безопасности в центральноазиатском регионе, которые продолжают и по сей день.

¹ IMF Managing Director Horst Köhler Announces Changes in Organization of IMF Area Departments // International Monetary Fund URL: www.imf.org/external/np/sec/pr/2003/pr03130.htm (дата обращения: 07.11.2020).

² Condoleezza Rice, Remarks at Eurasian National University // U.S. Department of State URL: www.state.gov/secretary/rm/2005/54913.htm (дата обращения: 07.11.2020).

Торгово-экономические и гуманитарные связи.

Узбекистан обладает большим потенциалом в качестве экономического двигателя для региона, но другие факторы работают против экономического успеха страны. Благодаря советскому наследию хлопковой монокультуры Узбекистан является вторым по величине экспортером хлопка в мире. Условия для фермеров и других сельскохозяйственных рабочих являются мрачными, с жестким соблюдением производственных квот и широким использованием призывного детского труда во время уборки урожая¹. Для ведения этого вида сельского хозяйства в засушливом климате Узбекистана требуется массовое орошение – вода, которая когда-то стекала в Аральское море. В результате уровень воды в озере резко упал и оставил ранее прибрежные рыбацкие деревни в десятках километров от кромки воды.

Сухая щелочная почва подхватывается ветром, создавая удушливые облака соленой пыли и огромные экологические проблемы. Наряду со значительными природными ресурсами, включая природный газ, месторождения золота и черных металлов, узбекская экономика имеет преимущество географического положения; многие торговые пути проходят через территорию Узбекистана, что делает его важным экономическим субъектом в регионе.

Как бы то ни было, экономических победителей мало, поскольку большая часть генерирующей прибыль отраслей находится в государственной собственности, а коррупция свирепствует². Крупная теневая экономика высасывает доходы из других предприятий, пытающихся оставаться «законными». Как сказал один банкир корреспонденту International Crisis Group (ICG), черный рынок «обогастил очень ограниченную группу

людей и разрушает бизнес многих перспективных предпринимателей, которые борются за выживание в этой несправедливой экономической битве».

Олигархия, состоящая из влиятельных политиков вместе с их семьями и сторонниками, контролирует почти все средства производства в Узбекистане. Очень немногие виды экономической деятельности, кроме мелкой базарной торговли, открыты для среднестатистических узбекских граждан, а более крупные предприятия, от производства хлопка до добычи полезных ископаемых, контролируются небольшой группой элит³.

Экономика Узбекистана исторически базировалась прежде всего на сельском хозяйстве и добыче природных ресурсов. В то время как страна остается крупным производителем энергии и полезных ископаемых, а Уран является одним из крупнейших экспортных товаров Узбекистана в США, обрабатывающая промышленность выросла в 2000-2005 гг. составляя примерно четверть ВВП, опережая сельское хозяйство. США установили дипломатические отношения с Узбекистаном в 1992 г. после обретения им независимости от СССР. С тех пор США и Узбекистан развили широкие отношения, сотрудничая в таких областях, как программы пограничной и региональной безопасности, экономические отношения, политические вопросы и вопросы гражданского общества, а также обучение английскому языку.

После успешных переговоров с министром обороны Д. Рамсфельдом президент И. Каримов в марте 2002 г. отправился в Вашингтон для подписания более всеобъемлющего соглашения между двумя странами-соглашения о стратегическом партнерстве⁴. Этот документ определил рамки сотрудничества по целому ряду вопросов, включая экономические реформы, демократизацию,

¹ Uzbekistan, cotton and the crushing of a nation The True Cost Of Cotton // Environmental Justice Foundation URL: <https://cfda.com/resources/sustainability-resources/detail/white-gold-the-true-cost-of-cotton-uzbekistan-cotton-the-crushing-of-a-nation-2005-the-environmental-justice-foundation> (дата обращения: 07.11.2020).

² Central Asia: Uzbekistan at 10 –Repression and Instability // International Crisis Group URL: <https://www.crisis-group.org/europe-central-asia/central-asia/uzbekistan/central-asia-uzbekistan-10-repression-and-instability> (дата обращения: 07.11.2020).

³ Communication No. 1478/2006 // International Covenant on Civil and Political Rights URL: http://www.worldcourts.com/hrc/eng/decisions/2011.07.20_Kungurov_v_Uzbekistan.pdf (дата обращения: 07.11.2020).

⁴ Will The U.S. And Uzbekistan Revisit Their Strategic Partnership // The Central Asia-Caucasus Institute and Silk Road Studies Program Joint Center URL: <https://www.cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/12683-will-the-us-and-uzbekistan-revisit-their-strategic-partnership.html> (дата обращения: 07.11.2020).

гуманитарную помощь и военное сотрудничество. Она началась с признания «важности грамотного проведения демократических и рыночных реформ в Узбекистане как необходимого условия обеспечения политической, социальной и экономической стабильности, устойчивого развития, процветания и национальной безопасности»¹. Фактически США согласились оказывать содействие в модернизации узбекской экономической системы, в то время как режим И. Каримова обещал сотрудничать в борьбе с терроризмом США и проводить ряд политических реформ. Именно так Государственный департамент интерпретировал соглашение о стратегическом партнерстве.

В ноябре 2002 г. помощник госсекретаря США Л.орн Крейнер заявил: «Мы признательны Узбекистану за поддержку, которую он оказывает в борьбе с терроризмом. Но США не пожертвуют своей долгосрочной приверженностью защите прав человека ради краткосрочной политической целесообразности (...) Узбекское правительство (...) взяло на себя обязательство улучшить положение в области прав человека, но мы видим неоднозначные результаты на местах, и очевидно, что нам еще предстоит пройти долгий путь»². В соглашении отсутствовало какое-либо упоминание о выплатах прав на базирование или обещаниях вознаграждения за сотрудничество, что вновь возникнет в последующие месяцы.

Во время визита И. Каримова в Белый дом президент Буш выразил свою признательность Узбекистану за сотрудничество с возглавляемыми США операциями в Афганистане и оказал давление на узбекского президента по вопросам прав человека, по словам пресс-секретаря Белого дома³. В своих показаниях в Конгрессе накануне госсекретарь Колин Пауэлл охарактеризовал Узбекистан как «надежного партнера по коалиции», в то же время отметив, что вопросы прав

человека по-прежнему являются предметом обсуждения между двумя странами.

Сбалансированность военной помощи и прав человека: еще одно слушание в конгрессе в 2002 г., на этот раз в сенатском комитете по международным отношениям под названием «сбалансированность военной помощи и поддержки прав человека в Центральной Азии», непосредственно касалось насущных тем Узбекистана. Группа экспертов имела интересный состав: трое из пяти свидетелей, дававших показания, были членами администрации Буша; четвертым был бывший посол США в Казахстане. Доктор наук Марта Брилл Олкотт, регулярно выступавшая на подобных слушаниях, завершила список. Председатель комитета сенатор Роберт Торричелли начал с того, что «искоренение терроризма и поощрение демократии и прав человека не являются взаимоисключающими понятиями. Действительно, они, вероятно, усиливаются», объясняя это тем, что недемократические режимы маргинализируют и радикализируют свое население, что приводит к терроризму и нестабильности [United States 2002: 51-52].

Л. Крейнер, помощник государственного секретаря по вопросам демократии, прав человека и труда, свидетельствует о некоторых успехах реформ в Узбекистане, включая организацию лучшего доступа Международного Красного Креста к тюрьмам, регистрацию одной правозащитной НПО и приглашение, направленное узбекским правительством специальному докладчику ООН по пыткам.

Бывший посол У. Кортни представил всеобъемлющую стратегию для региона: увеличение помощи в области безопасности, поддержание военного присутствия США, уделение большего внимания правам человека и демократии, помня, что «сотрудничество США в области безопасности повышает легитимность правительства, что является

¹ Declaration on the Strategic Partnership and Cooperation Framework Between the United States of America and the Republic of Uzbekistan // U.S. State Department Archive URL: <https://2001-2009.state.gov/p/eur/rls/or/2002/11711.htm> (дата обращения: 07.11.2020).

² Assistant Secretary Craner at Press Briefing // U.S. State Department Archive URL: <https://2001->

2009.state.gov/r/pa/ei/pix/b/drl/events/8662.htm (дата обращения: 07.11.2020).

³ Uzbekistan and the War on Terrorism // The Washington Post URL: https://www.washingtonpost.com/wp-srv/live-online/02/world/maschleder_031302.htm (дата обращения: 07.11.2020).

источником рычагов для продвижения прав человека и демократии», работая с союзниками в Европе, чтобы добиться изменений в регионе, и содействие долгосрочным изменениям, сосредоточившись на молодежных программах.

Все четыре свидетеля, связанные с администрацией Дж. Буша, согласились с тем, что не следует устанавливать никакого баланса между военной помощью и поддержкой прав человека, поскольку они являются взаимодополняющими интересами¹.

Казалось бы, противоречая самой себе на следующем же дыхании, М. Олкотт тогда утверждал, что США не должны отказываться от своей политики в области прав человека, а должны вместо этого выделять еще больше средств на эти программы, и что США «движутся в правильном направлении».

Государственная помощь США Узбекистану резко возросла с 58 млн долл. в 2001 г. до 221 млн долл. в 2002 г., что включало дополнительное финансирование в размере 128 млн долл. в дополнение к заложенным в бюджет 95 млн долл.² Эти средства предоставили 36 млн долл. в виде денег МВФ, 18 млн долл. для обеспечения безопасности границ и почти 80 млн долл. в виде излишков Министерства обороны и частных пожертвований гуманитарных товаров.

Помощь в области безопасности предоставляла средства для деятельности по нераспространению в Узбекистане (совместная программа Нанна-Лугара по уменьшению угрозы)³, включая очистку советских лабораторий по биологическому оружию, а также финансирование закупки военной техники и помощь, направленная на повышение безопасности узбекской границы.

4 млн долл., выделенные на демократические программы в Узбекистане, были

увеличены чрезвычайным дополнением до 8 млн долл. на 2002 г. Вместе с пакетом помощи также поступили дополнительные кредитные гарантии в размере 70 млн долл. от Экспортно-импортного банка США⁴.

Увеличение финансирования реализуемых USAID программ гражданского общества в Узбекистане еще больше усугубило растущую напряженность внутри страны по поводу деятельности НПО. С ростом участия США в программах экономического и социального развития возросла осведомленность и активность среди узбеков, вовлеченных в НПО или ставших их мишенью. Поощряемые к созданию своих собственных местных НПО, которые могли бы заниматься проблемами простых узбекских граждан, эти начинающие лидеры НПО стали все более громко говорить об условиях в стране. Это плохо отразилось на правительстве, которое, в свою очередь, стало все более подозрительно относиться к сообществу НПО⁵.

Таким образом, несмотря на сохраняющееся после андижанского кризиса взаимное недоверие, США и Узбекистану удалось восстановить высокий уровень сотрудничества, прежде всего в военно-политической сфере. Относительно символическое значение, демонстрирующее настроения узбекского руководства, имело открытие в столице республики в июне 2013 г. регионального представительства НАТО, на которое возложены задачи по укреплению практической кооперации Альянса со странами Центральной Азии. США и Узбекистан имеют двусторонние отношения, которые охватывают широкий круг вопросов. Вместе страны сотрудничают в решении общих проблем безопасности и поддержании экономического положения Узбекистана. Страны стараются развивать свои торгово-экономические отношения, стремясь расширить торговлю и инвестиции.

¹ United States. Congress. Senate. Committee on Foreign Relations. Subcommittee on Central Asia and South Caucasus. Balancing military assistance and support for human rights in Central Asia: hearing before the Subcommittee on Central Asia and South Caucasus of the Committee on Foreign Relations, United States Senate, One Hundred Seventh Congress, second session, June 27, 2002. Washington: U.S. G.P.O. pp. 51-52.

² U.S. Government Assistance to and Cooperative Activities with Eurasia // U.S. State Department Archive URL:

<https://2009-2017.state.gov/p/eur/rls/rpt/c10250.htm> (дата обращения: 07.11.2020).

³ Краткие комментарии к прекращению действия программы Нанна — Лугара // Московский Центр Карнеги URL: <https://carnegie.ru/2015/02/06/ru-pub-58994> (дата обращения: 07.11.2020).

⁴ Security or Human Rights? US Foreign Policy Dilemma in Uzbekistan // Norwegian Institute for Defence Studies URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/225933197.pdf> (дата обращения: 07.11.2020).

⁵ Ibid, p. 26.

Также обсуждаются вопросы защиты прав человека, верховенства закона и гарантирования гражданских и политических прав.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ahmed Rashid*, Democracy is not about to sweep Central Asia, *International Herald Tribune*, 7 April 2005; Alexander Cooley, Base Politics, *Foreign Affairs* 84, no. 6. 2005. Pp. 76–94.
- Antoine Blua*, Central Asia: Russia Could Double Troops at Kyrgyz Base: Future of U.S. Base in Doubt, *RFE/RL Feature Article*, July 14, 2005. P. 12.
- Charles H. Fairbanks, Jr.*, Disillusionment in the Caucasus and Central Asia, *Journal of Democracy* 12, no. 4. 2001. P. 53.
- Huq, A.* Extraordinary Rendition and the Wages of Hypocrisy. *World Policy Journal*, 23(1). 200. Pp. 25-35.
- John McCain*, When Decency and Expediency Clash, *Financial Times*. June 14, 2005. P.36.
- Kutnaeva Nuria* Foreign military bases in post-Soviet Central Asia // *Central Asia and the Caucasus*. 2010. №2.
- Martha Brill Olcott*, “Central Asia,” in *Strategic Asia 2002–2003: Asian Aftershocks*, ed. Richard J. Ellings, Aaron L. Friedberg, and Michael Willis. Seattle: National Bureau of Asian Research, 2002, p. 255.
- Paramonov V.* The Russian Foreign Policy toward Central Asia in Economic, Security and Social Spheres: a View from Uzbekistan // *Постсоветские исследования*. Т.3. № 2 (2020). С. 107-115.
- United States. Congress. Senate. Committee on Foreign Relations. Subcommittee on Central Asia and South Caucasus. Balancing military assistance and support for human rights in Central Asia: hearing before the Subcommittee on Central Asia and South Caucasus of the Committee on Foreign Relations, United States Senate, One Hundred Seventh Congress, second session, June 27, 2002. Washington: U.S. G.P.O. pp. 25-39.
- Ахмедов Х.Т.* Участие Узбекистана в развитии военно-политической интеграции и обеспечении региональной безопасности в Центральноазиатском регионе // *Постсоветские исследования*. Т.2. № 4 (2019). С. 1180-1186.
- Курьев К.П., Дегтерев Д.А., Смолик Н.Г., Станис Д.В.* Количественный анализ феномена геополитического плюрализма постсоветского пространства // *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. 2018. Т. 13. № 1. С. 134-156.
- Хуррамов Ж.Р.* Концептуальные основания отношений между Узбекистаном и Россией // *Постсоветские исследования*. Т.2. № 5 (2019). С. 1328-1339.

REFERENCES

- Ahmedov H.T.* Uchastie Uzbekistana v razvitii voenno-politicheskoy integracii i obespechenii regional'noj bezopasnosti v Central'noaziatskom regione // *Postsovetskie issledovaniya*. Т.2. № 4 (2019). S. 1180-1186.
- Hurramov Zh.R.* Konceptual'nye osnovaniya otnoshenij mezhdu Uzbekistanom i Rossiej // *Postsovetskie issledovaniya*. Т.2. № 5 (2019). S. 1328-1339.
- Kurylev K.P., Degterev D.A., Smolik N.G., Stanis D.V.* Kolichestvennyj analiz fenomena geopoliticheskogo plyuralizma postsovetskogo prostranstva // *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika*. 2018. Т. 13. № 1. S. 134-156.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Кенжаев Орифжон Зафаржон Угли, магистр в области международных отношений РУДН.

Kenzhaev Orifjon Zafarjon Ugli, Master of International Relations of the RUDN University.